Программа Спасения России

СПАСЕНИЕ НАЦИИ
и ДЕРЖАВЫ —
в ваших руках!!!

Обращение к русскому народу, всем россиянам!

Третья мировая война, завершившаяся два года назад, привела к чудовищному и несправедливому переделу мира. Только очень наивный человек может говорить сейчас о существовании суверенного российского государства. Российская государственность уничтожена. России как государства не существует. Великий Русский народ, великая Русская культура, Русская цивилизация, Русская Духовность продолжают иметь место... Но государства Россия больше нет. Земли великой России расчленены на ряд колониально-зависимых протекторатов, полностью контролируемых победителем в Третьей мировой войне — «мировым сообществом» во главе с США. Надежды на то, что колонизаторам России в течение начального периода колонизации удастся обеспечить мир на ее землях и сносное существование ее обитателей, окончательно рухнули. События последнего года показали явно и во всей полноте, что благоденствие коренного населения не является целью колонизаторов, напротив, ими предпринимаются все усилия для полного уничтожения коренного населения с целью высвобождения плодородных, богатейших земель. Используется любое пригодное оружие: войны, искусственное взвинчивание преступности, алкогольно-наркотический геноцид, зомбирование, лишение пищи путем непомерного роста цен, лишение медицинского обслуживания и т. д... По всей видимости, колониальная администрация, используя опыт большевиков 20-х годов, готовит россиянам «большой голод», который позволит ликвидировать сразу не менее нескольких десятков миллионов коренных жителей России. Вычленение из российской колонии Сибири, Дальнего Востока, Севера и передача их под полную юрисдикцию стран «мирового сообщества», вероятно, произойдет уже в ближайшие два года. Еще ранее из российской колонии будут вычленены «национальные автономии» — они будут превращены в отдельные «суверенные» колонии. Прогнозируемые события сделают процесс полной колонизации российских земель необратимым. Одновременно вступит в действие второй этап плана уничтожения России — ликвидация Русской культуры, Русской Духовности, Русского языка (подготовительный период — полной дискредитации этих понятий средствами массовой колониальной пропаганды — уже близится к завершению). При нынешнем развитии ситуации через два-три десятилетия выжившая часть «русского» народа, десять миллионов вненациональных субъектов, будут практически полностью ассимилированы «мировым сообществом». Еще двадцать-тридцать миллионов забитых, не помнящих родства «русских» иванов будут батраками гнуть спину на бывших российских землях, принадлежащих немцам, армянам, евреям, чеченцам, азербайджанцам, японцам, грекам, полякам, эстонцам. Понятия Россия, Русский Народ канут в Лету.

Есть ли спасение? Есть ли выход? Для того, чтобы излечить больного, надо поставить правильный диагноз. Необходимо выявить баланс сил. Итак, с одной стороны — все «мировое сообщество» с его непомерно-чудовищным аппаратом насилия и сверхразвитой экономикой, армиями, спецслужбами, карательными подразделениями быстрого реагирования, системой тотального зомбирования, тысячами миссионеров-проповедников, сверхмощным валютным прессом, ЦРУ, НАТО, колониальной администрацией России, «российской» армией, МБ, МВД, спецназами и ОМОНами, системами тотального подслушивания и шпионажа, доносов и стукачества, гигантской сетью колониальных средств «массовой информации», сотнями крупнейших и мощнейших преступных группировок, готовых по приказу администрации, начать резню населения, кланами криминал-бизнесменов с их нелегальными армиями боевиков-головорезов, националистическими антирусскими группировками, ненавидящей Россию русскоязычной «интеллигенцией и мастерами искусств», обслуживающими колониальный режим армиями проституток, педерастов, наемников, полностью зависящих от западной «валютной»

клиентуры и так далее, и тому подобное. С другой стороны — разрозненные, растерянные, ничего не понимающие, все еще верящие в «доброго дядю Сэма» русские люди, нищие и деморализованные, преданные всеми, обреченные на вымирание, брошенные даже иерархами Русской Православной Церкви, заявляющими, что Церковь вне политики, но активно поддерживающими колониальную администрацию и ведущими дело к экуменизации, к подавлению Русской Православной Церкви католиками, иудаистами. Интересы коренного населения выражает оппозиция. Но выражает вяло, слабо, все время скатываясь к соглашательству, поддаваясь на провокации... Короче, перевес сил однозначный, не поддающийся даже исчислению. Администрация доказала, что любые проявления национально-освободительной борьбы будут караться кроваво и беспощадно: зверские расправы 23 февраля 1992 г., 22 июня 1992 г., 1 мая 1993 г., когда вооруженными карателями садистски избивались и убивались беззащитные горожане, не оставляют сомнений в намерениях «мирового сообщества» удерживать свою власть в колониях. Любое национально-освободительное восстание порабощенного народа обречено на быстрое и жесточайшее удушение.

И все же выход есть. Есть — пока еще существует система выборов. Выход в ненасильственной, конституционной смене колониальной, антирусской администрации на избранную большинством русскую, национальную. В нынешней администрации нет ни одного русского человека, нет ни одного национально мыслящего политика или экономиста. Все действующие лица «русской» политики и «русской» экономики хорошо известны всем — нет необходимости останавливаться на их деяниях. Ждать от них чего-либо доброго в отношении России и Русского народа не приходится. Нужны люди новые, не связанные ни с какими партиями и прочими группировками, преследующими свои узкопартийные, а то и вовсе криминальные цели. Нужны национальные лидеры! Россия без русских правителей — это блеф, это колония, это помойная яма, это город, захваченный врагом-кочевником и отданный на разграбление! Те, кто таится сейчас по подвалам этого «города» и надеется, что беда и смерть их минуют, очень скоро убедятся в своей наивности. У России почти не осталось времени! Русские должны придти к власти на своей Родине, на своей Отчей земле, политой потом и кровью миллионов их предков! Придти именно сейчас, на ближайших выборах.

Именно по этой причине, как человек, не запятнавший себя сотрудничеством ни с какими партиями, группами и группировками, видящий смысл жизни исключительно в служении своей Родине — Великой России, Великому Русскому Народу и всем Россиянам, как писатель, публицист, историк, политолог, известный и поддерживаемый десятками миллионов россиян (об этом свидетельствует многомиллионная почта от моих читателей и озлобленная критика моей деятельности во всех без исключения колониальных средствах массовой пропаганды), как Русский, православный человек, не мыслящий себя вне России, с чистой душой перед Богом и людьми, и памятуя о величайшей ответственности, я, Петухов Юрий Дмитриевич, выдвигаю свою кандидатуру в Президенты России на ближайшие выборы.

В следующих номерах «Голоса Вселенной» (если его не запретит колониальная администрация), а также во всех средствах массовой информации, не побоящихся опубликовать правдивую информацию, будут напечатаны полный анализ сложившейся ситуации и моя Президентская программа спасения России.

Сейчас же могу вкратце заметить одно: навязываемые нам тезисы о приоритете только лишь интересов государства, в одном случае, и приоритете интересов личности, в другом, насквозь лживы и ведут к уничтожению как государства, так и личности. Мой лозунг — свободная, процветающая, одухотворенная личность в могучем, богатейшем, процветающем государстве.

Разговоры о том, что России нужны десятилетия и столетия, чтобы выйти из кризиса, это также искусная ложь, позволяющая грабить Народ и Державу. При Русском национальном правлении в России будет осуществлено следующее:

Подавление всех военных очагов в России — немедленно.

Полное уничтожение преступности — в 3-х недельный срок.

Возвращение незаконно отторгнутых русских земель — в 3-х месячный срок.

Восстановление ракетно-космической и боевой мощи Державы — в срок от года до полутора лет.

Обеспечение абсолютной неприкосновенности граж-

данина России в любой точке земного шара и равного соотношения рубль-доллар — в срок от года до полутора лет.

Бесплатное выделение земельных наделов от 0,5 га (для неземледельцев) до 10 000 га (для земледельцев) исключительно гражданам России — в срок до года.

Юридическое и фактическое оформление права каждого гражданина России на получение своей части прибыли от всех экспортируемых богатств России с ежегодной выплатой — в срок до года.

Изъятие из «мирового сообщества» всех награбленных им за восемьдесят лет исконно российских сокровищ на сотни триллионов долларов — в срок до трех лет (возможно с отсрочкой выплаты нам долгов, но тогда уже с процентами).

Обеспечение самого высокого жизненного уровня в мире и возможности приобретения для каждого отдельного гражданина России земельных наделов, строений, заводов, фабрик, плантаций за рубежом с правом личного владения и протектората России над этими владениями — в срок от 3-х до 5-ти лет.

Все вышеперечисленное абсолютно реально и достижимо в случае управления страной правительством, работающим в интересах нации. Выбор за вами — кем Вам быть: богатейшими и свободнейшими в мире людьми или батраками на чужой земле.

Тезисы Президентской Программы Независимого Кандидата в Президенты России Русского писателя Юрия Петухова

Основные вопросы, отраженные в Президентской Программе, можно разбить по следующим разделам: Государство и власть. Экономика. Внешняя политика. Преступность. Национальная политика. Социальная сфера. Права и обязанности граждан. По каждому разделу дается история вопроса, анализ положения в настоящем и программа выхода из кризиса.

Перед освещением каждого раздела в отдельности дается Краткий обзор ситуации.

КРАТКИЙ ОБЗОР. В настоящее время государства Россия не существует. Власть на расчлененных колониальных российских землях осуществляется «мировым сообществом» через свою колониальную администрацию. Экономика бывшего государства Россия (СССР) искусственно разрушена, процесс уничтожения остатков промышленности, сельскохозяйственного, топливного и энергетического комплексов продолжается ускоренными темпами. Преступность искусственно взвинчивается, мафиозным группировкам и бандам отданы на разграбление города и села России, мафия выполняет роль надзирателя и кнута в руках колониальной администрации, в случае возможных национально-освободительных выступлений преступные группировки вместе со спецподразделениями будут выполнять роль карательных отрядов по усмирению и уничтожению русского населения. Национальная политика, проводимая «мировым сообществом» на российских колониальных землях «разделяй и властвуй». Осуществляется политика изощренного стравливания всех народов бывшей России между собой, политика натравливания всех национальностей на русский народ. Истребительные войны инициированы с целью резкого сокращения населения на колониальных землях, уничтожения его собственными руками россиян без ввода колониальных войск и дополнительных затрат. С этой же целью планируются массовые эпидемии, голод, искусственная наркотизация и алкоголизация населения при практически полном отсутствии образования, медицинского обслуживания и правозащищенности. Одним из основных принципов национальной политики «мирового сообщества» на колониальных российских землях является сосредоточение полноты политической и экономической власти в руках посреднических нерусских кланов, производящих жесточайшее ограбление россиян и перекачивающих сокровища колонии в «мировое сообщество». Национальную политику можно охарактеризовать одним словом — ГЕНОЦИД. Своей внешней политики у расчлененных колониальных российских земель нет. Силовыми структурами колонии осуществляется внешняя политика «мирового сообщества», во всем без исключения противоречащая интересам бывшего государства Россия (СССР) и превращающая бывших союзников русского народа в дополнительных врагов, потенциальных его истребителей. Внешняя политика сконцентрирована на задаче уничтожения русских и славян везде и повсюду. О социальной сфере и правах коло-

ниального населения говорить не приходится, эти понятия условно существуют только на бумаге для отвода глаз так называемой «мировой общественности». Планируемое полное истребление русских и россиян в дальнейшем полностью исключает для них данные сферы. Успешно подготавливается вторжение непосредственно в колониальные владения силовых и экономических структур «мирового сообщества» для установления своей непосредственной власти («нового мирового порядка») и эксплуатации богатейших природных ресурсов российской колонии. До конца тысячелетия само название Россия, понятие Россия, Русский народ будут сведены на нет. Начнется новая фаза освоения очищенных от населения земель.

Государство и власть

ИСТОРИЯ ВОПРОСА. Для того, чтобы четко и осмысленно оценить сложившуюся ситуацию, надо понять одно: картина российской истории, нарисованная с одной стороны иудеобольшевиками-коммунистами, с другой стороны продолжателями их дела «демократами», представляет из себя набор абсолютно лживых, не соответствующих действительности положений, служащих для откровенной и целенаправленной дезинформации масс, разобщения народов, стравливания их друг с другом и постепенного искоренения. Ложью пропитано все насквозь! Не было никакой «русской революции», не было и в помине русского «революционно-демократического» движения, не было ситуации, «когда верхи не могут, а низы не хотят», не было «обездоленных, которые взяли власть в свои руки», не было «диктатуры пролетариата», не было «гражданской» войны... Все эти положения чудовищная дезинформация.

Процветающая и высокоразвитая Российская Империя была богатейшим и цивилизованнейшим суверенным государством с абсолютно равными правами всех и повсюду, с самым развитым законодательством. Даже в условиях затяжной 1-ой мировой войны жизненный уровень россиян оставался самым высоким в мире. Законное государство имело законную российскую власть, народоуправление, отточенное веками. Недовольных властью и государством были считанные единицы: опустившиеся люмпены, больные, бесноватые «р-р-революционеры», одержимые патологической манией переустраивать общество, выродки и дегенераты. Для того, чтобы понять правду о так называемой «русской революции», надо знать историю России. Никогда против России не воевала одна отдельно взятая страна. Всегда против нее выступало объединение стран и народов. «Мировым сообществом» инициировались и проводились против России и батыевы нашествия, и польско-шведская интервенция, и наполеоновское нашествие, и все крестовые походы, и гитлеровское нашествие — во всех случаях против России воевали десятки стран, народов, племен, включенных в войска. Экономические войны против России поддерживала вся «цивилизованная» Европа, все «мировое сообщество». История России и мировая история последнего тысячелетия это одна сплошная война «мирового сообщества» против России. Это непреложный факт! Серия «русских революций» — это акции, проведенные «мировым сообществом» в России и достигшие успеха. Это войны нового типа, подготовленные спецслужбами Запада, поддерживаемые «пятой колонной». Россию взяли изнутри. Все силы воевавшего мира объединились в своей вековечной цели — порабощения противника № 1: и германская империя, и англо-американский иудейский капитал, и японские хищники, и всемирное масонство (у нас долго хихикали над «масонофобами», дескать, выдумки... однако время подтвердило сильнейшую роль масонов в разрушении России, в частности, Временное правительство Керенского вместе с ним было полностью масонским и беспрекословно подчинялось французским масонским ложам, ведя Россию к гибели). Законная русская власть была свергнута не «русскими революционерами» и «пролетариатом, крестьянством и солдатами», а иноземными спецслужбами. К власти пришли иноземцы. В незаконном колониальном правительстве германского агента, иудеобольшевика Владимира Ульянова-Бланка, орудовавшего под кличкой Ленин, не было ни одного русского. Кремль охранялся китайцами и латышами. В стране зверствовали мадьярские, китайские, латышские и прочие иноземные дивизии. Это было внутреннее дьявольски хитрое вторжение с последующей оккупацией всей Российской земли. «Мировое сообщество» полностью разгромило Россию. Вели-

чайший преступник всех времен и народов, Бланк-Ульянов и его подельщики-главари осуществили вывоз и передачу «мировому сообществу» российских ценностей на десятки триллионов золотых рублей. Одновременно с вывозом сокровищ, продуктов питания, урожаев, русское население по плану «мирового сообщества» истреблялось голодом. И не только голодом. Никакой «гражданской» войны не было. Генеральный штаб Русской армии был уничтожен с самого начала, обезглавленная Россия с потрясающей жестокостью вырезалась иноземными ордами. Озверевшие «интернационалисты» забирали силой в свои банды русских крестьян, заставляли идти в атаку на своих братьев, гнали их пулеметным огнем на отцов и дедов. Одновременно специально созданной для истребления цвета русской нации Чрезвычайной Комиссией по всей России уничтожались русские люди, способные оказать сопротивление иноземному вторжению. Оккупационно-колониальный иноземный режим прикрывался лживыми вывесками, тем самым абсолютно дезориентируя истребляемую им массу населения. Около ста миллионов русских людей были уничтожены иноземцами-оккупантами. «Мировое сообщество» полностью финансировало истребление русских в России. Миф о «большевиках в кольце Антанты» — ложь! Враждующие стороны совместно поддерживали истребителей России, они держали интервенционные войска только до тех пор, пока иудеобольшевистская банда не закрепилась огнем и мечом на поверженной русской земле. В случае потеснения банды Русской добровольческой армией, интервенты должны были уничтожить остатки русского сопротивления. Многие люди были обмануты лживыми лозунгами и вовлечены в силовые структуры иноземного оккупационного режима. Уничтожение русского народа войнами, пытками, истязаниями, ссылками, голодом, эпидемиями длилось до середины тридцатых годов при полнейшей поддержке «мирового сообщества» и «прогрессивной мировой общественности». Гуманисты благословляли «интернациональную» банду на уничтожение Русского Народа. И тем не менее, в результате постоянной вражды разных кланов иудеобольшевистского карательного аппарата и в самой иноземной властной верхушке, а также в результате просачивания отдельных русских людей, клявшихся на верность «пламенным революционерам», но хранившим верность России, с середины тридцатых

годов началось постепенное, робкое выявление палачей и их уничтожение. Расстрелы бухариных, каменевых, рыковых, тухачевских, убийство троцких и прочей иноземной палаческой сволочи было лишь незначительной частью справедливого возмездия чудовищам-преступникам, отправившим в могилы половину России. Процесс этот проходил достаточно скрытно: так как власть все еще находилась в руках оккупационно-колониального режима. Здесь следует отметить особую роль Сталина-Джугашвили, трансформировавшегося из палача русского народа в охранителя прежде всего своей беспредельной власти, но одновременно и целостной и набирающей силы России. В этот период им были сведены на нет многие планы «мирового сообщества» — и в первую очередь насильственное расчленение России на национальные республики-«бантустаны», проведенное ленинской бандой, и являвшееся абсолютно незаконным юридически, направленным на стравливание народов разделом одной колонии на ряд колоний. Взрыв заложенной оккупантами «национальной бомбы» был на годы и десятилетия заторможен. Результатом постепенного возрождения России и очищения ее от иноземцев, выхода из-под контроля «мирового сообщества», упрочения ее во всех отношениях явился новый крестовый поход против России. Нападение гитлеровской Германии на Россию было однозначно и полностью инициировано «мировым сообществом». В планы самого Рейха никогда не входила война с северным соседом, его интересы были в иных местах земного шара. И все же рядом сложнейших тайных операций спецслужб США, Англии, Германии, Франции, Японии и других стран «мирового сообщества» Гитлер был в буквальном смысле брошен на возрождающуюся Россию. Все первые годы войны с затаенным восторгом «мировое сообщество» следило за «развитием процесса», за оккупацией русских земель. Исключительная мощь, сила, ум и выносливость Русского народа полностью сломали планы «сообщества», которому, чтобы не остаться у разбитого корыта, пришлось присоединиться к добиванию поверженного Россией германского противника. Результаты победы вновь были отобраны у России «мировым хищником». И все же это было взлетом, победа Русского Народа во Второй Мировой войне дала мощнейший импульс к развитию и восстановлению Империи Добра и Справедливости. Россия совершала невиданные

подвиги во всех областях. Однако спецслужбы «сообщества» работали на совесть. В России на базе многочисленного и привилегированного, близкого к властным структурам и входящего в них потомства «ленинской гвардии», «пламенных революционеров» нерусского происхождения, люто ненавидящих Россию и русских, создавалась мощнейшая «пятая колонна», имеющая кроме всего прочего полную власть надо всеми средствами массовой пропаганды, театрами, кинематографом и т. д. Попыткой реставрации иноземно-оккупационного режима был «период оттепели» и правление Хрущева, когда вновь была предпринята попытка развала и уничтожения российской экономики, вновь начался геноцид русского народа, крушение его святынь. Никаких хозяйственных экспериментов и поисков не было, это такая же ложь, как и ложь про «русскую революцию». Была слаженная работа спецслужб и «пятой колонны» по уничтожению России. Однако и эти тяготы были преодолены. Россия медленно, таща на своих плечах неимоверный груз, преодолевая колоссальное сопротивление внешних и внутренних врагов, дураков-правителей, не обращая внимания на озлобленный лай враждебной ей «мировой прогрессивной общественности» шла вперед. Это был всенародный подвиг освобождения из кабалы. Обноски трухлявой коммунистической идеологии вяло болтались на ее плечах, их никто не сбрасывал только потому, что они были привычны, никакого злобного человеконенавистнического иудеобольшевизма не оставалось и в помине. «Коммунистический режим» был чисто экономической властью над страной. Россия вытесняла своих врагов повсюду. И вот тут была объявлена негласная «третья мировая война». Она проводилась под лозунгом борьбы с коммунистическим режимом, которого не было. Цель была одна — вновь повергнуть Россию, уничтожить ее изнутри, используя всю мощь Запада и Востока, всю мощь выкормленной до невообразимых размеров «пятой колонны». Это был очередной, но уже сверхмощный и изощреннейший крестовый поход против России. Мощь его была столь велика, что часть руководства государства решила, утратив самостоятельность, перейти под руку более сильного — «мирового сообщества». Процесс, начавшийся с горбачевской «перестройки», завершился полным уничтожением российской государственности и установлением колониального владычества. «Пятая колонна», потомки «пламенных революционеров» вновь вернулись к власти над коренным населением. Политика геноцида и уничтожения русских вновь стала основой их деятельности. Вновь как и прежде все вершилось под абсолютно лживыми лозунгами. На вопрос, почему Россия не выстояла перед внутренним натиском «мирового сообщества», можно однозначно ответить, что за все послевоенное время в ней только намечался переход к законной русской власти, она была близка к этому эволюционному, законному процессу... и все же полноты русской законной власти в России не было. Посткоммунистические последыши бросили вожжи, не выдержав натиска «сообщества». Практически с самого начала Третьей мировой войны (проклятой «перестройки») Россия оказалась обезглавленной, армия полностью деморализованной предательством верховников и беспрецедентнейшей массированной клеветой, обрушившейся на нее из «всесоюзных рупоров» «пятой колонны». Попытка сохранения видимости российской государственности была пресечена «мировым сообществом» в августе 1991 г. Начался беспредельный грабеж русских, России, уничтожение коренного населения...

И все же до тех пор, пока русские остаются основным населением России, пока их не менее ста миллионов на своих отчих землях, «мировое сообщество» в той или иной мере вынуждено считаться с порабощенными миллионами, которые не уничтожить одной бомбой и тысячами автоматных очередей. Истребление проводится тихо, тайно, спланированно.

ПРОГРАММА ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА. Единственным спасением России может быть немедленное восстановление русской законной власти, работающей не в интересах «мирового сообщества», а в интересах нации. Первым и обязательным условием должно быть абсолютное прекращение иностранного влияния, выход из-под контроля «мирового сообщества», восстановление целостности России (все отделения и «суверенизации» юридически беззаконны, как незаконен был раскрой России на «республики-бантустаны» бандой большевистских узурпаторов), восстановление союзнических отношений.

Многие считают, что «процесс необратим». Это заблуждение. Интервенты неоднократно кроили и делили Россию, но она всегда восстанавливалась. Русский народ

и все россияне даже в нынешнем порабощенном состоянии обладают гигантским, ни с чем не сравнимым потенциалом. Нужна только национальная идея и национальная (а не иноземная) власть.

Русская власть должна быть восстановлена безоговорочно и повсеместно. Исполнители воли иных государств не могут оставаться в России ни на одном государственном посту, ни в средствах массовой информации, ни в армии, ни на хозяйственных должностях. Россия обладает исполинской живучестью, колоссальной жизненной силой. Всем ученым, историкам и обществоведам известно, что России не надо помогать, ее не надо подталкивать и поучать, ее надо просто оставить в покое, перестать уничтожать и грабить. И тогда она делает ошеломительные рывки вперед. Все внутренние проблемы Россия решит сама и в самые кратчайшие сроки, без малейшего вмешательства извне. Независимость России может быть восстановлена в считанные дни. На флоте и в армии, как и в каждом городе, селе, поселке преобладают люди, любящие свою Родину, готовые встать на ее защиту от внешнего агрессора в случае вмешательства контингентов быстрого реагирования, подразделений НАТО. Даже в порабощенном состоянии Россия тысячекратно превышает по своей мощи все югославии, ираки и сомали, подвергающиеся ракетно-бомбовым ударам обнаглевшего мирового жандарма. «Мировое сообщество» не решится на прямое военное вторжение и свержение законной власти русского народа.

Без национального правительства Россия обречена на гибель.

Экономика

ИСТОРИЯ ВОПРОСА. Экономическое развитие России всегда шло скачкообразно, по синусоиде. Причем подъемы однозначно следовали за периодами самостоятельного развития, без внешних влияний, спады всегда вызывались вторжениями (насильственными и ненасильственными) извне. Так, к примеру, все известное нам из учебников о «благотворных» реформах Петра I — это неправда. Существует очень точная пословица: «горе побежденному, его историю напишут победители». Историю петровских «реформ» писали те немецкие безградмотные лавочники и колбасники, которых он сделал адмиралами, графами и т. д. Для них он был безусловно «самым прогрессивным прогрессистом». России все следование западническим образцам, все слепо-тупое попугайничание принесло развал в экономике, горе, смерть, голод. Но весь запад нахваливал Петра — этот властитель России вполне устраивал западников. Восстанавливать разрушенную им экономику пришлось очень долго и очень тяжкими усилиями. Во все эпохи находилось множество иноземных «доброжелателей», которые беспрерыдыху подсказывали нашим «просвещенным» царькам и генсекам, что и как вершить. Все их советы всегда, без исключения вели к ослаблению России, что позволяет делать однозначный вывод — советнички-«доброжелатели» действовали в интересах иных держав, а в целом — в интересах «мирового сообщества», главнейшей целью которого на протяжении последнего тысячелетия было ослабление и последующее уничтожение России, как своего потенциального врага. «Мировое сообщество», проводя незримую тайную войну против России, всегда действовало не просто жестко, но и чрезвычайно жестоко. Им финансировались все «революционно-демократические движения», «пятая колонна» внутри России. Стоило России начать экономически подниматься, как тут же принимались экстраординарные меры: так был зверски убит наемниками «мирового сообщества» царь-благодетель Александр II, в расцвете сил был умерщвлен один из умнейших и талантливейших людей мира император Александр III, готовились покушения на Николая II, инициированные «мировым сообществом» революции и «народные недовольства»... которые не смогли ослабить невероятно живучую Россию — экономического колосса конца XIX-го — начала XX-го веков. Только одновременное исполинской мощи внешнее и внутреннее вмешательство пошатнули Империю Добра и Справедливости, оплот мира на Земле. Иноземно-большевистская сволочь, как ей было приказано извне, начала с разрушения экономики России — варварского, дикого, беспрецедентного. Освободиться от иноземного ига Россия смогла частично лишь перед Великой Отечественной войной — взрывное развитие экономики, насильственно сдерживаемое иноземными властями и их советниками, в считанные годы привело к превращению России в одного из мировых титанов (точнее, к возвращению в свое естественное состо-

яние). Хрущевские прозападнические «реформы», проводимые под диктовку «пятой колонны», управляемой из ЦРУ, привели к хаосу, снижению темпов развития, кризису. Снятие «реформатора» и отказ от советников из «мирового сообщества» вновь привели к бурному росту всех отраслей и выходу России в ранг супердержавы с неизмеримо-колоссальнейшим экономическим потенциалом.

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ. Утрата Россией своей государственности, суверенитета и переход ее в разряд колоний, управляемых из метрополии, привели ее к соответствующим результатам. На протяжении последних лет Россией управляет колониальная администрация, основной целью которой помимо истребления коренного населения является полное уничтожение российской экономики и всего хозяйственного механизма — это относится и к сельскому хозяйству и к инфраструктурам. Все объяснения, что наши «экономисты» постоянно ошибаются и не могут предугадать последствий своих «экономических» шагов, не выдерживают ни малейшей критики. Хозяйство огромной страны, сверхдержавы при содействии «советников» из «мирового сообщества» уничтожается последовательно и целенаправленно. И это спланированное уничтожение не имеет ни малейшего отношения к переходу на «рыночные отношения», к капитализму от социализма и т. д. Это все слова, прикрывающие действия. А действия — разрушение экономики России с целью полного и окончательного уничтожения потенциального соперника и использования его богатейших ресурсов по своему усмотрению.

ПРОГРАММА ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА. Немедленная остановка всех без исключения «реформ». Выдворение западных и восточных советников из страны. Снятие с ведущих постов проводников прозападной колониальной политики разрушения экономики России. Разрыв всех договоров с иными странами, заключенных в годы «перестройки» и «реформ». Восстановление народного хозяйства. Централизация — как высшая форма существования и развития экономики. После полного восстановления структур и механизмов уровня 1984—85 годов — постепенный, эволюционный, безшоковый, параллельный (без разрушений и «перестроек») переход к «рыночным» отношениям в промышленности и сельском хозяйстве. На переходный период полностью перекрывается перекачка на запад и восток российских национальных богатств: нефти, газа, леса, золота, алмазов, пушнины, платины, рыбы и т. д. Одновременно должен быть с полной определенностью поставлен перед западом вопрос о возвращении России долгов на многие сотни миллиардов долларов (из России на протяжении десятилетий вывозилось практически бесплатно все — от художественно-исторических национальных сокровищ до триллионов кубокилометров российского газа, за который получали лишь германские трубы по которым этот газ утекал в ту же Германию).

История показывает, что при естественном ходе развития России нужны считанные годы для достижения сверхблестящих результатов. Два-три года неограбления России приведут к феноменальному росту по всем показателям — сотни миллиардов долларов останутся в стране, будут решены навязанные нам проблемы с дефицитом бензина, масел и т. д. а отсюда и все остальные проблемы.

Процесс ускоренного разрушения российской экономики колониальными властями пока еще обратим. Но через шесть-восемь месяцев распад и развал будет доведен до стадии необратимости. Многие питают иллюзии, что при западных хозяевах они станут жить лучше. Это очень наивные мечтания. Западным хозяевам русская рабочая сила не нужна. Именно с этой целью проводится истребление коренного населения.

Внешняя политика

ИСТОРИЯ ВОПРОСА. Всегда и повсюду при соблюдении национальных интересов Россия была гарантом мира и стабильности на земном шаре. Именно Россия не допускала дикие орды с Востока в Европу, Россия сокрушила вандала Карла XII, терроризировавшего Европу, Россия усмирила палача Европы Наполеона, закабалившего полмира, Россия освободила мир от гитлеровского ярма, только благодаря России на карте мира появились Соединенные Штаты Америки — если бы не решительная позиция России, эта колония до сих пор бы находилась под английской короной и т. д. и т. п. — примеры можно приводить до бесконечности. Пока кони русских казаков пили воду из Сены, мир на планете был обеспе-

чен. Стоило только России утрачивать свои позиции — повсюду разгорались чудовищнейшие войны, вершился самый варварский геноцид — пример тому: дичайшая грызня, которая разразилась и в Европе и в Азии после вывода оттуда российских войск, после предательства кликой Горбачева российских национальных интересов (за что указанный деятель получил от лицемерного «мирового сообщества» нобелевскую «премию мира»).

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ. Собственная внешняя политика у России на настоящий момент отсутствует. Как колония, управляемая «мировым сообществом», она осуществляет целиком и полностью последовательно и планомерно внешнюю политику «мирового сообщества», прежде всего США, Израиля, Англии. Разрушены многовековые связи с союзниками, расчленена держава, стоят вопросы о передаче исконно российских земель иностранным государствам.

ПРОГРАММА ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА. В первую очередь — немедленное и безоговорочное восстановление целостности России, возвращение ей всех территорий, переданных колониальной администрацией искусственно созданным «правительствам» и «администрациям», возвращение шельфов Тихого океана, незаконно «подаренных» Горбачевым Соединенным Штатам, немедленное снятие всех вопросов о возможности передачи островов и других территорий иным государствам, как абсолютно беззаконных (российские земли не имеет права ни дарить, ни продавать, ни передавать ни один из администраторов, будь то император, генсек или президент, земли не являются предметом купли-продажи, президентам они не принадлежат и распоряжаться ими президенты не имеют права, передать или продать президенты и их чиновники могут лишь собственные, личные дачи, и то лишь после проверки законности их приобретения. Никто и никогда не давал права никому распоряжаться Русской землей).

Все проводники антироссийской внешней политики должны быть немедленно отстранены от должностей, все договора, заключенные колониальной администрацией по указанию извне, должны быть незамедлительно расторгнуты, как не имеющие юридической силы.

Должны быть в самые короткие сроки восстановлены союзнические отношения с Индией, Ираком, Югославией. В целях обеспечения проведения российской национальной политики должны быть в кратчайшие сроки восстановлены Средиземноморская, Тихоокеанская флотилии, Северный флот и прежде всего подводный атомный. Сила и мощь России — это гарантия мира во всем мире, так было во все времена. Однополюсный мир, во главе с США — «мировым жандармом», приведет в самое ближайшее время к чудовищнейшим всемирным трагедиям. Во имя спасения мира мы обязаны восстановить мощь нашей Державы. Верить в басни о «миротворчестве» США и ООН — сверхнаивно! При их прямом вмешательстве по всей планете идут кровавые войны, сеется смерть, обстреливаются ракетами мирные города, вырезаются с садизмом и зверской жестокостью целые народы. Обуздать агрессивный альянс «мирового сообщества» в силах только независимая великая и могучая Россия.

Преступность

ИСТОРИЯ ВОПРОСА. Преступность как таковая не имеет корней в российских традициях, в русском национальном характере. Преступность во всех ее проявлениях на протяжении веков и тысячелетий заносилась в Россию извне, развивалась в среде отбросов общества и культивировалась при режимах иноземной прямой или косвенной власти, или уничтожалась, сводилась практически к нулю при власти национальной. Дикие взрывы преступности (при негласной поддержке ее извне) всегда наблюдались в смутные времена: в годы польско-шведских интервенций, в правление масонского ставленника Питера I, во время наполеоновского нашествия... особых размахов достигала преступность при кровавом режиме иноземно-большевистской сволочи, использовавшей преступный сброд в своих целях, сплошь и рядом шедшей с этим сбродом на прямое соглашательство и совместные действия по истреблению коренного населения (латышские банды, банды Махно, банды Котовского, одесские банды, банды «интернационального» преступного сброда, слетевшегося пировать в умирающей России как воронье со всего «цивилизованного» мира и т. д.) Перед Великой Отечественной войной преступности был дан основательный бой — в результате частичного восстановления российской исторической власти в России преступникам в 1930—50-х гг. пришлось основательно

потесниться. Очередной взлет преступности прослеживается во время «хрущевской оттепели» — при поддержке «пятой колонны» и по заданию внероссийских центров (во многом на их средства) преступность росла как на дрожжах. Перед началом «перестройки» преступности был дан «бой», носивший форму очередной кампании.

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ. Колониальная администрация, как и ее внешнее руководство заинтересованы в постоянном росте преступности в колонии. Этим отвлекается население от возможной национально-освободительной борьбы, этим фактором население удерживается в постоянном стрессовом состоянии. Преступность всячески культивируется властями, не исключено, что основные мафиозные кланы поддерживаются финансово, ибо именно они (как абсолютно инородные прослойки) должны будут обеспечить подавление возможных народных восстаний, голодных бунтов, забастовочного движения. У соответствующих органов имеются все данные обо всех преступных кланах в России, в том числе и о кланах из «суверенных» иностранных государств Закавказья и Средней Азии. Однако не делается абсолютно ничего, для того, чтобы приостановить преступную деятельность кланов, напротив, границы открыты, ввоз оружия практически неограничен, если возникают местные российские группировки (типа отрядов местной самообороны), которые пытаются защитить коренное население от притеснений заезжих кланов, эти отряды (с подачи самих кланов) немедленно обезвреживаются, задерживаются — об успехах борьбы с ними широко вещает пропаганда (хотя на деле уничтожают тех, кто пытается остановить преступность). Все это и позволяет делать выводы, что колониальная администрация кровно заинтересована в росте преступности, в дислокации во всех крупных городах и прежде всего Москве и Петербурге мощнейших иноземных преступных группировок (большевики также для подавления населения держали латышей и китайцев). Надеяться на снижение роста преступности при колониальной администрации было бы несерьезно.

ПРОГРАММА ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА. Борьба с преступностью может быть проведена сверхэффективно и в самые короткие сроки, причем эта борьба будет завершена полным уничтожением преступности в России (за исключением преступности «пьяной», «бытовой», которая будет сокращена в сотни раз, и преступности, носящей психопатологический характер). Все приемы борьбы не подлежат раскрытию. Но пример можно привести. На протяжении столетий Россия была фильтром, который просеивал все преступное, идущее в Европу и остальной мир из Азии и Закавказья (основных криминогенных районов). Это слишком дорого обходилось России и слишком дешево Европе. При условии «железных» границ вполне возможно обеспечить упрощенное проникновение преступного элемента транзитом через Россию в Европу, более того, способствовать этому процессу, не давая преступным кланам оседать в городах и поселках России, принося ей чудовищные беды. Хватит уже России быть добровольным «фильтром», пусть Европа сама решает свои проблемы. Преступные кланы, перед которыми встанет вопрос: или сверхсуровые условия существования их банд в России, или свободная инфильтрация в Европу, Штаты и Азию, выберут последнее...

Что касается коррупции и должностных преступлений, их можно остановить только одним путем — введением особого положения со всеми вытекающими последствиями. Организм колонии созрел для хирургического, предусмотренного законодательством вмешательства, и это вмешательство должно быть произведено. Грабеж державы необходимо пресечь решительно и силовыми мерами.

Сентябрь 1993 г. Юрий Петухов

Послесловие из 2004 г. Если бы мне удалось хотя бы на месяц получить власть в свои руки, стать президентом, Россия была бы спасена. Для этого достаточно было бы закрыть границы, поставить все ядерные ракеты на боевое дежурство (демонстративно), отдать под трибунал всех главарей «перестройки», повесить их как нацистских преступников (только по приговору суда!), восстановить госсобственность, дать свободу русским предпринимателям и воссоединить Великую Россию (Советский Союз). Мы были бы сейчас единственной сверхдержавой с самым высоким уровнем жизни. А США нашей колонией.

Иуды и Антихристы

Странные и страшные слухи прокатываются временами в примолкшем, затаившемся народе российском, раскрываются уши и сердца людей в преддверии чего-то ужасающего, грозящего мором, гладом и небытием. Одни слухи прокатываются и растворяются, уходят. Другие остаются, преобразуясь неведомым образом в нечто более весомое — в мнение. Не отдельных человеков мнение, не групп и группировок, партий и объединений, а мнение людское, народное — тихое, некричащее, но гранитно-базальтовое по своей тяжести и несдвижимости. И это уже не слух, и не мнение, это уже вера — вера в тяжкое и черное зло, истекающее на саму землю, зло, которому надо противостоять и миром и в одиночку... Вот и сейчас после зловещих октябрьских событий в народе широко распространилось недоброе, черное: близится конец века, видны отблески грядущего Конца Света, уже явилось его предвестниками на святорусскую землю воинство антихристово во главе со своим предводителем-президентом; он, президент, и есть сам Антихрист, сеющий повсюду смерть, голод, разорение, боль, ужас, болезни и несправедливости, а Мишка Меченый, он же херр Михель, был лишь жалким и суетным предтечей Антихриста, может, даже одним из десятков «предтеч», истачивавших нас изнутри, подготовлявших приход Черного Мессии, установителя «нового порядка», порядка сатаны... и все чаще и чаще, те, у кого еще от «новых порядков» язык не заплетается, называют порядок этот отнюдь не демократическим, а дьяволократическим.

С тяжелым и пригвождающим мнением народным, с верованиями и поверьями трудно бороться. Но все же задумаемся, вытягивает ли властитель наш на роль Антихриста. По Священному Писанию приход Антихриста будет внезапным, а сам он должен быть иудейских кровей... С кровями промашки нет, приход «реформатора» тоже был внезапным — он свалился всем нам на головы неожиданно. Хотел уж было сказать, будто гром небесный, но вовремя осекся, предупредил богохульство, ибо

когда имеешь дело с исчадиями ада, небеса лучше не поминать применительно к ним. О последствиях прихода и говорить нечего, все налицо: войны, кровь, смерть, разруха, вымирание народов, катастрофы, горе-горькое... Вылитый Антихрист!

И все же, возводя политического деятеля, крушащего все вокруг себя, в ранг Антихриста, мы безмерно льстим ему, поневоле многократно повышаем в чине и даже обожествляем. А обожествляя, тем самым снимаем с него ответственность — ну, дескать, Антихрист, он и есть Антихрист, что с него возьмешь, у него и служба такая — антихристова! И одновременно в сознании грозное и тяжелое перевоплощается в повседневно-бытовое, на уровне ругани шалопаев: «ах, ты, антихрист такой-сякой! ирод проклятый! как Мамай прошелся, антихристово семя!» К слову замечу, уверен, что архаическое «мамай прошелся» скоро отомрет, наши дети, внуки, видя следы погромов, будут изрекать мрачно: «как демократы прошлися». И будут правы, ибо их нашествие на Россию чудовищней всех нашествий предыдущих «антихристов»: и мамаев, и батыев, и наполеонов, и гитлеров (предпоследнему «антихристу», Гитлеру, не удалось расчленить Россию, а нынешние справились с этой задачей играючись).

Народ велик и прост. Ему хочется видеть Антихриста зримо и четко, «по написанному в книгах». И ежели оказывается, что меченный херр Горби не антихрист, то его преемник — точно, первейший Антихрист! Да только вся беда в том, что дьявол, чьей ипостасью и является Антихрист, не столь прост. Дьявол не приходит в мир открыто — еще ни один из губителей и разорителей не объявлял себя посланцем Зла, враг человеческий всегда проникал в мир тайно, под масками «освободителей», «реформаторов», «перестройщиков» и прочих «благодетелей». У нас в последнее время стали много писать о «строителях Храма», тайных властителях мира, но ни одна из тысяч пишущих рук не вывела до конца — что за строители? что за Храм? Сокрушители Христианства могут построить только храм сатаны, и никакой иной. И Храм этот уже построен — там, в «цивилизованном мировом сообществе». Осталась пядь земли, которую слуги дьявола не могут одолеть — Россия. Не территория Российской Федерации, нет, территория уже давно во власти «сообщества». Никакого государства Россия нет, скоро два года как нет! Есть Русский народ, Русская культура, Русская ду-

13 — 9853

ховность. Но государства нет. Мы сами не заметили, как оказались в колонии, управляемой извне. И нынешние властители — это не оккупационные власти, как писала расстрелянная оппозиция, нет, слишком много чести, это колониальная администрация, послушно выполняющая волю «мирового сообщества», а если быть точными — волю «строителей всеземного храма сатаны». И все же Россия не покорена. Для того, чтобы ее покорить, надо истребить все русские христианские души (что и делается). Народ наш понял — какие силы его одолевают. Но по простоте и открытости своей смертоносную плеть в руке Антихриста принял за самого Антихриста, глумливую маску на лице его принял за само лицо... Возможно, Антихрист и явится миру внезапно, молнии подобно, как было предречено. Но уже многие столетия, особенно последние десятилетия он приготавливает этот приход, он идет в мир тайно. И приход его осуществляется на иных уровнях — черное зло, рядящееся в ослепительные одежды, проникает в души человеческие, накапливается в них, аккумулируется, расходится по белу свету. И вот когда концентрация потаенного духовного зла достигнет степени насыщения, когда само скрываемое «строителями храма дьявола» зло станет необратимым, непоглотимым — вот тогда и высверкнет из черных адских туч черная молния — Антихрист явит себя миру внезапно, будучи уже во власти надо всем миром этим. Но надо думать, что явится иудейский мессия не ранее, чем будет сокрушена последняя твердыня Христианства, оплот Света и Добра — Святая Русь. Государство Россию можно завоевать, превратить в колонию... Святая Русь необорима.

Дьяволократический режим — это таран в руках грядущего Антихриста. Вещь страшная, жуткая. И все же бревно с бараньим или медным лбом, которым пробивают бреши, еще нельзя назвать самим Антихристом. Бревно дьявола может сокрушить экономику, перетолочь все земли, повымести и перебить люд... но этот сатанинский таран бессилен пред душой. Душа всегда выше, любой удар, пусть и адской силы, проскальзывает под ней, он может сокрушить тело, но не Дух. И тут Антихрист является из своей «цивилизованной общемировой» цитадели под иными масками — легионы бесноватых проповедников насылает он на Русь, ловцов и губителей душ. Истерически вопиющие о своей «любви к Иисусу» дьяволопоклонники получают полную власть над Россией — они получают ее из рук колониального режима, из рук того же антихристова воинства. Легионы колдунов, прорицателей, магов, целителей, сектантов, сатанистов, скрывающихся под вывесками «белых братств» и «богородичных центров», легионы шарлатанов и служителей золотого тельца — антихристово воинство, осаждающее Святую Русь. И снова маски, шутовские наряды, лицемерие... дьявол не является миру открыто, на то он и дьявол. Проделайте эксперимент: вглядитесь в лица наших «реформаторов», постоянно показываемые антихристовыми легионерами по ТВ, выключите звук — и смотрите полминуты, минуту, две... смотрите только на лица, вглядывайтесь в глаза. И вы все поймете. Маски! Нелепые, нездешние маски, за которыми прячется Черное непомерное зло. Зомби, истово исполняющий волю «строителей Храма», волю ненасытного, хищного в своих вожделениях «мирового сообщества», изгрызающего изнутри и снаружи Россию, это еще не сам Антихрист. Не слушайте речей, не надо, только смотрите в эти маски, следите за зрачками, за шевелящимися губами — и вы увидите: в этих людях нет души, это мертвецы-зомби, поднятые из своих могил и слепо выполняющие волю мирового Зла.

Антихрист еще за пределами Святой Руси. Но черные пальцы его сжимают ее горло, выдавливают глаза, протыкают уши. Необорим только Дух. С него и начнется возрождение.

Итак, народ уверовал в антихристову силу «реформаторов». А вот прозревающая интеллигенция наша, российская, все твердит что-то про предателей, иуд, распродавших Россию, жалуется все, дескать, какие нехорошие, взяли и всех предали и продали. Тут тоже надо разобраться. Самим себя обманывать не годится, зачем тень на плетень наводить? Кто это нас предал? Пятая колонна нас предала? так она и была пятой колонной, изначально ненавидящей Россию и русский народ, желающей ему и ей всяческих зол. Для того, чтобы предать, надо быть своим, нашим. А та мразь, что пришла к власти в роковом семнадцатом, как и ее сынки-внучки, никогда не была нашей, своей. Банда палачей-«интернационалистов» вволю поизмывалась над Россией, истребила миллионы русских, а когда суровый Иосиф Виссарионович, хитрый и терпеливый азиат, начал выводить эту банду ее же руками, ручейками перетекла она в своих сынах и внуках в пятую колонну, в мощнейшее и лелеемое властями «дис-

сидентство». Какие же это наши, какие же свои?! Нет! Сейчас у многих глаза пооткрывались — лишенные власти сыновья и внуки «пламенных революционеров» не с «коммунизмом» боролись, они бы в него преотличненько вписались, не потесни их конкуренты, нет, они всегда ненавидели Россию и русский народ и боролись только с ними. Шестидесятничество — это столь же чуждая, инородная для России сила, как и иудеобольшевизм. Одна большая и до ветхозаветности злобная семейка. Они всегда были чужими в России. В двадцатых они окружали себя легионами латышских стрелков и китайцев, позже злобой и отчуждением. Всегда Россия была для них «этой страной», русские, в лучшем случае, «этим народом», а чаще «быдлом», «свиньями». В их душах всегда жил чудовищный страх. Они всегда ждали возмездия, погромов, расправ. На их роду был адский грех — десятки миллионов истерзанных, убитых, уморенных голодом. Они всегда ждали мести, им, преследователям, мерещились преследования. Они бы сами мстили долго, люто и страшно. Но им не мстили. И это было непонятно для них, это порождало чудовищные комплексы... Так какие же они иуды-предатели. Они всегда были сами по себе: и в Кремле, и в местечках, и в «домах на набережных», и в «межрегиональных группах», всегда и везде они оставались чуждой России силой. И они это доказали, вновь вернувшись к власти, точнее обретя ее полноту.

Чудовищное, непостижимое горе выпало на долю России. Когда ей лишь на мгновение истории удается ослабить на горле удавку антихристова воинства, «строителей нового порядка и Храма», она взлетает к небесам... и вновь черные крючья вгрызаются в ее тело, бросают в пропасть. Иуд тоже хватает к сожалению. Но у власти не иуды. Каждому явлению всегда есть точное определение. И если мы будем плаксиво и слюняво обижаться на каких-то вымышленных «иуд», которые, дескать, любили Россию, потом вдруг разлюбили и всю ее вдрызг распродали, мы ничего не поймем и ничего не добьемся.

Зло надо воспринимать как зло, надо ставить на его пути заслоны. И не надо нам больше сказок, про «хотящих нам добра», но вечно ошибающихся, идущих не тем путем. Носители зла горазды на объяснения и оправдания, своими «благими намерениями» они выстилают дорогу в ад всем нам. И они не иуды. А иудами будем мы, если пойдем их путем, по их указке. Вот тогда мы станет иудами и пополним воинство Антихриста. До тех пор, пока мы стоим, будет стоять и Святая Русь — и не бывать царству Антихриста на Земле. А на исполнителей воли дьявола найдутся исполнители Воли Господней.

Сентябрь—октябрь 1993 г. *Юрий Петухов*

Послесловие из 2004 г. Время подтвердило правоту моих слов. Не антихристы, а мелкие бесенята, бесноватые чужебесием, правят нами. И с иудами стало всё ясно... «Пятая колонна» или, по Шафаревичу, «малый народ», никогда не была сборищем предателей, а была изначальным врагом, внутренним врагом. Предателями-иудами можно называть только тех, кто вопил на всех перекрестках об «антинародном режиме», бил себя в грудь, называясь «патриотом», а сам тайком подписывал предательские договора с Украиной, скажем, давая ей тем самым право вступать в НАТО, кто ратифицировал всякие предательские СНВ (по ядерным ракетам)... – речь идет о зюгановской компартии, насквозь лживой и продажной придворной «оппозиции». Да, сам папаша Зю изрекал правильные слова, клеймил режим. Но дела его расходились со словами. А судить нас всех будут по делам. Новоявленные иуды, попы гапоны развалили оппозицию в России. И прежде всего виноват в этом Зюганов и его клика. Двенадцать лет просидеть в Думе и ни хрена не сделать для народа?! Более того, утопить и расчленить этот народ. Дать индульгенцию и власть над русскими инородным «землячествам» (коммунисты пробили этот «интернациональный» закон)! Это самое настоящее подлое предательство! Виноваты и «литературные бонзы», раздувавшие щеки от своего непримиримого «патриотизма» и получавшие подачки от режима... Многие оказались самыми настоящими иудами! И при этом они на своих собраниях льют слезу под «Прощание славянки»... Мерзость! Подлость! Иуды довели до того, что народ разуверился во всем...

Предисловие

Теперь, по прошествии одиннадцати лет с той трагической поры высочайшего духовного взлета и почти смертного, гибельного падения в пропасть безысходности, особенно четко видится все подлинное, истинное, светлое и все наносное, лживое и подлое. Время утишает боль и лечит душу. Время подтверждает истинность прозрений тогдашних. Так было, так есть и так будет. Это самое время, жестокое, но праведное, лишает терновых венцов героев и мучеников тех, кому их носить не подобает, и ныне, те, кто готов был отдать жизни за руцких и хасбулатовых (тысячи людей отдали свои жизни), теперь видят, что вожди их, по сути дела, играли в ту же игру и по тем же правилам, что и гайдары, ерины и грачевы, с одной и другой стороны регулярно взывая за советами, помощью и инструкциями к американскому посольству. Нас заставили всеми средствами массовой пропаганды сосредоточить свое внимание на ходах лидеров двух группировок, одна из которых засела в Кремле, другая в «белом доме», будто кроме них ничего и не было. А ведь было нечто большее, чем просто танки, циничный расстрел парламента, героическое сидение за белыми стенами... Да, помимо этого было Народное Восстание, которое нарушило планы не только правящего режима, но и противоположной стороны, восстание, не санкционированное ни Ельциным, ни Руцким, ни Хасбулатовым, Восстание, которого насмерть перепугались обе стороны — ведь когда девятый вал народного гнева разметал все правительственные преграды, смел их со своего пути, обратил в бегство сотни тысяч милиционеров и солдат, белодомовские сидельцы (речь, разумеется, не о тех героях России, которые на самом деле пришли ее защищать, а о принимавшей решения верхушке) впали в прострацию, их охватил паралич

бездействия, более того, ужаса. Им принесли на ладонях власть. Но они привыкли играть по правилам номенклатурной «элиты», и они испугались того, что властью их наделили не из-за океана, не из Кремля, не из штабов «мирового сообщества», что власть им вручил восставший Народ. Прострация и страх перед этим Народом привели к трагедии. Чудовищной трагедии! И все же был один день, даже полдня подлинной свободы, пусть только в Москве, подлинного Народовластия! Честь и хвала депутатам, бесстрашно певшим за толстыми каменными стенами песню «Варяг», их мужество и стойкость заслуживают уважения. Но вне стен гибли простые, безвестные и поныне люди — подлинные герои народно-освободительного восстания, те, по горам трупов которых пришла потом к власти «придворная оппозиция», подхватившая лозунги погибших, но отнюдь не дела их... Власть имущие и оппозиция сделали все возможное, чтобы люди России и мира ничего не знали о Восстании, в архивах ТВ и спецслужб хранятся километры видеолент, запечатлевших этот непостижимый, ослепительный взрыв народной мощи, народного духа... Но нам показывают одни и те же кадры официальной версии октябрьских событий, нас заставляют жевать одну и ту же жвачку, вглядываться в одни и те же лица, подсовывают фальшивки, путают следы, сбивают с толку, морочат нам головы велеречивой болтовней про провокации, хитроумные планы охранки, про коварные замыслы коммунистов (которые вообще отсиживались в стороне и не имели к Восстанию ни малейшего отношения). Я верю, что рано или поздно подлинная Правда, не «правда» ельциных, не «правда» руцких, а Правда народная всплывет на поверхность. И мы поймем, что у России был шанс, верный шанс избежать позорной участи колонии, шанс вернуть себе статус великой свободной Державы. Мы упустили этот шанс, мы сами надели на себя кандалы... И все же он, тот октябрьский далекий день, тот миг свободы был — и его не вычеркнуть из Истории.

Автор

Черный Дом

22 сентября — 5 октября 1993 г.

В этот день, озаренный небесным огнем, солнечный и ярый, не разум и не чувства бросили меня в гущу событий, не ноги привели на сверкающую тысячами белых щитов Калужскую (по старому наименованию - Октябрьскую) площадь, и не друзья-товарищи, а лишь Провидение Божие. Конечно, знал я и о времени, и о месте сбора всех, кто имел свои счеты к режиму, знал. Но еще с вечера твердо решил — не пойду, нечего мне там делать — опять обманут, опять предадут, как предавали многажды. Чего скрывать, не минины и пожарские сидели в Доме Советов. Всё так, но других-то не было — не было настоящих, своих, русских там, а ежели и были — баркашовцы да приднестровцы — так не их голос решал дело. Вечер накануне я провел в расстроенных чувствах. И было от чего горевать — 2 октября 1993 года в серые и унылые небеса поднимались над Москвою столбы черного дыма. Центр Москвы походил на оккупированный многочисленным врагом город. Весь день ходил я кругами и не мог пробраться на Смоленскую, все было перекрыто — каждый переулочек, каждый дворик был загорожен. И не как-нибудь стояли бравые ребята в касках, с дубинами и автоматами, а плечом к плечу, да в три-четыре ряда, да через каждые сто-двести метров новое кольцо — то ли владимирских пригнали, то ли курских — в самой Москве уже не хватало ни войск, ни милиции, ни омонов со спецназами, чтобы сдерживать народ.

А на баррикадах жгли костры. Тащили все подряд и жгли. Унылая была картина. И было тихо, угнетающе тихо. Еще два, три, пять дней назад на подступах к Дому Советов шли жестокие рукопашные бои — на один удар старческой клюкой сыпались в ответ тысячи зверских по силе ударов прикладами, дубинами, кулаками, ногами. Стражи порядка усиленно отрабатывали «спецпаек», нипочем не жалели «красно-коричневых» старушек и ветеранов, что выходили защищать еще ту, старую свою Победу, выходили да и ложились костьми на мостовую под ударами сынов да внуков. Плохо проинструктированный ОМОН, со всеми спецназами кряду, заодно бил смертным боем и журналистскую, репортерскую братию, дубасил, пинал, ломал и кровавил не токмо российского нашего брата-борзописца, но и иноземного его коллегу — только трещали и лопались головы да камеры, только хруст костей стоял. Тех, кто еще мог бежать от стражей, загоняли в метро, добивая на эскалаторах. Упавших пинали для острастки, топтали, а потом забрасывали в машины и вывозили в неизвестном направлении — то ли в застенки пыточные, то ли сразу в землю, где-нибудь подале от Москвы, кто сейчас копать да искать станет? Никто! Но это было.

А 2-го числа октября месяца избивали да убивали только там, у баррикад. За оцеплениями многотысячными царили тишь да благодать, лишь переминались усталые «ратники», недовольно поглядывали из-под касок на народишко, из-за которого их томили в цепях да вяло отбрехивались от старушек-агитаторш, что пытались усовестить «внучков». Старушки не жалели себя, до хрипоты твердили и про одну родину, и про то, что все русские... «Внучкам» было плевать на агитацию и на самих старух, им хотелось если уж не в дом родной на побывку, то хотя бы в казарму. У «внучков» все эти «москвичи проклятые», которые никак не хотели тихо работать себе да посапывать в две дырочки, вызывали раздражение. Старушек было мало. А по Новому Арбату двигались туда-сюда огромные, равнодушно-жующие, пестрые толпы с влажными и отсутствующими глазами. Всем было на все плевать, сто раз плевать — окружай всенародно избранных, мори их голодом, верши чего хошь, оцепляй чего не лень, бей и убивай кого следует — плевать и еще раз плевать! Эти сытые толпы с уже не русскими глазами навевали уныние еще большее, чем бронированные цепи автоматчиков. Добивал контраст: старушки и ветераны у цепей, редкие парнишечки и женщины были как-то бедненько, простенько одеты, потерты да исхудалы, с тенями и желваками на лицах, полуизможденных, тревожных. А в толпах ходили всё сытые да холеные, упитанные и отнюдь не бледные. Толпам было хорошо, и потому им ничего больше и не надо было. Ветера-

нам и старушкам хотелось чего-то большего. Никому ничего не надо! Эти слова в последние годы стали нашей национальной поговоркой. Никому. Ничего. Не надо. День был загублен. Душа рвалась туда, к баррикадам, на которые с оцепенелой тупостью бросали то поливальные машины, то желтые бульдозеры, то рати омоновцев. Но на баррикадах сидел люд крутой и тертый, атаки отбивали, справлялись. Железными чудищами стыли в унынии бронетранспортеры с задранными стволами, сновало множество желтых, синих, белых машин с мигалками, сотни минираций тряслись в красных руках озабоченных милицейских чинов и «военачальников», гудело, сопело что-то, сигналило, и беспрерывно, впустую суетилось, суетилось, суетилось... будто в идиотическом авангардистском фильме маразматического абсурда. Никому ничего не было надо! Вот и всё. А черные дымы ползли в небо, огромными, мрачными, извивающимися свечами. Жгли толь, покрышки, резину всякую. Дважды обходил я огромное, ощетиненное стволами внешнее кольцо, пытался проскользнуть к восставшим двориками — один паренек присоветовал, мол, только что сам оттуда, два раза туда-сюда ходил. Не тут-то было! В дворах, будто сошедшие с видеолент американских боевиков сидели, стояли, топтались совсем уже не похожие на русских, вооруженные до зубов, закамуфлированные, замотанные до глаз зверовидные головорезы — спецназ, а какой, разве разберешь, когда их столько развелось. При приближении к ним, головорезы вставали и делали шаг вперед, эти уже не предупреждали, они готовы были размяться, скучно им было. А мне казалось почему-то, вот отдежурят свою смену, получат за сиденье и топтанье, за крушение челюстей и избиение старух свои доллары, переоденутся — и вольются в сытую, жующую толпу на Новом Арбате или тысячах таких же «арбатов» по всей Расеюшке и будут ходить толпой туда-сюда, холеные и кормленые, с нерусскими отсутствующими глазами. И расстраивался еще больше — где Русь? где люди русские? где защитники землюшки родимой и воины ее праведные? неужто все повывелись, да выстарились в этих вот бедненьких и простеньких старушек и ветеранов с палками и обвязанными веревочками очками? Тоскливо было в тоскливый этот день.

Дважды пробирался я к Дому Советов. Но там было тихо. Поблескивали смертным блеском валы страшной спирали

Бруно. Стояли ряд за рядом, шеренга за шеренгой не просто «внучки», а отборные мордовороты, будто всех «качков» со всей России собрали да в броню вырядили. Стояли, но пройти было можно — восемь колец насчитал я, петляя дворами да проулочками. Но в самом окружении Дома Советов стояли уже наглухо, как вокруг Смоленской, плечом к плечу, броня к броне, и БТРы, и грузовики, и машины поливальные, из коих вдруг высыпали отделения бойцов и начинали ноги разминать, дело виденное еще и первого, и девятого мая. И все с противогазами наготове. Судя по всему белодомовских сидельцев собирались поначалу тихо и мирно травить газами, без пальбы и танков. Правда, на каждого баркашовца и приднестровца, коих окрестили «бандитами» и «боевиками», в Доме Советов приходилось по тридцать женщин да детишек. Но, видимо, режим эта мелочь не смущала — лес рубят, щепки летят. Ходил я, бродил — пока не заподозрили в чем-то подрывном, да не погнали от «объекта». Но тихо, лениво погнали, не от сердца, а по «долгу службы». Никому ничего не было надо! И этим мордоворотам ничего не было нужно. Ни стрелять, ни ругаться со старухами, ни подыхать от случайной пули даже и не «боевика» вовсе, а одного из подпитых своих — это, конечно, позже, но все равно — им не было нужно. Им были нужны только те самые баксы, что им наобещали. И все! Эти тоже были из сытой и жующей толпы.

Вернулся я на Новый Арбат, когда уже начинало темнеть. На парапете подземного перехода, под нелепым и синим глобусом, знакомым всем, стоял Аксючиц и призывал пятьшесть десятков старушек, ветеранов и изможденных парнишечек к спокойствию. Он поведал, что случилось с утра на Смоленской. Народ собрался на митинг, хотели идти к Дому Советов, нагрянули каратели, завязалась рукопашная, садистски избили выхваченного из толпы учителя, пинали поверженного, добивали дубинами. Потом один из карателей вынул пистолет и дострелил умирающего. Позже убили парнишку, который бросился на выручку. Пролилась первая кровь. Теперь должна была последовать анафема — недаром ведь Патриарх грозился проклясть первых, проливших кровь. Кровищи и до того дня пролилось много — с 22-го числа лилась она и лилась. Но не было доказательств, не было — сотнями, тысячами народ попадал в больницы с черепными и прочими травмами, избитый и израненный, да,

видно, врачам по Москве особое распоряжение было выдано, не свидетельствовать пострадавших... ну, а сколько трупов вывезли да схоронили в заброшенных карьерах, прудах, оврагах — одному Богу известно, работали до самого ослепительно светлого воскресения 3-го октября профессионально, замывали следы, даже поминавшиеся западные борзописцы и их операторы, избитые да изувеченные у метро «Баррикадная», видно, из любви к демократии и демократическому режиму помалкивали. Такая вот демократия! А ведь снимали всё, снимали все дни подряд, с 22-го сентября по 6 октября и позже, снимали тысячами камер, я все видел своими глазами, индикаторы камер, эти красные глазки, горели круглосуточно отовсюду: снизу, сверху, слева, справа, изо всех щелей. Вот такая демократия! Наверное, чтобы увидать всю правду, надо, чтоб тоталитарист-диктатор какой-нибудь пришел к власти. Демократы-лицемеры не показывают. Ну да Бог... прошу прощения за святотатство, с ними, конечно же, не Бог, а их отец родной и хозяин — дьявол, вот и пусть так будет, дьявол с ними! Поговорил Аксючиц, поговорил — да и уехал. А дымы всё стояли. Страшные, черные дымы над Москвой — вестники нехорошего.

Приехал я домой удрученный и мрачный. Больная мать сидела в кресле и ничего не слышала, считала удары сердца: «Один, два, три... тридцать...» И всё. Тридцать ударов в минуту. Сердце совсем отказывало, она была бледной, отечной, с посиневшими губами. Но вызывать скорую или ехать в больницу категорически отказывалась, это еще больше угнетало меня. Я не мог разорваться. Я не мог ничего поделать — ни здесь, ни там. Дважды врачи-изуверы из ее поликлиники заставляли ездить к ним на прием, еле живую, задыхающуюся, теряющую сознание, с тридцатью-то ударами, пульсирующей тонкой ниточкой. Спецы! Мразь! Это были они же, порождения «нового порядка» — сытые, тупые, жующие, им ничего не было надо. Но мы верили им, ибо кому же еще было верить — врачи, клятвы гиппократа... все в прошлом. Теперь «новые русские», гангстеры в белых халатах, новые реалии нового бытия — «процесс пошел», как говаривал один плешивый иуда. Мать держалась. Не хотела оставлять дома. Да и какой это возраст, семьдесят, обойдется, ведь еще две недели назад ходила да бегала.

Выслушав упреки жены, развел я руками. Я ведь не мог

влезть в сердце матери, заставить его биться быстрее, сильнее, я не мог подключить своего сердца. Я мог только вызвать скорую. С гнетущими тревогами, нервный и усталый включил я телевизор и просидел в кресле до полуночи, ожидая, что вот выявится вдруг на экране благообразный лик Алексия Второго и предаст Патриарх анафеме убийц, как и обещал. Еще верилось Патриарху, казалось, верховный пастырь всех православных это ж все-таки не трибунный обещальщик, готовый хоть на рельсы лечь, хоть еще чего покруче загнуть. Не выявился, не проклял. А своевременно сказался больным. И еще горше стало от этого — никому ничего не надо! И вот тогда пришло ко мне совершенно четкое... нет, не осознание, не предвидение, а знание — предадут. Сразу припомнились мрачные, холодные, дождливые и гадостные дни после знаменитого президентского указа, когда, казалось, из самого ада выползли черные, беспросветные, колючие тучи и закрыли собою Москву. Это был знак.

Страшный указ. И страшная чернота, мразь, слякоть, холод, ураганный ледяной ветер в столице. Возрадовалась преисподняя и дохнула своим леденящим дыханием, погрузила в предбытие свое град вавилонский. И отвернулся Христос от погибающей блудницы — ни лучика солнца, ни просвета... а только мерзость и уныние мрака. Я ходил в те дни в Дом Советов, смотрел, слушал, видел всех. И уходил. Камень лежал на сердце моем. И непонятно мне было, почему туда столь отчаянно рвется Проханов, проклинавший совсем недавно губителей Союза — всех этих депутатов, руцких, хасбулатовых. Нет других. Один ответ. Других не было. Или сейчас или никогда. Поле Чести! Время не даст другого шанса. Но предадут они поверивших в них. Нет, я не верил тогда, что предадут. Просто тревога душила мою душу. И когда подступы к Дому закрыли, я приезжал туда. Я стоял во мраке на безлюдном мосту. И ветер, ураганный, ледяной, мокрый ветер бил в спину, толкал вниз — в мертвенные волны отравленной реки. И прибивались стайками и поодиночке люди с плащпалатками, укутанные, с вещмешками, и спрашивали одно — как пробраться ТУДА?! Я показывал им. Но сам я не шел ТУДА. Я стоял под хлещущим дождем и видел не мрак... а смеющиеся, довольные лица — они пришли к власти тогда, в августе девяносто первого, когда сердце щемило от острейшей боли за Россию. Они убили мою Россию — как бы она ни называлась, Союз, Совдепия, плевать, вывески не имели значения, вывески тленны, все идеологии

выдыхаются, отмирают, а Держава остается, будь Сталин хоть трижды коммунистом, он не разрушил Империи, он упрочил ее, выбив крепкой ногой табурет из-под палачей Русского народа, расчленителей и «бешеных псов», мне плевать на вывеску, страна жила, блюла границы, не давала себя в обиду, шла к просветлению, к возрождению, богатству и славе, и все бы эти вывески сгнили бы, и никто про них не вспомнил бы никогда, ибо Империя выше червей-паразитов, изгрызающих ее, она должна давить их, не спрашивая их имен, ибо низки и мерзки — они остановили естественный ход Истории, они обманули всех, сказав, что борются с коммунизмом, они не убили большевистской мерзости ни вокруг, ни в самих себе, но они убили Россию. Они — и Хасбулатов, и Руцкой, и иже с ними, все, сидящие в блокадном Доме, все депутаты проголосовали за расчленение Родины, за тайный сговор в проклятой навеки Беловежской Пуще. И это они смеялись тогда, они были довольны. И пусть раскаялись они, пусть! Раскаявшийся убийца все равно остается убийцей, жертву его не воскресить и событий вспять не повернуть. А народ шел, шел в Дом Советов. Народ видел Президента Руцкого, взявшего на себя бремя власти. Народ слышал: «Я не выйду отсюда! Я не выйду отсюда живым!» Время стирает старые боли и обиды. Да! Боль и обиды можно простить, забыть. Но нельзя поверить. Очень хочется, ведь это шанс, это кивок удачи, единственная возможность вырваться из оков колониального ига. Но предадут вас, и падете еще ниже! Нет, я не верил тогда в предательство. Человек живет надеждой. Я стоял на мосту и смотрел во мрак — Белый дом был черен и мрачен, он был такой же как эти адские, черные, колючие тучи. Но внутри него горели свечи, я знал. И эти свечи могли осветить Россию, разорвать мрак над нею. Могли.

Еще тогда, будто в злом предзнаменовании, «белый дом» был Черным Домом. Мы изменили себе сами, вслед за теми, кто всегда изменял всем и повсюду. Белый Дом! Им хотелось жить в своей, хоть маленькой, плохонькой, бедненькой, но «америке». Им не хотелось жить в России. И они начали называть себя на «американский» манер префектами, мэрами, президентами... они думали — вот переименуют все вокруг в оффисы, департаменты, супермаркеты... и станет все как там, пусть хуже и плоше, но, главное, чтобы как там! Плебеи. Но они заставили нас называть себя так, как им

хотелось, и все вокруг называть так, как и им желалось. Магия слова! Наш «пентагон», наш «сити», наш «белый дом»... С такой же суетной поспешностью и блеском в глазах давным-давно, наверное, вожди всяких там папуасов угодливо перенимали все от своих белых господ-колонизаторов. За вождями была первобытность. За нами тысячи лет культуры. Не все, правда, об этой культуре слыхали. Наши вожди не слыхали. Плебейство, холуйство, смердяковщина. Идти в «белый дом»? Защищать «нашу молодую демократию»?! Мрачные мысли навевал ледяной ветер. Что там у Руцкого было в голове, ежели говорил он о двух вещах несовместимых: о России и о «молодой демократии», ради которой нам, мол, надо бы и жизни положить. Нет, выбери что-то одно. Или ты с демократией и «мировым сообществом», губящим Россию. Или с этой гибнущей Россией, с ее народом, истребляемом демократами. Не служи двум господам — бить будут. И все же это был подвиг. Подвиг не от осознания, подвиг с перепугу — их отменили, запретили, и парламент, и спикера, и вице-президента — подвиг отчаяния, когда уже не просто приперли к стенке, а когда выбросили за борт. Ну а пока еще не приперали и не выбрасывали? Что, надеялись ужиться? О России думали? Или о «молодой демократии» под патронажем настоящего, а не холуйско-лакейского Белого Дома? Стоял я на мосту, продрогший и заледеневший. Мог пойти ТУДА. А мог и не пойти. У меня были отступные пути. А они говорили, что «живыми не выйдут». Тогда еще никто не знал, кто выживет, кто не выживет — все под Богом ходим. Еще в далеком детстве, помню, насмотримся мы с друзьями-ребятишками фильмов про «подвиги разведчика» и прочих, и ну друг дружку просвечивать: «а ты б выдал под фашистскими пытками, предал бы?!» Тогда все ребята в эти игры играли. И отвечали одни: «Не знаю, держался бы, пока мог...» И верил я им. Но говорили другие пламенно и пылко: «Ни под какими пытками не выдам! Ни за что не предам!» И знал я — предадут, именно эти предадут. Слишком пылко и пламенно говорят, слишком много блеску в глазах. Некоторые сокрушители и губители России, сдуру выпихнувшие к власти русофобов-демократов, рвали потом на головах остатки волос: и Юрий Власов, и Станислав Говорухин... Им верилось. Творили, сами не ведая, что творят, хотя не в лесу жили, могли бы полистать кое-какие издания да газеты. Нет, куда там. Но этим верю, пусть замаливают грехи с чистым

сердцем. Простому и прямому генералу Макашову верю. Этот не вихлял, знал — Держава одна, и не «демократическая» она, не «коммунистическая» и еще какая, а просто Родина, которую надо защищать от врага. Он не искал отступных путей. А кто искал? Я помню, как метался по площадям и заводам Ельцин, как взывал тщетно к работягам да прохожим, не слушали, не хлопали, посмеивались со злым прищуром... А в Кремле голоса считали, кто доверяет, кто не доверяет. Искрутился спикер, извертелся, мог дожать, но не дожал, маленькую лазеечку назад для себя оставлял, думал, после такого урока будет вытянутый им из почти уже свершившейся отставки президент тише воды, ниже травы. Да просчитался, слишком много ходов прокрутил-нагадал, там, где только два были: «да» и «нет». Играл в «законность», будто не знал, с кем играл. Все знал! Отступные пути готовил. Как комиссары гражданской — выскочат из окопа, завопят «вперед, товарищи!», взмахнут картинно маузером, все «товарищи» так и бросятся вперед... а они — в окоп обратно.

И при всем при том это было сопротивление. Хоть какое-то сопротивление разрушителям-колонизаторам. А потому уже — подвиг. Вот и пошли, прощая все прежние преступления врагам своим, пошли под их знамена настоящие Русские парни Баркашова, приднестровцы, казаки. Они поверили. Поверили, хотя знали не меньше моего. А знание было простое: старые грехи долой, будто не было их, встал за Россию, значит, Русский, все позабыть можно, но... были мы там, были, ждали — вот сейчас тем, кто поверил, тоже поверят, выдадут хотя бы на пятерых, на десятерых по автомату или уж, на худой конец, по «макарову». Не выдали. Значит, поверившим — не поверили. Правильно, всякие бывают, и подосланные, и провокаторы разные, но так те, ежели потребуется и свои стволы пронесут. Не поверили! Почему? Отходные пути мостили. Вроде бы, вперед! за Родину!.. но из окопа, в котором потайные траншейки ведут далеко-далеко от поля боя. И все равно это был подвиг. Говорят, только глупец бросается в огонь, очертя голову, а умный всегда, идучи в атаку, знает, куда при отступлении бежать. Тогда так бы и сказали: «Уйдем, коли совсем прижмут, но уйдем продолжать дело»! А сказано было: «Живыми не уйдем!» И потянулись на клич такой люди Русские, честные, бескорыстные, простые и верящие слову. И... Но

это потом. А в те хмурые дни я стоял под хмурым небом и думал о «молодой демократии» и ее защитниках. А на подступах народ били. Изо дня в день. Народ-то простой все, пенсионеры, подростки, женщин много, они не знают, что надо не под флагом и не кучей, а по одному, будто бы мимо, врассыпную — тогда и пройдешь. А они кучей, как при старом режиме, когда стражи порядка еще охраняли шествующих. Ныне шествующих били беспощадно, как завидят группку возле метро или подале, так и бегут бить. И всегда карателей было больше, это как-то даже путало: где народ-то? может, вот эти ражие молодцы в форме и есть народ, их большинство. Горькие были дни. И тягостные.

О тех днях отдельно писать надо — каждый день — роман, и то не вместятся все судьбы.

И давило что-то черное, гнетущее — всех давило, у кого хоть что-то в голове было. С экранов — истерическое давление, мол, окопались «красно-коричневые» коммунисты, враги демократии, сидят и смертные приговоры подписывают, списки черные составляют — сами себя демократы пугали до чертиков в глазах, а народ слушал, жал плечами, да думал втихую, хоть бы вас, дармоедов, побольше включили в эти самые списки! Два пресса, два давления. С одной стороны верхушечно-телевизорное, визгливое, запугивающее, вопящее, трясущееся и исходящее от страха и злобы желтопенной слюной, а с другой стороны — народное, тихое, безмолвное, необъемное и потому тоже страшное, а посреди... вернее, сбоку — жующие толпы с пустыми нерусскими глазами. И бронетранспортеры, пулеметы, автоматы, каски, щиты, дубины, камуфляж — будто вражий десант несметный высадился посреди города и ждет команды. Давило. И все равно душа воспаряла, ведь хоть и безоружные против сотен тысяч стволов, хоть и наверху невесть кто и откуда, хоть и неразбериха, растерянность, суета, а все ж таки — вот оно, впервые, против нерусей заморских за землю святорусскую. Не идеальные заступники. Но нашлись. И встали богатырской заставой не где-нибудь на дальних рубежах, а там, куда враг подступил, даже и не подступил, а в самом его логове! И светлее становилось во мраке и холоде.

И вот сидел я 2-го октября, в день начала Народного восстания в Москве, до полуночи перед вражьим ящиком, ждал слова Патриаршьего. И не дождался. Никому ничего не надо! И вот тогда я понял, нет, узнал — предадут. И заклялся,

хоть убей, не ходить никуда. У меня дело. У меня дом. У меня мать больная — сидит, ждет, когда сердце остановится. Тридцать ударов! Одна нога в пустоте уже... А перед моими глазами стояли черные дымы на Смоленской. И уже знал я, что сведут все опять ни к чему, как во время игр в «доверие-недоверие», потому что нет у нас сейчас ни мининых, ни пожарских, не родила их земля наша. А если и есть где-то — не дойдут, не поспеют. Все впустую. Так и лег угрюмый и мрачный.

Так и встал — мрачный и угрюмый, с неприкаянностью в сердце. Матери моей, Марии Николаевне, стало получше малость, чуть порозовела даже, хотя и пульс не участился, и сердце сильнее не забилось. Но глаза ожили немного. А я бродил из угла в угол мертвый душой и неприкаянный. Потом взял жену, да и поехали мы куда глаза глядят, по Москве колесить. Но только не туда... только не туда! Изъездили мы немало, истоптали ноги, мыкались, мытарились уже оба, ибо заразил я и ее неприкаянностью и унынием. И сами не заметили, по какой-такой кривой, как выбросило нас на Калужскую, прямо через патрули милицейские и армейские, которые просеивали народец еще на станциях метро. Выбрались мы в сияние солнечное, в ярый, озаренный небесным огнем день, в сверканье щитов и касок.

И сказала мне моя Нина Ивановна:

— Будет дело.

И сказал ей я:

— Не посмеют.

И поняли мы друг друга.

Это тогда, в первомайский денек, заманили демонстрантов в ловушку, тысяч восемьдесят заманили, да устроили побоище лютое. До того людей забили-затравили, что пришлось тем, жизни спасая, взламывать мостовую булыжную и пускать в ход «оружие пролетариата». Насилу отбились тогда. Но уже 9-го мая, когда вышли четыреста тысяч, огромной живой рекой, с флагами: «Русские идут!», не посмели встать на пути. Видели мы тогда с Ниной Ивановной, как таились по всем дворам и подворотням каратели, как стояли там без числа и счета спецмашины да броневики, видели и противогазы... посреди Москвы, у всех, но не случайно! Орды, орды и орды таились по закоулкам, выжидая знака к расправе над людом московским. Но не посмели. Слишком уж много народу вышло. Слишком уж открыто и прямо шли

Русские люди, не пряча своих боевых наград еще за те, военные победы. Слишком много объективов сияло — на каждом столбе фонарном по пять фотокорреспондентов сидело, из каждого окна по Тверской камеры торчали — ждали крови, ждали боя. Но не посмели тогда, в святой день, поднять руку на ветеранов Победы, побоялись, видно, что встанет Россия и сметет колониальную администрацию — ведь хуже горькой редьки надоели всем демократы, само словечко-то непотребное «демократия» в грязное ругательство превратилось и произносилось в люде российском не иначе как «дерьмократия», да еще с добавлениями: «хреновая, поганая, долбанная» и похлеще.

Позвал бы Руцкой из своего малого «белого дома» не «молодую демократию» защищать, а матушку Россию, миллионы бы к нему пришли. А он по старой демократической памяти — все «демократия» да «демократия». Боевой генерал! Хотя к тому времени, к концу сентября да к 1-му и 2-му октября телевизионные гарпии вопили с ужасом в своих выпученных глазах-сливах, что, мол, уже и не Руцкой с Хасбулатовым бал правит, а какие-то страшные, фашистские «красно-коричневые боевики», что взяли они полную власть над бывшим, по их счету, вице-президентом впридачу со спикером (будь оно неладно это иноземное словечко).

Итак, 9-го не посмели. Про это я и хотел сказать. И сказал. Но кривил я душой на счет дня сегодняшнего, в котором стояли мы под ярым солнцем. Ведь знал, после вчерашней бойни и осады не то что посмеют, а по стенам размажут! И потому послал я любимую и ненаглядную домой. От греха подальше. Женщина она горячая, жаждущая везде и во всем справедливости. Одним словом — казачка, не чета нам, москвичам, привыкшим к мерзостям и гнусностям. Я видел, как она закипала, расходилась, один вид тысяч щитов и дубинок действовал на нее словно на быка красная тряпка. И сказал я ей:

— Поезжай домой, за Марией Николаевной присмотришь. А тут всякое может быть, я-то тебя знаю, еще углядишь, где чего не так, да проломишь башку какому-нибудь милицейскому чину вместе с каской, а мне потом тебе передачи носить.

— Тогда пусть лучше на месте убивают, — ответила жена. — Это ж надо, вышли с палками на старух и баб!

— С тобой все ясно, — успокоил я ее.

Нина выдала мне целый букет напутственных советов, зная, что тянуть меня домой уже бесполезно, ничего не выйдет. Но не ушла. Обошли мы с ней всю Калужскую, встали у начала проспекта — и увидали такое море людей, что головы закружились. Карателей были десятки тысяч. А народу — сотни! И вот тогда понял я, что не ноги меня приволокли сюда, и не жена, а Божье Провидение, и что идти мне с моим народом туда, куда он пойдет, а убивать будут, значит, судьба. И еще раз послал я Нину Ивановну домой. И сказала она, что поедет, вот только постоит малость, подышит свежим воздухом, поглядит на народ. Потому как права она была — это шел именно Народ. А по другим дням по улицам сновали толпы. Народ он сразу виден. Его не перепутаешь с толпой. И стенами, стенами, стенами в сотни метров белели огромные щиты, вся площадь — огромная масса людей в обрамлении сверкающих щитов и касок. По телевизорам желтые пропагандеры нам показывают на состряпанных ими «патриотических» митингах беззубых уродов, снятых особым приемом, полубезумных старух, матерящих всех подряд, прибившихся бомжей. И впрямь прибиваются к Народу всякие. Но не они есть Народ, лгут мошенники телевизионные, им за это платят.

Чтобы прикинуть, сколько примерно собралось в поход на «белый дом», залез я на парапет черногранитный, и поразился: ни конца ни краю людскому морю. Глазомер у меня надежный, в армии служил в мотострелковых частях, совершенно точно знаю, как выглядит рота, как полк, как дивизия, знаю и сколько в каждом подразделении народа и на какой площади уместиться могут. Вот и разбил я море человеческое на квадраты да прямоугольники, вперед, назад — сколько глазу далось на подсчет: за пятьсот тысяч — а дальше не видно было. И спрыгнул я тогда с парапета. В третий раз направил жену домой, за матерью присмотреть и себя поберечь. А самому надо было пробиваться в голову колонны, иначе и не пробьешься!

Народ восстал.

Пока я в унынии терзал себя, обуреваемый тревогами и предчувствиями, Народ восстал. Это было сразу видно. Люди шли плотно, сцепившись руками, под знаменами и транспорантами, под синим, безоблачным небом и ясным солнцем. Сам Господь Бог с небес подавал знак. Это Он разогнал мрак черных туч преисподней. Это Он, а если и не Он сам, то Архистратиг Небесного воинства Архангел Михаил вел народные полки — безоружные, но вооруженные самым сильным оружием — Правдой, вел по земле Русской. И уже ощущалась какая-то неуверенность и робость, даже растерянность в лицах «стражей порядка». Да и сами лица здесь, на Калужской были иные, человеческие, русские, не то что у Дома Советов, видно, не смогли набрать столько нелюдей, пригнали подневольных милицейских ребят, русских парней, которым, коли б не служба, идти со своим Народом. Вот так взяли демократы, да и поделили Русских на тех, что со щитами и дубинками, и тех, что с Правдой. А кто истерикам по вражьему ящику предавался-то? Всё люди нерусские, гомонящие, суетные, скуляще-плаксивые и одновременно напыщенно-наглые, с блестящими выпученными глазищами, да лошажьими носищами, да каким-то приговором иноземным, да с картавеньким присюсюкиванием-прихлюпыванием, чужие, не наши, бегущие отсюда да никак не убегающие, жгущие за собою мосты наши, жгущие дома наши, а сами — всё чужие, чужие, чужие... А тут, на улицах и площадях, свои — и с одной стороны, и с другой. И прислали тех, что с другой, чужие. Прислали, а сами не пришли, чужими руками сподручнее кровь проливать и безопасней. И пробивался я в голову исполинской колонны, и смотрел на тех и других. Русские люди, доколь же вас стравливать будут чужаки в доме вашем?! Бросьте щиты и дубины, идите с нами! Дело и не в тех вовсе, кто в Доме Советов заперся, а в нас самих, не хотим в колониальную «дерьмократию», под иго чужим, трусливым и наглым, обирающим нас, унижающим нас. Не хотим! И вы не хотите! ... Но служба. И отворачивались парнишечки-милиционеры, здоровые, крепкие, цвет нации... плоть без души, тела без головы, рожденные русскими, но служащие «мировому сообществу».

Долго врали потом, что это сброд шел, что банды «боевиков», «коммунистов», выродков всяких... Ложь — ремесло врущих. Имя им легион. Отец их дьявол. И средства всей дьявольской пропаганды в руках легиона. Это они выродки, как справедливо писал гениальный русский ученый и писатель Григорий Климов. А шел по Калужской и дале — Народ, люди умные, добрые, честные, красивые, рабочие, инженеры, учителя, школьники, приезжие... да тот самый люд, что своими руками и сделал нашу Державу, что не по ларькам и банкам сидит, а по заводам, фабрикам, институ-

там исследовательским, школам работу работает. Хороший люд. Русский. И большинство — женщины. У нас везде женщин большинство, потому как мужиков наш враг повыбил да споил, рассажал, сдурив их и оморочив, по тюрьмам и лагерям. Но шли оставшиеся мужчины, шли твердо, смело — и за себя, и за тех. Пенсионеры шли, ветераны, перемогая годы и болезни, старики, не сломленные битьем дней последних. Были даже с совсем свежими повязками на головах, с проступающей, незасохшей еще кровью — этих уродовали и ломали вчера-позавчера. Но они все равно шли, ноги держали, значит, надо было идти. Не погромщики, не хулиганы — ничего не трогали, не разбивали, шли достойно, с благородством и спокойствием подлинных хозяев всего, что окружало их — своя земля! Это у тех вислогубых истериков, что с экранов дьявольских не сходят, пусть под ногами земля горит — чужая для них земля. А мы шли по своей.

Пробился я в голову полумиллионной колонны. И все мои горести и тревоги ушли, развеялись, будто и не было их, словно сгинули в адскую пропасть вместе с адскими черными тучами, что согнал с лица Москвы Господь Бог, в преисподнюю провалилось все мрачное и неприкаянное. И осталась лишь надежда.

До этого часа, объехав всю Москву, вдоль и поперек, я видел кольца оцеплений повсюду, цепи, цепи, цепи... одни каски, несчитанные тысячи охранников режима, несчитанные. И думал я — боятся, ох, как боятся Народа. Кругом сотни спецавтобусов, военных грузовиков, БТРов, рации, переговорники, стволы, стволы, стволы — несчитанные тысячи стволов. Люто боятся! Эдакие бронированные рати выставить против безоружных. Ни одна из программ потом не показала, как выглядела Москва в тот ясный и Божий день. Но шли люди. И остановить их уже не мог, ни президент, ни сам дьявол. Мы видели заграждения — первое ощетиненное, переминающееся, ждущее — у входа на Крымский мост. Они боялись. Это было видно даже издали. На них шел людской океан, шло цунами. И они понимали это. Суетились, дрожали, пятились. Они уже были смяты, цунами еще не докатилось до них, но по бледным и мокрым от холодного пота лицам было видно, они представляют, как их сейчас будут разрывать на части, топтать, вбивать в асфальт, швырять с моста в холодные и грязные воды (в броне!), им уже мерещилось, как сомкнутся на их глотках цепкие пальцы, как вонзятся ногти в глаза, как будут трещать хребты их... на них, всего нескольких тысяч бронированных и вооруженных, защищенных щитами и рыком командиров, надвигалась беспощадная Стихия.

Но они ошибались, это шел Народ. И еще задолго до столкновения витали над головами восставшего люда мегафонные призывы: «Никого не трогать! Закон и порядок! Это наши русские люди! Не бить! Не оскорблять! Мы пройдем! Они не посмеют нас остановить...» И все же колонны встали. Это были считанные минуты переговоров. Это были минуты, когда был предъявлен ультиматум — пропустить Народ! Нет, не отступили, не пропустили... бледные, потные, трясущиеся, но не смеющие пойти против начальства, против нерусских. И смеющие встать на пути Русских.

Побоище было коротким. Я не видел ни одного прута, ни одной палки в руках шедших со мною, в первых колоннах. Телами, грудью они двинулись на прорыв — страшно и неостановимо. И замелькали в воздухе дубины, вздыбились щиты, тысячи ударов сразу, грохот, визг, вопли, боль, страх... и мужество. Люди вырывали щиты, выбивали голыми руками дубины, поднимали их, щитами таранили, пробивали бреши, дубинами прокладывали путь — лишь с этих минут, когда на них подняли руку, люди стали вооружаться отобранным оружием. И давили, давили, давили... Полураздавленный, всего в двух метрах от огрызающихся, отбивающихся, звереющих «стражей» давил и я своей грудью на ломающиеся, прогибающиеся цепи, да так, что сердце заходилось и подгибались уже ноги. И все же не видел я в людях ненависти, остервенелости, злобы — они просто сметали на своем пути живую преграду. Никто не мстил за побои и раны, не останавливался. На какой-то жуткий миг вынесло меня напором тысяч тел к самым барьерам над водой. И завопили сразу в два голоса два «стража», с них сдирали каски, шинели, выбивали из рук саплопаты и тянули туда, к воде, глухо стынущей внизу. Это был единственный момент, когда могло свершиться возмездие. Но тут же десятки рук вцепились в ретивых, оттянули, высвободили обезумевших от страха. Я засмотрелся, зазевался. А передние рванули вперед — с этого места Народ уже не мог идти мерным шагом, он побежал. Издалека ударяли первые выстрелы — били залпами, газовая атака. Ветер сносил газы. Надо было пробиваться вперед, дорога освободилась, но десятки людей успокаивали

растерянных, плачущих, опрокинутых милиционеров, возились с ними будто с детьми малыми, а не врагами недавними. Да и какие они были враги?! Враги их подставили под Народный вал. А сами — нет, не враги. Две женщины обтирали кровь со скулы сержанта, крепкого и высокого, но дрожащего, бледного. Всё! Больше глазеть было некогда, и я рванул вперед, на бегу разглаживая грудь, утишая глухо стучащее с перебоями сердце. Лет пятнадцать бы скинуть. Подготовка не та. И все же, через гадкие дымы, шатаясь и зажимая нос платком, я почти догнал передних — у новой преграды уже шло новое побоище. Как же быстро, непостижимо быстро, стучали дубины по головам и щитам, будто железный горох просыпался с неба. Но шли в ход уже какие-то обломки, деревяшки, били даже касками, били — не стой на пути! И падали, и стенали, и обливались кровью. Но не останавливались. Это был героический прорыв! Это был всплеск народного безудержного гения! Я оглядывался назад и видел — полумиллионный народный вал, растянулся, но он шел, накатывал, неудержимо несся за нами, за сокрушающим гребнем. Еще на Калужской я заметил несколько бригад с видеокамерами, которые работали бесшабашно и умело. От самого начала и до конца героического прорыва. Молодые парни бежали с камерами, они как черти возникали то тут, то здесь и успевали везде! Меня даже поражало это — они снимали всё! Уже позже я долго мучился вопросом — где эти кадры, где ленты, кассеты, ведь героический народный прорыв был заснят во всем его порыве, силе и мощи. Это преступление — не показать миллионам Русских людей, как все было на самом деле. Парни, отчаянные парни, я не знаю, на кого они работали, там явно были две бригады наши и еще не наши, иностранные. Эти парни рисковали, неслись загнанными лошадями вперед, лезли под дубины и в газовые завесы. Ради чего?! Почему не показывают? Потом только попались мне заметки в одной из неразгромленных после подавления Восстания газет, что, мол, весь материал (фантастически огромный!) был без права показа отобран и направлен в следственные органы для выявления личностей восставших, для составления на них картотек, а в случае чего и для немедленных, тотальных репрессий против них. Да, так и было. Но все же парни делали свое дело не для них, для охранки они бы не стали лезть на смерть. Обидно, как обидно! Но я верю, что все утаенные властями материалы

наши недруги не успеют уничтожить, народ увидит правду. Народ увидит себя. Еще будут сняты и документальные, и художественные фильмы об этом непостижимо-прекрасном дне взлета Народного Духа. Но это потом. А тогда я бежал, задыхаясь, протирая слезящиеся от газа глаза, с таблеткой валидола под языком, на заплетающихся ногах, бежал среди сотен брошенных щитов, дубин, касок и прочей дряни. Я не останавливался, чтобы подобрать что-то, не нужно, мое оружие — память. Я должен все увидеть, все запомнить, чтобы люди знали ПРАВДУ! Ибо горе побежденному, гласит мудрая поговорка, его историю напишет победитель. Соврет, исказит, исклевещет... А мне врать не дано. Я писатель, я русский писатель, один из немногих, почти один посреди сонмов русскоязычных борзописцев. Жизнь повывела нашего брата, куда проще ничего не видеть, писать все одно и то ж про пьяненьких и дураковатых русских мужичков, «африканычей», воспевать кондовость да замшелость — безопасно. Но Россия она не в одной лишь замшелости возвеличилась и размахнулась на четверть света. Но о том уже боязно не то что писать, а и думать для многих. Русскоязычные ничего не боятся, кроме погромов и возмездия, но доброго они про Русь нашу матушку не напишут и про народ наш хорошего не скажут, не любят они их, ох как не любят. Вот и бежал я в клубах дыма и гари, чтобы все видеть. А было что повидать! Не считал я уже ни заслонов, ни кордонов — живой рекой гудела дорога, и сама несла ноги. И разрывались, распадались кованные цепи, разлетались гремящими зелеными мисками каски. И будто обезумевший носился и врезался в цепи захваченный грузовик, и цеплялись за него, и падали, и вырывался он из засад, рычал, фырчал, вертелся, и снова шел на таран, и прорывались в бреши люди, и крушили спецавтобусы и грузовики военные да милицейские, разбивали их, взбирались на них и кричали: «Ура! Долой оккупантов!» И бежали смятенные стражи, бросая все. Им обещали забитых и запуганных, тех, кого сама рука тянется огладить ежели не дубиной, то плетью. А пришли воины. Не погромщики, не мародеры, не хулиганы и драчуны, а именно воины — сильные, смелые, не бьющие лежащих, не преследующие бегущих и побросавших оружие. Пришли и сломили их благородные и могучие. И прорывали они только заслоны. Громили только машины, которыми их давили, из которых их поливали черт-те какой смесью — все

было залито на сотни и тысячи метров черной дрянью. Мокрые, усталые, отравленные газами, они шли вперед — и не было ни одной тронутой ими палатки, ни одного задетого киоска, ни единой разбитой витрины. Это шли не «боевики», а хозяева своего города, хозяева своей земли. Еще вчера, позавчера, все черные дни меня поражало, с какой ненавистью бьют омоновцы и спецназовцы ногами поверженных ветеранов, бабок и школьников. Чего скрывать, я даже привык к этому зверству... и в этот ярый и благой день я ждал — вот сейчас, начнут бить и их самих, свершится возмездие и узнают они, каково лежать на мостовой и получать в голову, в живот, в лицо зверские удары кованных сапог. Нет, не били, ни разу, ни единого удара, ни мщения, ни возмездия. Народ. И каратели. Каратели. И Народ. Насколько же они разные! Бесконечный и короткий путь к Дому Советов! Прорыв! Надо было видеть все, тогда становилось ясным — почему не щадили себя, с голыми руками шли на бронированных мордоворотов русские люди. Они шли во имя России! Шли, защищая, освобождая свою Родину. А те... тем просто приказали стоять и не пущать, стрелять и бить, но им не приказали умирать... да даже если бы и приказали, они бы не стали, не за что и не за кого. За президента?! А чего они от него хорошего видели? За мэра с префектами? За усатого взводного? Тот и сам не желал ни за кого подыхать. За навязшую в зубах дерьмократию?! Ищите дураков! Ребяткам в серых шинелях, серых бушлатах, касках и броне, увешанных автоматами и дубинами, умирать и даже калечиться было совсем незачем. И потому сильные духом сминали слабых, не помогали ни доллары, ни спецпайки, ни обещанные повышения по службе. А убивать из автоматов своих же русских милиция все же не решалась. Да и опасно было, тогда бы не стали щадить, тогда бы автоматы могли перейти в руки восставших, как перешли дубины. Но ни те, ни другие не хотели стрелять друг в друга. Это было подлинно Русское восстание! И не прав был Пушкин, когда писал «Страшен русский бунт»! Он писал про бунт калмыцкий, степной, пугачевский, русские тут не причем. Русские до последней минуты щадят русских, щадят сотворенное руками братьев. И расстроенные, растерянные милицейские полковники да майоры, уже не надеялись на рации, уже отброшенные в тылы прорвавшихся, кричали, махали руками: «Уводите людей! Уводите!» И они не хотели убивать и умирать за

ельциных, гайдаров, чубайсов... Но нашлись те, кто поднял руку на Народ...

Через груды битых стекол из пожарных машин, поливавших передовые колонны, теперь разбитых и изуродованных, через рассыпанные по мостовой сникерсы, конфеты, галеты из милицейских мешков шли мы, бежали, рвались вперед, к «белому дому», будто там была какая-то особая правда жизни, будто оттуда сияло это прорвавшееся из тьмы солнце. И сидел на обочине, на бордюрчике молоденький милиционер, мальчишка белобрысый, и рыдал в открытую, никого не стесняясь и размазывая слезы по щекам. Это вот таких бросили на Народ Русский те, кто прятался за стенами и запорами. Русские прорывали заслоны русских. Уже ночью, измученный и еле живой, я смотрел и слушал по телевизору злобные, человеконенавистнические призывы наших «мастеров культуры», всех этих черниченок и ахеджаковых, шипящих и беснующихся от непомерной ненависти к русским... смотрел и думал: вот вы, неруси, ненавидящие нас, вы послали «держать и не пущать» нас русских парней, таких же как мы, а почему вы не вышли сами?! вы не любите Россию, вы презираете и боитесь русских — так идите смело, с открытым лицом, идите против нас! Нет, вы снова, как в семнадцатом, как в восемнадцатом прячетесь за русскими спинами и шипите, злобитесь, травите, травите, травите! Это вы приходили за измученной полуистребленной, гонимой китайскими заградотрядами «русской» красной армией, приходили в черных кожанках палачей — и убивали русских тысячами, пытали, лили кровь по подвалам. И теперь вы прячетесь. Ну выйдите же для честного боя. Трусы и палачи, мерзостная слякоть, убивающая плесень. И когда я мучительно терзаю себя, вымучиваю ответ, кто виноват: президент? мэр? милиция?! все чаще и чаще прихожу к выводу: да, и они тоже, но уже потом, а в первую очередь виноваты вы — это вы натравливали их! это вы лили черный яд в их сердца, уши и души! это вы всегда ненавидели и боялись Россию! это вы губили ее и продолжаете губить! Анафема вам, вселенским иудам, стравливающим нас из века в век, убийцам России! Вы убивали нас, убиваете. Но придет ваш час держать ответ — не перед людьми, так пред Богом!

Огромные силы — несметное море касок — стояли на Смоленской. Каратели сбивались в трясущиеся, озлобленно-испуганные толпы, прятались за десятками машин. Даже

издали было видно, что они, несмотря на вооружение, истерические запугивания отцов-командиров, броню были уже подавлены. И все же дикий страх заставил их встать стальной тысячеглавой ордой на пути Русских. Я не могу называть русскими тех, кто противостоял народу и защищал колониальный, иноземный режим! Да, приказ! Да, присяга! Но в присяге нет ни слова про подавление своего же Народа! Эти парни обязаны были бросить оружие, обязаны были уйти, поступить по совести и по присяге. Я бы ушел, я не поднял руки бы на братьев, на Русских — пусть дисбат, пусть судят, плевать, это лучше, чем всю оставшуюся жизнь доживать иудой, выродком-подонком, холуем, убивающим братьев по воле иноземного хозяина. Исполчалось вражье войско, исполчалась орда проклятая, которою ни милицией, ни армией уже и не назвать, а только ордой!

И замерли на время бегущие, остановились первые сотни, ожидая подкрепления, собирая силы. Я видел все, я был уже в десятке шагов от передних шеренг, когда каратели открыли бешеную стрельбу... нет вначале она не была бешеной, вначале палили залпами, слажено, по команде, палили прямо в людей газовыми патронами, забрасывали газовыми гранатами. Клубящиеся облака удушливого отравляющего газа скрыли все. Но уже подтягивались отставшие. Уже рванул вперед захваченный грузовик. И снова каратели выдвинули вперед свои поливалки — струи мерзкой жижи ударили в застывших... Но все! Но не дали себя опрокинуть Русские! За ними была Россия! А за карателями тощенькие пачечки долларов и смердящий иноземный режим, который их трижды продаст, они знали, кому служили, им не за кого было складывать свои головы. Но они двинулись своей поганой басурманской ордой вперед, они встали на пути. И снова застучали дубины, ударили громом сдвинутые щиты. Кто сказал, что русские выродились, что они трусливы и ленивы, что нет у России больше смелых и сильных сыновей. Ложь! Их осталось немного, да, но они были и они есть. Я видел, как эти мужественные русские люди бросались на орду с голыми руками, как они теснили ее, разрывали, отбрасывали, как они кидались на машины, не щадя своих жизней, останавливали этих железных чудищ телами, вышвыривали из кабин трусливых наемников, взбирались наверх, на кабины и вздымали Русские знамена.

Победа! Победа!!

Сквозь смрад удушающего газа, беспорядочную стрельбу бегущих карателей, фонтаны из «поливалок», вопли, визг, мат и истерические крики в рации звучали над площадью эти возгласы. Победа! Жестокое и стремительное сражение заканчивалось. Каратели в ужасе, бросая все, в безумии животных, пытающихся сохранить свои жизни, давя друг дружку, беспощадно и подло, по собственным головам и спинам, посылая на... своих не менее трусливых главарей-командиров, бежали — забивались по закоулкам, по щелям будто клопы, будто тараканы. Это уже была не орда, а слизь, грязь и жижа, растекшаяся по подворотням, трусливо ожидающая расправы за содеянную мерзость и измену Земле Русской.

Но не было расправы. Не мстили. Ибо Русские! Ибо хозяева России!

Я забрался на пожарную, разбитую вдрызг машину. Посмотрел назад — туда, откуда мы пришли. Сотни тысяч людей медленно, невообразимо медленно, хотя и бежали они, кто как мог, подтягивались по кольцу — на километры растянулась колонна — Россия, Народ, неисчислимый, могучий. И я представил, что испытывают сейчас забившиеся по щелям каратели — одни растерянные и плачущие, размазывающие кровавые слезы по щекам, другие озлобленные и ненавидящие. Или у них нет глаз? Или они не поняли, кому пытались преградить путь. Море, огромное людское море... уже тогда, еще до завершения событий было ясно — кто бы ни победил, что бы ни произошло в дальнейшем, но из Истории уже не вычеркнешь этого святого и ярого, великого дня Народного Восстания против иноземщины, убивающей Россию. Сами Небесные Силы вели на Святой подвиг людей Русских.

А площадь под моими ногами бурлила. Я не мог слезть, я не мог спуститься, потому что снизу лезли и на эту машину и на другие разбитые «колесницы режима» — все хотели увидеть всё, это было незабываемое зрелище: орды палачей, столько дней и ночей кряду люто избивавших людей, зверствовавших похлеще фашистских зондеркоманд, недавно до сатанинской гордыни уверенных в своей силе и безнаказанности, бежали трусливыми крысами! Спины, спины, спины — десятки тысяч форменных, сгорбленных спин. Трусы! Мерзавцы!! Подонки!!! Теперь они были ничем. Их уже и ругать-то было нельзя, ибо заблудшие. Что они вынесут из этих сражений с Народом в жизнь дальнейшую: покаяние, вину? или ожесточенность и злобу?! Что вынесут, то и

свершит их судьбу. Раскаявшиеся прощены будут и встанут в ряды братьев. Озлобленные и ненавидящие обрящут иудины петли. Всем воздастся по делам их. Всем!

Рядом со мной, наверху, над площадью стояли и герои. С черными, запыленными и воспаленными лицами, окровавленные, разодранные, усталые, но уже победившие! Уже — потому что от них, от первых двух сотен подлинно Русских людей, сломленный их Силой, их Духом бежал враг. Позже много болтали телевизионные и газетные христопродавцы о «бандитах», «боевиках», «дикой, пьяной, озверевшей красно-коричневой толпе наркоманов и сумасшедших». Лгут мерзавцы! В тот день я был везде, я не жалел ног, я был в самой гуще — ни одного пьяного не было среди восставших — подчеркиваю и готов свидетельствовать перед любыми судами — не было! Громили только автомобили карателей, автобусы, на которых привезли палачей народа. Этими машинами пытались нас давить, убивать. С них стреляли, с них поливали отравой. Их и крушили. Но ни одного упавшего омоновца ни рукой, ни ногой не тронули, поднимали, заботливо отряхивали и говорили: «Иди себе с Богом!»

Эти две передовые сотни были и есть настоящие русские витязи, богатыри. И я верю, что придет время, когда их имена будут высечены в мраморе и золоте, когда по всему пути Героического Прорыва встанут памятные знаки, а стены домов, наблюдавших славные победы Русских, будут украшены величественными барельефами. Именно эти две сотни есть цвет Нации, ее элита. Это они, поддерживаемые полумиллионным народным валом принесли ключи победы «белодомовским» сидельцам. Они! Но ни один из памятников, ни один из барельефов не сможет запечатлеть того, что видел я: горящие неземным, праведным огнем лица, кровавые раны, рассеченные лбы, щеки, подбородки, разбитые губы... налипшие сверху гарь, пыль, чернота. Святые лица! Точно такие были у богатырей Дмитрия Донского, когда они сломили Орду, обратили ее в бегство, и у ратников Минина и Пожарского, пробивших все оцепления и кордоны вражьей силы, изгнавших иноземных карателей из Москвы, и у чудо-богатырей Суворова, защищавших Россию, и у гренадеров, выстоявших на Бородинском поле, и у наших отцов и дедов, не сдавших ордам «мирового сообщества» Москву в 1941 году — лица измученные, усталые, грязные, черные, окровавленные, но самые благородные и самые красивые. Святые лица защитников и воинов Святой Руси!

Слава вам, герои Отечества! Слава вечная — отныне и присно, и во веки веков! Русский народ не забудет вашего подвига!

Я спрыгнул вниз, на усеянную битым стеклом, залитую чернотой мостовою, когда вновь собравшиеся в крепкие ряды передовые отряды тяжелой и могучей поступью побежали к пресловутому Калининскому мосту. А Смоленскую залило людское море. Десятки, сотни тысяч ветеранов, женщин, мужчин, тех, кто не мог бежать так долго и так быстро, но и не мог не бежать, не идти. Народ ликовал. Это был праздник! Народ осознавал свою силу — полчища карателей не смогли сдержать его напора. Это была победа! Надо было видеть счастливые, одухотворенные лица Народа-победителя — ни злобы, ни ненависти, а только лишь радость и ликование, и полуутвердительный вопрос почти в каждых просветленных глазах: «Неужто свершилось! Неужто махина колониального, иноземного угнетения начинает трещать, давать сбои? Будь она проклята!» Проклятое чужеземное иго! Неужто пришло тебе время сгинуть, поганому и подлому! И восстанет Россия! И перестанут вымирать люди Русские! Ликование! Праздник! Поздравления! Песни!

Но я не мог там оставаться, я не мог идти с этими счастливыми и ликующими людьми. Мне надо было все видеть. И я побежал вперед. Путь был проделан немалый, да еще в отраве газовых атак, сердце билось загнанно, ноги не слушались, легкие кололо и давило. Но я бежал, зная, что еще немного, еще последний бросок, последний натиск — и мы пробьемся к Дому Советов. Там должно произойти главное, оттуда несутся выкрики и угрозы. Я бежал во всю прыть. И все же я не успел. Штурм последнего бастиона начался без меня. Рванул вперед захваченный грузовик — я видел его издали, пошли грудью на щиты, на оцепления карателей и спираль Бруно русские герои. Крики, шум, хруст, удары, вой и гром двигателей... Я рвался вперед, И вместе со мной бежали тысячи мужчин и женщин, детей, подростков, всего несколько сотен метров отделяли нас от побоища, и нужна была подмога, ведь именно там, в кольце у «белого дома» была сосредоточена вся мощь полицейско-армейских дивизий, защищавших режим. Оставалось совсем немного, совсем чуть-чуть... мы подбегали к мэрии, к этому уродливому трехстворчатому зданию бывшего СЭВ. И я видел сотни белых щитов, сотни касок за парапетами, видел и стволы. Но

разве мог я ожидать, что именно сейчас... Когда мы поравнялись с мэрией, ударили первые очереди. Я даже не понял, откуда стреляют, зачем — может, лупят в воздух?! Нет, не в воздух — отчаянно и страшно закричала совсем рядом женщина, как-то сломалась нелепо и упала. И тут заорали уже многие, кто-то рухнул на мостовую, закрывая голову руками, кто-то бросился еще быстрее вперед. Вопли, крики, ужас! Это было по-настоящему страшно. А я все почему-то не мог поверить, что стреляют боевыми патронами! Стреляют в народ! Первая мысль — резиновыми пулями. Но почти сразу, метрах в трех, рядом с двумя парнишечками лет по одиннадцать стальным градом застучало по мостовой. Точно так же сзади. И тогда я увидел — стреляли из-за щитов, от мэрии. А не с верхних этажей, как писали. Первые очереди били из-за заслона, сверху стали палить позже. Да, потом я понял — это был приказ, надо было отделить головную колонну, пробивавшую последний заслон, надо было отрезать тех, кто бежал на подмогу, истекавшим кровью, бесстрашным передовым бойцам. И все же цинизм, подлость тех мерзавцев, что отдали приказ открыть огонь по народу, ошеломили. Стреляли густо, беспощадно, профессионально. Стреляли по мужчинам, женщинам, подросткам, пенсионерам, ветеранам Великой Отечественной — да, эти подонки, эта мразь поганая убивала своих дедов и отцов, матерей. Теперь стальной град бил по мостовой, по стенам близлежащего дома безостановочно... бил и вяз в живой плоти. Раздумывать было некогда, все происходило в считанные минуты. По старой пехотной еще, четвертьвековой давности привычке, опрометью бросился я к бровке, за ней, за корявым, полуразмытым тротуаром чернел овраг, только там можно было укрыться. На пути сбил с ног одного из парнишек, прикрикнул, чтоб бежал вслед. Овраг зиял у стены жилого здания, напротив мэрии. И в нем уже битком было набито. Многие бежали вниз, во дворы, чтобы обойти кругом, прорваться — там стояли заслоны краснощеких мордоворотов со щитами, дубинами и автоматами. Они гнали обратно, под пули, на смерть. Я высунул голову. Очередная очередь ударила в желтую кирпичную стену, вышибла осколки, пули отрекошетили... Но два мальца словно с ума сошли, ползали на животах и собирали пули. Я закричал на них. И оба неохотно, поползли к нам, в овраг.

— А ну, показывайте! Давай-ка сюда! — прикрикнул я. Наверное, слишком резко. Надо было помягче.

На ладонях у мальчишек лежали свинцовые сплющенные от ударов пули. Настоящие. Боевые. От раздражения и злости меня чуть не вывернуло. До последнего мига хотелось верить, что стреляют ненастоящими, резиновыми. Сволочи! Убийцы! Палачи! Если бы у меня в те минуты оказалось в руках оружие, я бы, не раздумывая, открыл бы огонь по этим нелюдям. Таких нельзя прощать. Им могли отдавать какие угодно приказы, падающий режим готов на любые народные жертвы, но исполнять их — убивать людей, своих, русских?! Безнаказанно и подло! Придет время и люди узнают об этом расстреле безоружного народа у стен мэрии. Правда всплывет, как бы ни пытались замолчать, утаить факт этой кровавой, зверской, сатанинской бойни. Что же за мразь выросла такая за годы «перестройки», что же за подлецы и изверги?! Уже все знали, что охранники-каратели получали от режима оплату по особому расчету, в долларах. Но неужели за горсть иудиных сребренников можно пойти на эдакое. И не один, не десять, там были сотни убийц. Я не знал, что происходило в те минуты в самом «белом доме». Я метался, ища выхода из этих оврагов, строек, дворов, вырывался на верх и снова попадал под пули. На мостовой лежали тела. Но недолго. Люди, хотя и напуганные, мертвенно белые, но вытаскивали раненных и убитых из зоны обстрела, за деревья, за кусты, в укрытия. И только позже, когда бойня начала затихать, наверное, там, в «белом» решились — я услышал оттуда несколько выстрелов. Какие-то парни бежали в открытую, паля на ходу. Их было совсем немного, по пальцам перечесть, может, я не всех видел, но это был бросок отважных и смелых Русских на толпу трусливых и подлых убийц. Именно толпу, даже не банду, потому что убегали палачи в броне и касках резвее трусливых зайцев и гнусных крыс. Это было позорище, гнусь и мерзость, они как и на Смоленской, еще пакостней, давили друг дружку, это они в ужасе перед справедливым возмездием проломили жалюзи на первом этаже мэрии, выбили стекла... и бежали, падали, спотыкались и бежали, бежали, бежали... Я бросился к мэрии. Но вновь две очереди полосанули по мостовой. Неужто кто-то из этих палачей прикрывал отход своих подельщиков?! Я не знал. В мэрию уже врывались люди... кто-то лежал в крови, огромные лужи бензина расползались по бетону. Я в какой-то нелепой наивности бегал, ища, где же будут раздавать оружие. Ведь надо было немедленно разоружать карателей,

14 — 9853

передавать автоматы, пулеметы тем, кто умеет ими владеть. Нет, все напрасно. В какой-то нелепой суете кружил народ, ликовал, смеялся... и выводили из мэрии карателей-палачей, выводили под охраной, не дай Бог, кто пальчиком тронет, сияло не осеннее, а весеннее, ярое солнце. Победа! Это было ощущение сладостной и полной победы! Омоновцы и спецназовцы разбежались трусливыми крысами. Дзержинцы уходили сами, спокойно, с достоинством. Их провожали радостными криками, им аплодировали, называли молодцами, героями, играла гармошка, выводили испуганного и пригнувшегося в ожидании побоев Брагинского, других, выносили ключи от мэрии, что-то говорили с балкона... а я не находил себе места. Я хотел кричать: «Зачем вы их отпускаете, этих палачей?!» Но не мог. Это была Победа! И это было началом поражения. Убийц нельзя было отпускать. Только что они расстреливали перед мэрией народ. Законная власть не имела права отпускать преступников-палачей. А их отпускали. Море народа ликовало на площади, повсюду. Победа! За считанные минуты все пространство, насколько хватало глаз очистилось от щитов и касок карателей-охранников. Были какие-то крики про Кремль и прочее. Но уже нигде — после краткого появления на балконах — не было видно Руцкого, Хасбулатова, прочих... только Альберт Иванович Макашов ходил, спешил, говорил что-то... но ни оружия не раздавали, ни спешили вершить справедливый суд. Расстроенный и одновременно счастливый, еще не верящий в свершившееся, я сел на парапет, из-за которого не так давно меня расстреливали. Я ликовал вместе со всеми сотнями тысяч Русских людей, окружающими освобожденный Дом Советов, освобожденную мэрию. Неужто конец колониальному игу? Конец! Никто после этого разгрома не пойдет защищать режим. Никто! И одновременно у меня черным обручем сжимало сердце. Они опять уходят. Они опять прячутся от людей. Где они, черт возьми?! Им на ладонях принесли Победу. Где они?! Будто в те мрачные, холодные и колючие дни под черными облаками меня терзали тревоги. Сейчас все должно решиться. Колониальная администрация парализована, обезволена, небось, уже собирает чемоданы. Надо не упускать Победы из рук. Если бы у режима вот сейчас, именно сейчас были бы хоть какие-то верные ему силы, он бы немедленно, однозначно, спасая себя, бросил бы все (!!!) эти силы на восставших. Если он не

делает этого — все, он уже проиграл только никакой, ни малейшей передышки. Где Руцкой?! Где Руслан?! Где все! Нет, нас тут не ждали, спокойней было сидеть и высиживать нечто «конституционное». И они растерялись. Они были в столь же страшной растерянности, что и колониальная администрация. И это трагедия. Позже, просматривая записи выступлений с балкона «белого дома», я убедился — так и было! Народ восстал. Народ сокрушил все заслоны режима. Но Он, принеся Победу одним и нанеся поражение другим (на один всего-то день), полностью поверг и тех и других. И не было никаких ловушек. Их придумали кабинетные умники, всегда пытающиеся выглядеть умнее и дальновиднее (глубжевиднее) других, их выдумали шустрые и лживые, бессовестные борзописцы, их выдумали уже задним числом сами функционеры режима, чтобы показать, что они не струсили и растерялись, а, дескать, очень мудро и хитроумно продумали на сто ходов вперед все повсюду и заманили «бунтовщиков» в свои ловушки, они за это еще и награды получили, хотя по-настоящему Ельцину их за трусость и панику надо было лишить всех чинов, званий, привилегий. Но они наплели с три короба. И все остались всем довольны. Не было ловушек. Верьте этому, я видел все своими глазами и перед Богом скажу то же самое. Не было. Была ложь. Но это позже. А тогда царила растерянность. И я это видел. И я готов уже был бросить все и, скрипя зубами, скрепив сердце, идти домой, к больной матери, к жене. Я знал, что предательство не всегда совершается самим предательством, предательство часто творится бездействием. В тебя поверили, тебе отдали в распоряжение свои жизни, души, а ты не предал, не выдал врагу, нет, ты просто промолчал, ушел в тень, отсиделся где-то... и все случилось, не вернешь. Очень рад я был в тот час. И неимоверно расстроен. Да, так бывает. Внизу генерал Тарасов, он же депутат, увещевал людей. И шагали от Дома Советов бравые казаки и парни в камуфляже к грузовикам и газикам — машин-то было навалом, многие остались вместе с водителями, перешли на сторону народа, только ждали команды — шли, садились, со знаменами уезжали в Останкино, почти безоружные — на сорок человек один ствол. С ними Макашов. Я сунулся к машинам. Но там все было отмерено и отвешено, лишних не брали, наверное, правильно. Но почему Макашов?! Значит, те двое, что остались, должны вершить нечто более важное. Иначе быть не может.

Я успокаивал сам себя, уверяя, что Руцкой имеет свой план, продуманный, четкий, что даже если нет у него плана, он как боевой генерал будет сейчас делать то, что ему надо делать, ведь это он сказал: «Я навсегда с моим народом! Я не уйду отсюда живым!» Какие же еще сомнения! Я сам себя уговорил. И быстро пошел вниз, к Тарасову. Кому-то надо и не на лихом коне, кому-то надо и черновую работу делать.

Внизу обсуждали — куда идти: на Останкино или на Шаболовку. Тарасова окружали уже тысячи людей. Они жаждали действий и не понимали — почему их не берут в расчет, ведь это они прорвали страшную блокаду, они принесли Победу. А в грузовики посадили только тех, что сидели в «белом доме». Но обижаться было не время, хотя и были обиды, чего там скрывать. Я пробился к Тарасову и сходу заявил:

— Нечего распылять силы! Надо помогать Макашову, идти в Останкино!

Меня поддержали. Поддержали те, кто пробивал оцепления — я поглядел по сторонам: да, те самые лица, усталые, грязные, в крови и саже, щиты, дубинки, изодранные руки, разорванная одежда. Они!

— Нужны машины! — закричал я в ухо Тарасову. — Поехало очень мало. Макашов не президент, его могут и не пустить внутрь. Поддержка нужна.

— Ну вот и решили все вместе, — после раздумий ответил генерал. — Пойдем в Останкино. Но пойдем пешим ходом — всех не усадишь, вон народу сколько, десятки тысяч!

Пошли пешком.

Это шествие должно было состояться. Это было свидетельство Народной мощи и силы. Мы вышли на Садовое — несчитанные тысячи. Москву невозможно было узнать. Еще час назад она вся была скована кошмарными кольцами оцеплений — каски, шинели, бушлаты, щиты, зеленая защитная окраска повсюду, машины, стволы, стволы, стволы... Будто вражья орда пришла из чужих страшных стран, оккупировала столицу, задавила своей звериной тяжестью — мрак, ужас, гнетущая темная сила. И вдруг — чисто, свободно, пусто под сияющими, ярыми Божьими Небесами. Бездонное небо и ослепительное солнце. Это было Знамение всем нам от самого Господа. Он был с нами. Он был на нашей стороне... мы сами отвернулись от Него. Но это потом. А

тогда мы шли огромными колоннами, рядами по очищенной от оккупационно-колониальных войск Москве. И душа рвалась ввысь.

— Народ победил!

— Народ победил!!

— Народ победил!!! — скандировали тысячи глоток.

И было ощущение полной и окончательной Победы! От Смоленской уже шли на слияние с нами новые десятки и десятки тысяч русских людей. Тарасов вышагивал вперед, посреди шеренг. Я шел по левую руку от него и поражался чистоте Москвы. Движение было остановлено. Прохожие на тротуарах останавливались, махали нам руками, приветствовали, улыбались, многие присоединялись. Шли быстро, слаженно, уверенно, во всю ширину огромных улиц.

Когда двое парней бросились вдруг с криками к какому-то киоску, собираясь содрать с него иноземную вывеску, их тут же подхватили под руки, оттащили. Никаких погромов, ни малейших!

— Закон и порядок! Закон и порядок!! — начали выкрикивать мы.

У американского посольства остановились.

— Янки вон! Янки вон из России!!!

Я кричал громче всех, мне было ненавистно присутствие этих колониальных властей, я знал, что они подлинные хозяева колониальной администрации, под их дудку пляшут «народноизбранные». Вон! Вон, вражья поганая сила! Навсегда, чтобы духу вашего здесь не было! Это вы, враги рода человеческого, финансировали все «русские» революции, разрушившие Россию, все «перестройки», это вы убийцы, а «пятая колонна» — только инструмент в ваших руках. Вон! Я еще не знал, что там уже давно создан центр по подавлению Народного восстания, что там все продумано и взвешено, что именно оттуда будут управлять завтрашними расстрелами, казнями. Откуда я мог это знать! Колониальная администрация впала в маразм со страху. И потому резидентура правящих заокеанских спецслужб брала бразды правления в свои руки, напрямую. Можно было догадаться об этом. Но я не догадался. Мы прошли мимо паучьего гнезда. Но ненависть к поработителям России все же вылилась — со всех заборов люди начали сбивать рекламу американских сигарет: «Лаки страйт — это настоящая Америка» и прочие. Нам не нужна в России «настоящая Америка», пусть катятся к себе! Янки

вон из России! Вы разорили и погубили половину мира! Вы подло наживались на наших смертях во второй мировой, прячась за нашими спинами, убивая нас по сути дела, сдирая «по лендлизу» с нас подлинными богатствами не три, а триста тридцать три шкуры и до сих пор цинично требуя выплаты долгов. Подлость и гнусь! Это вы развязали кровавые бойни по всему свету, по всей нашей стране! Это вы стравили Армению и Азербайджан, Абхазию и Грузию, это ваши резиденты, всякие шеварнадзы, разрушают все и повсюду. Это вы убиваете Югославию, убиваете Православие по всему миру, по всей Европе. Вон из России! Кто знал, что Руцкой ведет переговоры с американским посольством, что он жаждет получить «ярлык из ханских рук». И я не знал тогда этого. Я знал одно, нелепые мифы, что мы погибнем без «мирового сообщества» и Штатов, что они нас выручат и спасут — это дезинформация, которая с сатанинской силой вбивается в наши головы спецслужбами и «пятой колонной». Америка, точнее, госаппарат и спецслужбы, Пентагон и ЦРУ — наши лютые враги, убивающие нас. И не надо быть наивными олухами! «Мировое сообщество»! Гуманизм! Общечеловеческие ценности! И свыше миллиона русских смертей в год! Разруха! Расчленение! Разграбление! Колонизация! Янки вон из России! Если вы не уйдете сейчас, мы вас выбьем позже! Никакое иго не может быть вечным! Ваша орда на Руси не простоит трехсот лет! И чем дольше вы задержитесь здесь, тем страшнее для вас будет ваше поражение, ибо рано или поздно придут не руцкие и хасбулатовы, а Русские люди. Им ваш поганый ордынский ярлык на княжение не нужен. Вон из России! Я еще не знал, что назавтра они будут нашу российскую Трагедию транслировать на весь мир как шоу и визжать похотливо: «Мало крови русских! Мы поддерживаем демократию! Лей крови русских побольше! Поддерживаем!» Враг — он и есть враг. Он никогда не станет другом. Убийцы есть убийцы. Янки вон из России!

Мы шли в Останкино. И было ощущение полной Победы. Народный вал был неостановим. Не было сил, которые попытались бы его остановить. И все же тревоги мучили меня. Медленно идем. Опоздание может быть роковым. Или генерал Макашов уже пробился в телецентр, уже обратился к народу, передал послание Руцкого? Должно быть так, только так. А вдруг нет?

— Народ победил! Народ победил!!

Эти слова звучали безо всяких мегафонов четко, едино и громоподобно. Я очень жалел, что во время шествия только один какой-то бесстрашный оператор вел съемки, остальные, почуяв силу народную и отсутствие охранки режима, сникли и пропали. Когда-нибудь люди должны будут увидеть это шествие — величественнее его ничего не было и нет. Не только прорыв и битвы, сражения и побоища. Но именно шествие победившего многосоттысячного Народа по освобожденному городу, по столице России. Миллионы россиян по всем городам и весям не знают правды о тех днях, абсолютно ничего не знают. Телевидение, радио, пресса изолгались, оклеветали все, создали гнусный образ «боевиков-бандитов». Кучка совершенно чужих и чуждых нам людишек, владеющая всеми средствами массовой пропаганды, лишила правды всю Россию. Но те, кто желает знать правду, должны будут увидеть это величавое, грандиозное, могучее шествие Великого Народа-Победителя, Народа-Хозяина. Не боевики и бандиты. А Хозяева! В те часы вся мразь, все крысы сидели в Москве по щелям и тряслись от жуткого ужаса, они ждали мщения. Этот ужас и прорывался в их истерических визгах на ТВ, когда они требовали от властей: «Раздавите гадину!» Нет, не гадина, мерзавцы и подонки. Народ! А гадину и впрямь надо раздавить. И у гадины этой есть имя — «пятая колонна», ненавистники России, агентура спецслужб «мирового сообщества». Гадина таилась в тот день по щелям, гадила под себя со страху. А Народ величаво шел по улицам и площадям. Вы увидете это когда-нибудь. И вы поверите мне. Вы все поймете. Только Великий народ мог так шествовать. И на лицах людских в шествии этом не было злобы и жажды мщения, присущих инородным завсегдатаям «голубого экрана». На лицах людей были улыбки и радость, доброта красила эти светлые и чистые русские лица.

В районе Сухаревской было решено останавливать машины. Темнело. И надо было спешить. Колонны продолжали свое шествие, они и должны были придти к телецентру во всей своей мощи и красе. Но кому-то нужно было и поторопиться. Я запрыгнул в остановленный автобус, на котором ранее перевозили омоновцев-карателей. Водителем в нем был солдат, перешедший на сторону народа. И столько нас понабилось внутрь, что и не пошевелиться. Через несколько

минут хода мы остановились — выдохся автобус, не осилил выпавших за сегодняшний день на его долю испытаний. Но почти сразу удалось затормозить огромный военный «Урал». Я впрыгнул в кабину. Еще двое следом за мной. Остальные, человек сорок набились в кузов под тент. И мы рванули. Правил движения не существовало. Из какого-то разорванного при побоищах красного стяга уцелел лоскут. И я размахивал этим лоскутом из окна кабины «Урала», тормозя движение — нас пропускали, никто не пытался остановить грузовик. Следом шли еще два или три таких же. Один обогнал нас. Надо было успеть. Нам всем казалось, что наша помощь очень нужна там, что время уходит. Мы ворвались на аллею, не снижая скорости. Замерли перед телецентром. Я выскочил из кабины прямо перед десятью или пятнадцатью операторами с их камерами. Они выжидали чего-то. И я сразу сказал, что народ победил, что сюда, к телецентру, идет полумиллионное шествие, что теперь уже никто, ни антирусская клика, владеющая ТВ, ни милиция, ни «мировое сообщество» не посмеют запретить народу высказывать свою Правду по телевидению. Я был слишком наивен, расстрелы ничему не научили меня. Но я уже через минуту понял, что в Останкине творится что-то не то. Все оцепенело здесь, хотя и множество людей стояло. Я вбежал за изгородь, поднялся по ступеням к входу внутрь... увидел Макашова. Его не пускали в телецентр. Это было страшным ударом для меня. Потеряно столько времени. Они уехали почти три часа назад. И они толкутся у входа, не смея войти внутрь?! А зачем тогда были все жертвы?! Зачем был нужен Героический прорыв от Калужской до Дома Советов?! Все погублено! Где же выход, в чем?

На ступенях с озабоченным лицом стоял Станислав Куняев, не было в нем радости. По двору туда-сюда в своем черненьком коротеньком пальтишечке с мешком за спиной разгуливал Лимонов. А бегающий за ним парнишка все просил: «Эдвард, пойдем отсюда. Можно влипнуть, уходим, давай!» Суетились люди. Пытались собраться казаки. Сотни камер, фотоаппаратов. Вспышки. Ожидание. Чуть дальше, левее стояли четыре БТРа.

Я подошел к одному из охранников Макашова в камуфляже. Спросил, с кем броневики.

Он ответил:

— Посылали к ним людей, говорят, будут хранить нейтралитет, не станут по народу стрелять.

— Почему не выдают оружие? — спросил я.

— Все нормально, — ответил охранник. И заспешил к Макашову.

Да, я понял, что скоро все будет «нормально». По-моему, все уже понимали это. На сердце стало совсем нехорошо. Но я решил не уходить до развязки. Сквозь толстые стекла заглянул в вестибюль телецентра — там развалились «витязи» — большинство отдыхало, человек восемь стояли у стекол с автоматами наизготовку, еще столько же лежало на полу, направив стволы прямо на безоружных. Их практически не было видно. Но они видели все.

Я заметил одного знакомого фотокорреспондента. Он махнул рукой, подошел. И сказал прямо:

— Тут скоро будет хреново. Надо уматывать. Видишь, этот уже пошел! — Ткнул пальцем в удаляющегося Лимонова.

— Плевать, — перебил я. — Скажи, когда пришел спецназ?

— Да только что. Не видал, что ли, на бэтээрах подкатили.

И на самом деле, подходили какие-то БТРы. Из толпы даже кричали, что это нам на подмогу пришли. Радовались.

Все внутри у меня начинало переворачиваться. Неожиданная злоба на Макашова накатила волной. Он стоял на ступенях у входа и часто повторял:

— Товарищи, спокойно, будем стоять хоть до утра, они не посмеют нас не впустить. Скоро подойдут колонны демонстрантов. Мы ведем переговоры... Спокойно.

С кем он вел переговоры! С «витязями»? С ними бесполезно вести переговоры, у них приказ. Что ж вы тут делали битых три часа? У меня снова перед глазами прокрутился тот блистательный, неостановимый бросок, тот героический прорыв, окровавленные лица, разбитые руки, горящие праведные огнем глаза. Ради чего?! Сердце билось о ребра с болезненной силой. Все кончено. Они загубили все! Им принесли на руках победу... а они думали о другом, о том, что будет, ежели они проиграют, они боялись принимать решения, все ждали, что само собой случится! Один раз им принес «ключи свободы» Народ. Значит, и еще раз все само собой произойдет. Они выжидали. Это было невыносимо. Я знал, что так будет. Еще там, на продуваемом злыми ветрами мосту. Я знал! Но я не хотел верить, я надеялся. Теперь меня

словно ушатом ледяной воды окатило. Никто из них, сидельцев высокого ранга, никто не хотел ничего брать на себя. И это был провал. Я уже знал, что второй раз народ не подымется. Народ не любит таких игр. Я вышел за ограду телецентра.

На полдороге к техническому зданию строились казаки. Половина была совсем салагами, и не казаками даже, а мальчишками-подростками, из тех, что участвовали в прорыве. Их собирались куда-то выставить для охраны.

Тогда я увидал Анпилова. Он только появился у телецентра. Со своим извечным мегафоном, окруженный соратниками. Он будто вторил Макашову: «Не поддаваться на провокации! Будем стоять всю ночь, до утра! Спокойно! Никаких резких перемещений, местность простреливается. Но они не посмеют. Спокойно. Не поддавайтесь на провокации!» Анпилов был спокоен и тих. Он не походил близко к опасным местам, периодически возвращаясь к рощице.

Позже телевизионные и газетные лжецы изобразят из Анпилова кошмарного погромщика, стихийного бунтаря, непосредственно руководившего прорывом к Дому Советов и штурмом Останкина. Но это все вранье. Анпилов не участвовал в героическом прорыве. Его там не было. Уже на следующий день я узнал от своей дорогой и любимой Нины Ивановны, что Анпилов появился на Калужской, то бишь, Октябрьской, часа через полтора после моего ухода с колоннами. Нина не поехала домой, как мы с ней договорились, не смогла, она долго бродила по площади и вокруг, там собралось после ухода полумиллионного авангарда еще множество людей, митинговали, шумели, спорили, она слушала, сама встревала. А потом появился опоздавший Анпилов с мегафоном, долго говорил, призывал к спокойствию. И он, и многие из окружавших его ушли, прямо в Останкино. Так что перед возможным судилищем демократоров Анпилов с юридической точки зрения оказывался абсолютно чист, так же как и Хасбулатов, Руцкой, Ачалов... Странная получалась картина и непонятная.

А тем временем стемнело. С каждой минутой штурм становился все более нереальным. И сидевшие внутри «защитники» это понимали, они уже диктовали, требовали:

— Всем выйти за ограду! Всем выйти за ограду!

Люди находились в страшном напряжении. Все понимали, что может повториться трагедия, что была возле мэрии, только в больших масштабах. Но уходить нельзя. Я метался меж самим телецентром и техническим зданием, куда постепенно стекался народ. Видел, как спешно собираются и обсуждают что-то казаки. Копошение, суета. Растерянность. Кто-то вдруг завопил:

— Подмога пришла. Ура-а!!!

Я сначала увидал меж далеких стволов далекие мерцающие огоньки, только потом заметил колонну БТРов и услышал грохот движков.

— Наши! Наши!!! — радовались люди.

Многие бросились навстречу.

— Ура-а! От Белого Дома прислали! Ура-а-а!!!!

Я молчал. Я уже знал, что это не наши. Что это подкрепления карателей. И все равно, это не было ловушкой, Все вранье. Макашову было дано время — целых три-четыре часа он имел в своем распоряжении. У него не хватило силы воли. Значит, по всем законам подобных ситуаций, почуяв, что противник дает слабину, силу воли начинали обретать функционеры режима. И это уже все!

— Не наши, — тихо сказал кто-то.

— Провокатор! — завопили на него. — Провокатор!!

— Это не наши, — сказал я, но громче. И обернулся назад, теперь меня интересовало, что будут делать четыре БТРа, которые якобы хранили нейтралитет и не собирались стрелять в народ. Те стояли глухо, молча, только стволы пулеметов изменили направление, значит, башни были повернуты, пока я не смотрел на них.

Анпиловцы тихо, без паники отходили в рощицу.

К техзданию подкатил грузовик. Освещенный, почти горящий вестибюль словно сам напрашивался — разбей меня. И все же я не верил, что начнется. Теперь никакой штурм не мог помочь. Только молниеносный, профессиональный бросок в студии, на прямой выход в эфир, и то маловероятно, в случае удачи прорыва, отключат передающие системы телебашни, ее контролирует охрана режима. Все кончено.

Грузовик ударил в двери. Откатил. Несколько выстрелов сверху ударили неожиданно. Кто-то закричал. Еще выстрелы. Попадания. Крики. И тогда сильно, зверски ухнул гранатомет, даже уши заложило. И я понял — будут прорываться. Бегство Макашова и казаков было стремительным — легковушка, грузовик, крики. И все. Но штурм уже шел. Нападавшие прорывались внутрь, в них палили сверху. Я

стоял в шести метрах и боялся шелохнуться — любое движение, могло накликать пулю. Но это было еще не страшно, стреляли из одного окна, с одной стороны. Нападавшие прорывались внутрь — они были обречены на простреливаемом месте, они не штурмовали телецентр и техздание, они прорывались в последнее для того, чтобы укрыться, иначе смерть. И вот тут началось страшное: пули завизжали со всех сторон — спереди, сзади, сбоку. Я ничего не понимал. Это был ад. От тех, первых выстрелов мне легко было укрыться, я видел траектории пуль, вовремя заскочил за столб. Но теперь пули летели мне в спину, летели сверху, с этажей телецентра. Уже визжали, орали, катались по земле раненные, мертво застыли убитые. Пощады не было. И быть не могло. Я понял, что палачи будут косить всех. События растянуты в изложении, на бумаге, но там все происходило в секунды. И снова меня выручила старая выучка, не даром два года гоняли до полусмерти в марш-бросках, на тактике, на учениях. Я кубырем полетел на асфальт, не жалея ни своей кожаной куртки, ни ребер, ни локтей, раз десять перевернулся с разгону, не потеряв инерции, выполз за какой-то крохотный парапет, потом уже на полусогнутых рванул за грузовик, он еще стоял, я успел укрыться, но он дернулся — это уезжала еще группа казаков. За столб! И снова на асфальт! Пули бились о его поверхность, отскакивали. А я полз в темноту, выполз, стал приподниматься... и тут почти в упор, над самой головой моей ударили из пулеметов эти проклятые «нейтральные» БТРы. Я думал, все, это конец, повалился снова наземь, закрыл голову руками. Позади грохотало, гремело, трещали очереди, сливаясь одна с другой. Извернувшись, я пытался рассмотреть, что творится перед входом в техздание — конечно, там никого не было, валялось несколько трупов, изувеченных, многократно простреленных со всех сторон, значит, «боевикам» удалось прорваться внутрь. Слава Богу! Слава этим героям! Они в укрытии. Кто-то из них уже убит. Убито много безоружных, но все равно, еще могут прислать подмогу из «белого дома» и остановить эту бойню.

Стреляли теперь не с нижних этажей, где укрывались «боевики», пальба шла с верхних — это отводили душу «витязи», безумный треск стоял, лупили для эффекта трассирующими, все черное небо прошивалось с обеих сторон десятками очередей. И тут еще проклятые БТРы начали разъезжать по аллее и лупить из пулеметов, куда глаза глядят, добивая раненных, кося бегущих, во тьму рощицы. Я еще не знал, что именно в рощице укрылось большинство из безоружных, я никак не мог выползти из зоны обстрела, потому что лупили со всех сторон — черт его знает, какая пуля прошьет: в лоб, в затылок, в висок. Охранники-каратели засели повсюду. Они никого не жалели, они знали — все свои заняли позиции, перемещаться не будут, бить надо по движущимся целям, не ошибешься. И они били с какой-то садистской жестокостью, зверством. «Нейтральные» БТРы палили из-за моей спины. Но теперь они не могли меня зацепить. Я был слишком близко к ним, под прикрытием балок. Но снова какой-то несчастный, лежавший метрах в шести от меня, вскочил, завопил: «Наши! Подмога!» И рухнул простреленный невесть откуда. Нет, все броневики были не наши. И лупили со всех сторон не наши. Пальбу во все время «боя», а точнее, расстрела безоружных, вели «витязи» и прочие каратели. Никто и ничто не угрожало им. Засевшие внизу, на первом этаже техцентра «боевики» — человек семь-восемь, не отвечали на их выстрелы. Я был неподалеку и потому многое видел в этом кромешном аду. Мне даже показалось, что выскользнули две или три тени, умело, профессионально вышли из зоны, скрылись в рощице. Я не знал, они ли, нет. Пальба стояла безумная. Какая-то «скорая» сдуру пронеслась по аллее. «Витязи» и БТРы чуть не разнесли ее в щепки. Да, теперь я не сомневался. Боя никакого нет, идет жуткий расстрел! Идет дикий, садистский кураж! Резвятся «витязи»! Нет, не годилось им такое название, русское, не годилось. Убийцам этим больше к лицу было — какие-нибудь «рейнджеры» или что-то наподобие, недаром на рукавах у них были нашивки с английскими буквами, английскими словами. Они и работали на «мировое сообщество». Это они крушили, разрушали здания телецентра, это от их пуль погибали случайные работники студий, именно от их, ибо «боевики» никуда не смогли проникнуть. Никуда! Все разрушения на совести «витязей». Порезвились, защитнички демократии!

Но не о них я думал, под обстрелом. Мне было страшно до жути. И одновременно мне было до слез жалко «боевиков», этих всего лишь нескольких вооруженных ребят в камуфляже и трех-четырех пацанов с дубинками и щитами, подобранными во время побоища у Смоленской. Эти паца-

ны забились вместе с «боевиками»-героями в щели на первом этаже. И тех и других бросили на смерть, предали. Я не представлял, что сейчас могли испытывать эти герои-смертники под пулями озверевших карателей. И я вспоминал лица тех, кто шел к Дому Советов в ту черную страшную колючую непогоду. Они поверили. И эти поверили. Сейчас они умрут. А подмоги не видно. И будет ли она?! Ко мне подползли еще пятеро или шестеро безоружных, грязных, трясущихся. Меня поразила одна девица — тощая, в белых когда-то, модных узких штанах — она пришла просто поглазеть, она жила рядом. Теперь она рыдала безостановочно и размазывала грязь со слезами по лицу. Всем нам спасение было только в одном — в рощице, что темнела напротив, через аллею. Броневики продолжали методично курсировать, расстреливая всех лежащих, укрывающихся, прячущихся — один поворот башенки, поворот ствола, и мы снова будем как на ладони, а это верная смерть. И я уже понял, что для сидящих по этажам зданий и сидящих в броневиках все тревоги и опасения давно закончились, теперь они вольготно и абсолютно безопасно для себя охотились на двуногую дичь — высветить, обнаружить и расстрелять. Молодецкая забава!

Нет! Надо было бежать туда, за деревья, в рощу. Но как? Почти рядом, в двадцати метрах уже рванули туда минуту назад два парня, их скосили — один еще дергался, пытался вытащить другого, цеплялся, тянул его к деревьям, подальше от света. Но второй очередью и его добили. Шла охота.

Я не знал, сколько же боезарядов выдали «витязям» — каждый расстрелял по десятку «рожков», не меньше. И все же время от времени, через пять-шесть минут пальбы наступало краткое затишье. Рааз два в такое вот затишье я пытался рвануться. Но новые очереди, стучащие по асфальту пули укладывали меня обратно. Я поражался мужеству людей, которые выскакивали то и дело из рощицы, подхватывали раненных, тянули их за деревья, а иногда и оставались там же, рядом. Кто-то стонал, кричал. Но очереди заглушали все.

Наконец, когда БТРы ушли подальше, повернувшись к нам кормой, мы врассыпную бросились через аллею. Это был отчаянный бросок. Девица в белых брючках неслась пулей, она с лету плюхнулась под деревья, в грязь. Больше я ее не видел. Очереди ударили запоздало. Но кто-то, по-моему, упал, не добежал. В этой суете и в этом аду трудно было что-то разобрать.

— Давай! Быстрей! За стволы прячьтесь! — кричали нам люди из рощи.

— Помощь нужна? — спросил из мрака мужик. У него был бинт, еще какие-то медицинские штучки.

— Все нормально, — ответил я. И тут же побежал во тьму, за ствол здоровенного дерева. Мне уже надоело лежать на брюхе, устал и замерз, осень. А там можно было стоять в полный рост. Я никак не мог отдышаться. Но это уже шалили нервы. Еще через несколько минут вернулся броневик, светанул лампой-фарой в рощицу и шарахнул длинной очередью. Я знаю, как бьет крупнокалиберный пулемет, сам в свое время был старшим стрелком. Посыпались тяжелые ветви. Кто-то вскрикнул. И словно на крик шарахнули еще раз. А «витязи» все палили очередями со всех сторон по зданиям Останкина, резвились, крушили. Они теперь были почти не страшны нам, только с верхних этажей самого телецентра можно было бить по залегшим в роще, но бить наугад, вслепую, во тьму. Страшнее были БТРы-убийцы. Эти косили беспощадно.

Когда глаза мои привыкли к темноте и мраку, я увидел, что в рощице лежат, сидят, пригнувшись, стоят за стволами тысячи людей. Почти никто не уходил. Я перебежками сновал между обстрелами от дерева к дереву. Анпилова не было. Ушел. Но многие повторяли как заклинание: «Нельзя уходить до утра! Нельзя бросать ребят!» Горько плакала рядом пожилая женщина: «Бедненькие, ребятки! Что же с ними сейчас сделают эти гады! Убийцы! Сволочи! Надо же идти к ним, спасать, ну что вы стоите, мужики, ну сделайте хоть что-нибудь!» С голыми руками идти под пули профессиональных убийц? На свет?! Люди вздыхали, многие, как и я, пытались подползти из рощи поближе, к зданию. Но очереди били в упор, из укрытий выползать было смерти подобно. Не жалели патронов защитнички «мирового сообщества». Как их потом нахваливали наши телевизионщики и «мастера искусств». Интеллигенция, превозносящая убийц, называющая их спасителями... мразь! погань! Впрочем, эти нерусские «мастера» никогда не жалели русского народа: ни в восемнадцатом, ни в тридцатых, ни в девяносто третьем. Вдохновители палачей и подстрекатели убийц — вот вам имя, интеллигентствующие холуи! Но там, под пулями я меньше всего думал про них. Я не знал, что делать. Я не мог уйти, ведь там еще погибали люди, если я уйду, значит, я их брошу, и я стану предателем.

А люди, сотни, тысячи людей, говорили во мраке и сырости об одном: «Еще немного! Надо продержаться! Те, что уехали, давно в «белом доме», скоро придет подмога, не может быть, чтобы не пришла, там уже, небось, наши в Кремле, придут, выручат, не может этого быть, ведь мы же прорвались, мы же освободили их, мы же победили! Обязательно придут». Я молчал. Я не мог им сказать, что не придет никто. Я знал точно, не придут, но я хотел надеяться, я хотел слепо верить, что придут, ведь день был такой чудесный, Божий День, за нас было все Воинство Христово. Бог был с нами, а не с изуверами-палачами... нет, не может Он нас бросить, предать! И тут же в голове стучало: может, еще как может Он бросить нас. Ведь мы предали самих себя. Мы не смогли удержать Победу, ниспосланную нам Им. Значит, мы и виноваты. Значит, мы не созрели, не готовы! И эта ночь уже ничего не принесет. Все решит завтрашнее утро. В первом часу ночи, убедившись, что в Останкино все кончено — кончено сотнями, если не тысячами трупов (я не верю официальным данным, они лживы, на моих глазах убивали людей, это были массовые расстрелы безоружных и подлинные цифры убитых откроются позже), убедившись в полном поражении, я через рощу начал выбираться из страшного места. Я знал, пройдут годы и тут возведут монумент памяти жертв октябрьского расстрела, сотням, а может, и тысячам погибших. Но сейчас на этой земле праздновали победу нелюди-палачи. Время спросит с них. Каждая безвинно пролитая кровинка отольется им, и я надеюсь, гораздо раньше, чем они за свои черные грехи попадут в преисподнюю.

Мы выбирались группой человек в восемь. В мрачном молчании. Пробиваться в Дом Советов? Я сразу исключил этот вариант. Мне надо было ехать к больной матери, к жене, я представлял, что они сейчас, посреди ночи испытывают, зная, что я ушел ТУДА, и что в Останкине идет смертная бойня. Только домой.

Среди зданий мы наткнулись на машину у подъезда, и стоящего над ней в растерянности, скорби человека, и другого, пьяного, рыдающего.

— Помощь нужна? — спросил один из нас.

— Какая, на хрен, помощь! — проговорил сквозь слезы пьяный. — Полчаса назад звонили с телецентра, там в моей студии моего парня, моего подчиненного убили, понял? Эта сволота красно-коричневая! У-у, ублюдки! — И он зарыдал еще пуще.

Я хотел сказать, что ни один «красно-коричневый» до студии не добрался, что его парня, как и всех прочих убили «витязи». Но что толку говорить с ним, пропаганда! пропаганда! Ложь уже начинала черным ядом истекать из телецентра, радиоцентров, отовсюду — ложь, гнусная, черная, подлая ложь о Народном восстании. В руках лжецов все. И люди больше никого не слышат, не видят. Была одна-единственная возможность выйти в эфир! Одна! Единственная! И Макашов с Руцким, с Хасбулатовым упустили ее! Не те люди! Это не те люди! Ну почему не сбываются страхи наших врагов, ну почему же в Доме Советов не берут верх люди дела, способные принимать решения, почему все отдано во власть ищущих отступных путей?! Это трагедия! Трагедия всего русского народа, поверившего в этот раз, но ни за что не поверящего в следующий. Ложь и предательство. Кругом ложь, обман и измена. Чьи это слова?! Кто так говорил? Государь Император. В далеком семнадцатом. В самом начале этой бесконечной трагедии. Ложь, предательство и измена!

Кое-как, измученный, грязный, подавленный, я добрался до дома. Мать сидела бледная и отекшая. Ей было плохо. Но она наотрез отказывалась от «скорой», она все надеялась, что обойдется, само пройдет... а пульс не превышал тридцати. Жена меня нещадно отругала. И за дело. Тут она была права. С больной, измученной матерью — какие могут быть восстания, демонстрации, бои. Они уже слышали о стрельбе в Останкино, но даже не представляли себе масштабов одной из жесточайших боен нашего времени. Я сразу включил телевизор, этот вражий ящик. Там, с непонятным перебоем программ и каналов исходили ненавистью к восставшему народу пришлые, чужие на нашей земле людишки. Это было омерзительно. Но это было, я должен был, обязан был это слушать и запоминать: раскрывались лица, интеллигентствующие актеришки застывали в своей русоненавистнической неприкрытости. Мерзость, гадость, геноцид! Они клеветали, клеветали и клеветали... и я думал не об этих злобных, ветхозаветных ничтожествах, а о миллионах русских людей по всей стране — неужели верят, неужели поверят?! Чудовищно! Но тогда же я понял, что колониальная администрация в полнейшей прострации, она в ужасе и уже на аэродромах, уже почти в бегстве из России. Лишь брошенный всеми полубезумный Гайдар, чмокая и трясясь от стра-

ха, сзывал свою частично русофобскую, частично одурманенную рать на площади! О, проклятая гайдаровщина — иго чужеземное! Свобода грабить Россию и убивать! По сути дела, этот внучок и спас обезумевшую администрацию. Он и «белодомовские сидельцы», выпустившие Победу, принесенную им Народом, из своих рук. Все остальное — мифы и сказки. И про Ельцина, который якобы на вертолете прилетел ночью в Кремль. Вранье. Всю ночь дежурили вокруг Кремля репортеры. Даже комар не прилетал, не то, что вертолет. Это позже стало известно, что американская резидентура взяла на себя руководство, вывела из прострации функционеров режима. Ну что же, мы любим, когда в наши дела вмешиваются, очень любим. Я не выключал еще проклятого басурманского ящика и по иной причине: сегодня у мэрии и Дома Советов, а потом в Останкине пролилась кровь тысяч русских людей, многие сотни, если не тысячи из них были убиты, безоружными, убиты подло, зверски, нагло. Где Патриарх со своей анафемой?! Почему его нет?! Это же позорище! Он тоже не хочет ничего? Ему тоже ничего не надо?! Но какой же он тогда Патриарх?! И не накличет ли он таким образом, предательством и трусостью перед лицом Господа Бога анафему на самого себя. Православная Русь! Православная церковь наша Русская! Ежели и тебя предадут, то что же дальше-то! Будем мы все навеки прокляты! Нет, Патриарх не показывался, он все «болел», он нашел свой отходной путь, запасной выход. И от этого становилось гаже, вдесятеро муторнее и противнее на душе. Кругом измена и предательство, подлость и мерзость! Но люди... люди верят, они пошли на смерть, что будет завтра с теми, кто не в белокаменных палатах «белого дома», а снаружи да в подъездах и на лестницах?! Недобрые предчувствия сжимали сердце, гнули, ломали.

Я никогда не любил комсомольскую шатию-братию со всеми их «разоблачительскими» и зрелищными «взглядами». Но надо отдать должное: среди истерики, угроз, бешеной пены на ртах «мастеров искусств» вдруг появились более-менее вменяемые, бывшие «взглядовцы» — не ожидал от них — посоветовали кончать психоз, и идти всем спать, утро ведь, оно мудренее вечера. Наемные злопыхатели и русоненавистники почуяли в своей среде измену. И предали «взглядовцев» анафеме, не задержались, у них, ветхозаветных, это быстро. О наших «мастерах» и «творческой интеллигенции», об этих иудах, разговор особый, и мы еще вернемся к ним. А ночь ту тяжкую провел я бессонно, ругая себя за подозрительность, за то, что рублю с плеча. Ведь чтобы там ни было — сидящие в Доме Советов герои, в том числе и Руцкой, и Хасбулатов, и Ачалов, и Макашов, и другие вожди... про людей простых не говорю, насчет тех и сомнений нет, это святые мученики, богатыри, подлинные витязи, вершащие подвиг. Они не ушли. Они остались. Значит, они верят! И какое-такое я имею право сомневаться в Руцком?! Кем бы он ни был раньше, чего бы он ни сделал — он восстал против колониального режима. Это подвиг. Это великий подвиг посреди всеобщего предательства, тотальной измены, когда за какие-то два года предано все! Да как я смею! Надо с самого утра идти туда. И если не спасти Россию со всеми вместе, то хотя бы умереть не предателем и поганым иудой, подлецом и последней сволочью. За ночь они воспрянут, выйдут из прострации, они сумеют перехватить инициативу! Иначе быть не может! Иначе конец всему — России, русским, всему!

Утро пришло ясное и прозрачное. Не верилось, что таким прекрасным утром может начаться нечто нехорошее. Но, видимо, Силы Небесные и впрямь отвернулись от нас.

Мать не спала всю ночь и чувствовала себя совсем плохо. Но ее пугала даже сама мысль о больнице, о том, что надо будет оставить свой дом, куда-то ехать, да еще в эдакую смутную пору... Не слушая больше возражений, я вызвал врача из поликлиники, для начала. Сам включил телевизор, стал ждать. Ни работать, ни отдыхать не мог. Тут позвонила Нина Ивановна, она давным-давно уехала на работу, в филиал нашей редакции.

— Замки сбили! Ночью! — поведала она.

— Что там — погром? обыск? грабеж? — разволновался я.

— Да нет, внутрь забраться не смогли, один замок им не по зубам оказался, — успокоила она меня. И тут же спросила: — Милицию вызывать?

— Не надо. Звони в случае чего!

Кто-то воспользовался суматохой, неразберихой той страшной ночи. Потом я узнал, что именно в эту ночь ворье, почуяв, что государства и власти нет, обнаглело до предела: угоняли машины, грабили квартиры, сводили счеты. Преступники знали: придут к власти новые люди, не до них первые дни будет, а там сотрется из памяти все, останутся

прежние — все спишут на «боевиков», им даже на руку все погромы и ограбления. Но в эту ночь кто-то шуровал под видом грабителей — верхушка режима пребывала в панике и прострации, но охранка на местах не упускала момента порыться в «чужих архивах», знаем мы эту тактику. Плевать! Сейчас главное другое. Сейчас все зависит от того, как поведут себя в Доме Советов. Если замкнутся, отгородятся — все, проиграли, тогда полное поражение. Если найдут сил выйти навстречу — ничто и никто их не остановит.

Американская телекомпания транслировала на весь мир то утро и тот день. Это сразу подействовало на меня угнетающе. Добило. Я не видел ничего странного в том, что наши телевизионщики пропали куда-то напрочь и не могли ничего выдать в эфир кроме нескольких брызжащих слюной трусливых рож. Что взять с них, с кучки останкинских евреев, им в «этой стране», чужой стране рисковать своими драгоценными жизнями не резон. С ними все ясно. Но американцы! Они с самого начала вели себя хозяевами. Они были хозяевами. Они контролировали положение в колонии, они полностью осуществляли централизованное руководство подавлением народного восстания, они, естественно, и транслировали — не для нас — а для любопытных зевак из «мирового сообщества» эффектное, но затянутое шоу. Рожденные в Империи, мы доживали, а многие умирали и уже умерли, погибли в совсем иной стране — в колонии, жалкой, бессильной, задавленной, нищей...

Я знал, что сейчас миллионы людей сидят у экранов. И они верят колониальной пропаганде. И они не знают правды.

Потом выяснилось, что на крыше американского посольства торчали не только телевизионщики, но и снайперы спецслужб, и не только на этой крыше. Они заняли все удобные высоты вокруг Дома Советов, своими меткими выстрелами они подстегивали штурмовиков режима, распаляли их, вызывали в них ненависть к обороняющимся, которые так и не посмели открыть огня.

А гнусные лжецы из вражьего ящика все скулили про «боевиков», «бандитов», «фашистов», «красно-коричневое отребье», взявшее власть в «белом доме». Да если бы «боевики» взяли власть, дорогие вы наши изверги, не сидели бы вы ни минуты лишней в студиях, а бежали бы сломя головы, хоть по морю, хоть по суху в свои земли обетованные, подалее от народного гнева за все ваши преступления, бежали бы крысами из «этой страны» и по дороге дохли бы от страха и переполняющей вас ненависти к России и русским. Если бы «фашисты» взяли власть, еще бы вчера были решены все вопросы, и не было бы никакой трансляции с крыш американского посольства, и не было бы снайперов, и самого бы посольства, надеюсь, не было, а коли и осталось бы оно, так в тех рамках, в коих и положено быть представительству иноземного государства, но отнюдь не управляющей структурой. Ежели пришли бы к власти в Доме Советов «бандиты», так ни один из «бейтаровцев» не ушел бы живым из Москвы, висеть бы им всем, посмевшим стрелять в безоружных, на московских осинах на радость всему честному и доброму люду. И не нашлось бы добровольцев для танковых экипажей, что обстреливали Дом Советов, и сами бы танки не подпустили близко, да и танки эти не палили бы по депутатам, а охраняли бы их. И уже закрыты были бы все государственные границы, чтобы преступная нечисть не смогла скрыться от справедливого наказания... и рухнуло бы еще вчера колониальное иго. Но не «фашисты» захватили власть в «белом доме», а защитники «молодой демократии». И потому последовало то, что последовало — расстрелы, убийства, погромы, пытки, казни, большая, чудовищно большая кровь в Москве, тысячи неопознанных трупов, вывезенных невесть куда и дичайшее, варварское торжество вандало-антихристов из «мирового сообщества». Это надо же, как радовался весь «цивилизованный мир», когда расстреливали Российский Верховный Совет! Как они одобряли каждый пушечный выстрел! Уже одной этой реакции было вполне достаточно для того, чтобы лишиться иллюзий в отношении «мирового сообщества». Для него по старой переиначенной поговорке только в одном случае русский хороший — это мертвый русский. Кровавое зрелище возбуждало алчущий наших смертей «цивилизованный мир». До какой же мерзости и подлости дожила земная цивилизация. С этого дня я перестал воспринимать «мировое сообщество» как сообщество человеческое, людское. Дай Бог дожить до того времени, когда танки будут расстреливать сенат и конгресс в проклятых Штатах. Да свершится это! И пусть транслируют на весь мир, как орудийные снаряды будут разрываться в гуще сенаторов и конгрессменов! А снайперы, засевшие на крышах, будут добивать тех, кто выскочит из дыма, ада и бушующего пламени. Дай Бог

свершиться этому, ибо справедливо будет! Дай Бог, чтобы танки крушили центр Парижа, Лондона, Тель-Авива, Бонна! Гуманисты из «мирового сообщества» должны испытать на своих шкурах, что такое рвущиеся внутри здания куммулятивные снаряды. Они думают, что убивать можно и нужно только русских. Надо развеять их иллюзии. Я верю, свято верю, что наступят времена, когда и они созреют, когда в их странах возобладают силы (они уже растут и множатся), жаждущие перемен, «перестроек». И надо будет поддержать стремления тамошних «перестройщиков», как «мировое сообщество» поддержало наших. Все тысячелетия мы были их щитом, мы давали им возможность расти и жиреть, прикрывали своими телами от диких орд. Но придут к ним орды в иных обличиях! И сотрут их с лица земли! Палачи! Они все стали палачами, не только спецслужбы и госструктуры. Когда бомбили гражданский Ирак, нам показывали «простых американцев», чьи лица были перекошены ненавистью, они рычали: «Бомбить! Бомбить!». Это уже не какие-то «ястребы» сеяли смерть, это вся Америка убивала детей и стариков, женщин и мужчин в иракских городах и селениях. Да настанут времена, когда иракская авиация и иракские ракеты будут сносить с лица земли Вашингтон, Нью-Йорк и прочие паучьи гнездовища. И скажу я — это хорошо. Ибо справедливо! Ибо убийцы должны отвечать за миллионы и миллионы растерзанных русских, вьетнамцев, иракцев, корейцев, несчастных безоружных островитян, которых они убивали, сомалийцев, сербов... должны. Посвященные знают, две величайшие войны этого века — Первая мировая и Вторая мировая — на совести у англо-американского спрута, стравившего две великих нации, русскую и немецкую. Америка и Англия по уши в крови десятков миллионов. Все «революции» на их совести, все терроры! Они всегда убивали нас. И им всегда было мало. Ибо ненасытны, наглы и неостановимы в наглости своей. Они снова убивали нас, расстреливали наш парламент. Знающие знают. Все эти ельцины, грачевы, ерины со всеми своими подчиненными были только оружием в руках настоящего, большого Белого Дома, который и посадил их на власть. Штык прокалывает тело, но убивает — бьющий штыком. Пуля пронзает и разрывает тело, но убивает нажавший спуск автомата. Это они нажали спуск. Это они держали в руках оружие, из которого расстреливали Россию. Белый Дом, Пентагон, ЦРУ. Америка! Каждый знающий знает. Все остальное — сказки для толпы, для быдла. Я знал и знаю это. Хасбулатов знал и знает это. Руцкой знал и знает это, не мог, он, политик, не знать этого.

И в те минуты, часы Руцкой вел переговоры с американским посольством. Уже были убиты «бейтаровцами»-добровольцами сотни русских беззащитных людей, тех самых, которым не выдали даже одного автомата на десятерых, тех самых, что поверили и пришли, тех самых, преданных и брошенных на смерть. Руцкой искал отходных путей. Люди умирали. Да, он восстал против режима, за «молодую демократию» и Россию. Да, других не было. Слава Богу, что хоть такой нашелся! Да, тюрьмы не сломили его! Да, он продолжает борьбу! Но навсегда в моем сердце останется та рана. Американское посольство. После Лефортова к Руцкому, лично, приезжал посланник Клинтона бывший президент Никсон, никто не знает, о чем они говорили. А я знаю. О возможности получения «ярлыка на княжение». Ханского ярлыка из Вашингтона.

Какая же это чудовищная трагедия для России, когда даже лидеры-патриоты, оппозиция колониальному режиму, ищет поддержки у «большого хозяина» из-за океана. Непостижимо!

Нет, я тогда сразу понял, что никакие «фашисты» не брали власти в Доме Советов, что там все тихо. А значит, скоро конец кровавому «шоу». Это был страшный, невыносимый день бессилия и поражения. Функционеры режима, за ночь приведенные в чувство американскими инструкторами, стягивали силы в Москву, выходили из прострации и паники, они начинали соображать, что не им бояться надо, что, напротив, боятся их самих. Вот это и был перелом. Чтобы победить, надо ощутить себя победителем. Горько все это было. И тяжко.

Я должен был ехать туда, к горящему Дому Советов. Но надо было дождаться врача. И я дождался. Врачиха, куда-то спешащая, нервная и суетная, скорехонько осмотрела мать, сказала, чтобы назавтра она пришла в поликлинику, сделала кардиограмму, тогда и видно будет.

— Как же так, ведь сердце еле бьется, всего тридцать ударов?!

— Ничего, не рассыпется! — бросила из-за двери врачиха.

Эх, вера наша наивная и слепая во врачей да в политиков.

Мерзавцы они по большей части. Но чтобы узнать эту их подноготную, надо поближе с ними сойтись. Я вернулся к матери, успокоил ее, мол, ничего страшного, все обойдется, вот и доктор так сказала, завтра кардиограмму снимут, выпишут лекарство, а сейчас лежи, не вставай.

Надо было плевать на всех этих врачих-дур, везти мать в больницу, плевать на все. Но доверчивость наша и простота, сколько раз они подводили нас. И я вызвал жену с работы, оставил мать на нее, а сам поехал ТУДА. Измученный, не спавший ночь, с разбитыми после вчерашней бойни коленями, локтями, кистями рук, перекошенный, хмурый, подавленный.

Жующие толпы с пустыми глазами все так же ходили туда-сюда по улицам, им было плевать, где они живут, кто ими правит, лишь бы пожрать вовремя и побольше, да «запаковаться» в барахлишко. Я не смотрел в пустые нерусские глаза, и без них тошно было. Я еще краешком души верил — опамятуются в Доме Советов, вспомнит Руцкой, черт его побери, о том, что клялся «живым не выходить», раздаст надежным людям пулеметы да гранатометы, отобьют они атаку вражескую, бейтаровскую! Ведь вся Россия настоящая, не жующая, сидела перед экранами и ждала — ждала, что тот, кто объявил себя единственным президентом сделает наконец-то хоть один решительный шаг — тогда и за ним, вперед, под развернутыми знаменами.

Четыре танка! Много это или мало?! Много, когда помирать собрался и в щель забился. А для воина это еще не преграда. В Доме Советов были воины. А в танках сидели наемники — за доллары, за звездочки, за квартирки московские. Две-три вылазки с гранатометами, одна пораженная цель, и наемников как ветром бы сдуло, им подыхать ни за какую прописку не с руки, это не воины, а палачи за деньги. Про «бейтаровцев», что расстреливали безоружных с БТРов и речи нет, их могли бы с самого утра остановить, уничтожить. Не решились. Почему? Потому что не чувствовали себя победителями, законной властью, отходные пути искали, боялись гнева «большого хозяина» и хозяев кремлевских, нынешних. Впрочем, не мне судить их. Но «белый дом» погибал без боя.

Когда приехал туда, подошел вплотную, я убедился в этом — стреляли только войска режима. Ни одного ответного выстрела. Все россказни и сообщения тележецов о жертвах «боевиков» — грязная и подлая ложь. Из Дома Советов не стреляли. Черный Дом полыхал свечкой. И орды полупьяных, одуревших от пальбы и водки «молодых демократов», многотысячные орды, не спешили откликаться на призывы Руцкого и бросаться на защиту «молодой демократии», а совсем напротив — с ярой ненавистью глазели на осажденную, горящую крепость. Они жаждали крови, им сказали, что внутри «фашисты», «красно-коричневое отребье», и они жаждали смертей.

— Чего не стреляете?! Пали давай!

— Добивай красную гадину!!!

— Огонь! Огонь!

— Бей коммуняк!

Кто-то советовал облить весь Дом Советов бензином и поджечь. Другой говорил, нет, надо сверху, с вертолетов газами травить, а когда выбегать станут, расстреливать... короче, отпущенные Ельциным с занятий, поглазеть на расстрел «фашистов» собрались школьники да студенты, «дети перестройки», поколение, взращенное врагами нашими для истребления нашего.

Россия гибла в огне и разрывах снарядов. Мир ликовал.

И уже было ясно — Народное, национально-освободительное восстание подавлено. Властям остается лишь на страх всей стране добить, растоптать с показной жестокостью этот последний островок сопротивления. И все. И грядет уже иго безысходное, вековечное, страшное, не оставляющее надежд. Чужеземное беспощадное иго.

Я стоял под обожженной, изуродованно-щербатой башней «мэрии». И сердце мое рвалось в полыхающий, обожженный ордами наемников и братоубийц Черный Дом. Под ногами хрустело битое стекло — везде и повсюду. И топтались по нему тысячи жаждущих крови. Дети перестройки. Горящие глаза, восторженные рожи... эх, не успел им Гайдар автоматы и гранатометы раздать, не на всех хватило, а то б иной разговор шел! Герои! Они рвались в бой. Особо шустрые и пьяные подхватывали с мостовой камни и осколки плит, с матом и угрозами швыряли их в сторону «белого дома» — а как же, им хотелось не просто глазеть, а участвовать в штурме, чтобы потом среди таких же дебильных нерусей было чем похвастать, дескать, здорово мы коммунякам врезали! И плевать этим героишкам, что не было и в помине в Доме Советов никаких коммунистов, что зюганов-

цы да анпиловцы все по своим домам сидели и в противостоянии иноземному режиму не участвовали, все равно — «красно-коричневые», «коммунисты»! Дебилы, зомбированные массовой антирусской пропагандой, трупы ходячие и безродные. Жутко и холодно мне было среди тысяч и тысяч этих трупов, этих беснующихся нелюдей. Еще вчера, еще неделю назад они ходили-бродили по улицам и проспектам с застывшими лицами и равнодушно-нерусскими глазами, ходили толпами и жевали, жевали, жевали... им ничего не было нужно, кроме жратвы, шмотья и питья. Сегодня они возжаждали зрелищ. Нет, и тут не было своей воли у этих трупов, им сделали зрелище, им его устроили. А они просто жаждали крови живых людей. Но крови было много там, за опаленными стенами. И ее не было видно здесь, лишь крики раненых доносились изредка, прорываясь сквозь пулеметный треск. Мало этого было жаждущим. Крови! Крови!! Крови!!! Беснующаяся толпа лезла под пули, в зону обстрела, лишь бы почуять желанный запах горячей крови. Такой концентрации алчной похотливости я никогда не ощущал — многотысячная стая трусливо-алчных шакалов окружала добиваемого исполина. Часть этой стаи даже залезла на крышу дома напротив, облепила ее трепещущим жадным комком. И визжали. И орали в экстазе! После каждой очереди! После каждого крика с той стороны! Нелюди.

Чего от них было ждать, и вели они себя не по-людски. И кругом бутылки, бутылки, бутылки... пили водку и пиво, а в основном тот мерзкий иноземный самогон, что поставляется уже давненько в нашу колонию под красивыми этикеточками и названьицами. Пили поганое пойло! Рыгали, блевали, мочились, гадили там же. Желтые склизкие вонючие лужи сливались в единое мелко-поганое море, покрывали битое стекло, осколки облицовок, блоков. У стеночки, под мостиком к «мэрии» валялись три тела, но не убитые и не контуженные, а мертвецки пьяные, валялись в лужах и озерах мочи. Дети перестройки. Молодое поколение выбирает... Мне было предельно ясно, что выбирает молодое поколение. Эту мерзость надо было видеть. Но и среди нелюдей попадались «добрые души».

— Эй, держи аршин, — потянулся ко мне с бумажным стаканчиком из-под «пепси» хлюпкий пьяненький мальчонка — белесый и мутноглазый, но сияющий неземной радостью и иступленным блаженством.

Я отмахнулся, скривился. Даже слов не нашлось. Мальчонка стоял с краешку, за ним было еще семь или восемь таких же, но покрепче, у каждого в руке или стакан или бутылка.

— Не пить! Не пить!! — пьяно командовал черный, растрепанный. И вздымал кверху грязный палец. — Терпение, господа!

«Господа» пошатывались, хихикали, матерились, пускали слюни. Я не сразу понял, чего они ждут. Спиртным ребятки запаслись основательно — у каждого из карманов торчали горлышки бутылок. Было ясно, что сами они таких запасов не осилят. Предлагали соседям.

— Тихо!

И впрямь стало вдруг тихо. А потом шарахнул залп. И вслед ему застучали смертным стуком крупнокалиберные пулеметы с БТРов. Еще сотни килограммов свинца обрушились на погибающий Дом Советов.

Но этого, оказывается, и ждали.

— Ур-р-ра-ааа!!! Ур-р-ра, господа!!! — завопил во всю глотку черный. Воздел кверху уже не палец, а сам стакан, пролил половину себе на плащ. — Урр-ааа!!! Выпьем же, господа, за победу демократии!

— Урр-раааа!!! — хором завопили остальные, пьяно и невпопад.

Эхом отозвались окружающие, даже те, кто и не видел и не слышал «господ». Стадо! Пили жадно, взахлеб, ликуя и не скрывая своего восторга. Визжали какие-то девицы-студенточки.

— Вперед! Дави!! Бей!!!

Стая шакалов-нелюдей зашлась в беснований, дернулась черной тучей к «белому дому». Но тут же отхлынула трусливо, припадая на четвереньки, напуганная очередями откуда-то сбоку, разбежалась, оскальзаясь и падая в собственную мочу. Эх, власти, власти! Не предусмотрели столь малого, устраивая кровавое многолюдное «шоу» под открытым небом — своим же «молодым демократам» и защитничкам «нового мирового порядка» не удосужились разъездных туалетов на колесах доставить. Вот и представьте себе — с самого утра и до ночи десятки тысяч пьяных и полупьяных «борцов с коммунизмом», накачивающихся беспоминутно водярой и пивом! Нет, это трудно представить, это надо было видеть — мутные ручьи стекались в озера, озера в моря, и текла зловонная жижа. Текла здесь.

И текла кровь людская. Текла там — в Черном Доме. Сотни умирающих корчились в страшных муках, тянули вверх руки, молили, стенали, плакали. Но не было им пощады. Не было, ибо жаждущих крови надо было насытить, а непокорных по всей земле Русской запугать — раз и навсегда, чтоб и помыслить не смели о возрождении Народа Русского, о возрождении Руси Святой. Давным-давно, еще в школах, нам рассказывали, как английские колонизаторы подавляли восстание в Индии, как зверствовали, как с холодной жестокостью не щадили никого, ни женщин, ни стариков, ни детей, как привязывали их к жерлам пушек, расстреливали... Теперь колониальные власти так же карали русских. Один за другим снаряды, выпущенные из танков, разрывались среди тысяч загнанных в свой последний приют людей. Кровавое жуткое месиво было за горящими стенами Черного Дома.

Зловонное, поганое месиво было вокруг него. И все же толпы нелюдей-шакалов смотрелись чуть ли не героями. Ибо где трагедия, там и комедия найдет себе место. Толпы мертвяков, детишек перестройки отважно стояли, метались, пили, гадили и ликовали под огнем. А кто ж вел его? Где-то далеко, явно побаиваясь приблизиться к Черному Дому на гранатометный выстрел, жались к асфальту танки наемников-добровольцев. Только издалека, только из-под полуметровой брони, только ничем не рискуя... смельчаки! Они работали так, как и их заокеанские хозяева работали во Вьетнаме, в Ираке, в других точках земного шара — не лицом к лицу, а с безопасненького расстояния, снарядами, ракетами, уничтожая мирных детишек, старичков, бабулек. Миротворцы-убийцы! Наемники-бейтаровцы в БТРах были посмелее, чуть ли не вплотную подкатывали к стенам ненавистного им Дома Советов, крушили из пулеметов и гранатометов все подряд. Это на их совести с самого утра были сотни смертей, это они полосовали свинцом безоружных Русских на баррикадах, это они срезали очередью отца Виктора, священника, вставшего им навстречу с поднятым крестом в руках. Ветхозаветная, лютая злоба чужеземцев, ненавидящих все Русское, все Православное. Эти убийцы, дай им волю, могли бы учинить такой новый «красный террор», что Москва превратилась бы в одну большую могилу, на которой они бы плясали потом свои ритуальные пляски. Это позже «Альфа» приструнила разошедшихся убийц. Но тогда они

были в раже и угаре пирровой победы. И все же и они не высовывали носа из-под брони. Убийцы всегда трусливы и подлы. А толпа металась, бесновалась, застывала, визжала. И не уходила из зоны обстрела. И мотало меня вместе с этой поганой толпой. И не мог я уйти. Я должен был видеть все.

И видел я, как жались к стенам бронированные спецназовцы в касках с автоматами и пулеметами. Нет, они не лезли на открытые места. Они, будто суперменчики из дешевых штатовских фильмов, выскакивали, выкатывались из-под каменных прикрытий, давали очередь-другую в сторону Черного Дома и снова прятались. Они жались к стенам, боялись открытых пространств, прикрывали друг дружку. Временами палили прямо ввысь, по башне «мэрии» — ведь где-то на самых верхних этажах еще отбивались от безумного натиска смельчаки. Что сейчас испытывали эти отчаянные парни, загнанные в ловушку, обреченные на смерть, но не сдающиеся? Вечная память павшим героям! Время выявит их имена, если черная туча новоордынского ига не станет вечной, если не исчезнет с лица земли сама Россия.

Время от времени кого-нибудь из толпы сбивало с ног пулей, осколком. Три трупа в уродливых позах валялись под мостом уже часа четыре, а кое-кто поговаривал, что и с самого утра. Толпа трупов не пугалась, лишь ощущалось, как сладостно-тревожно замирали у кровожадных зевак сердца, и тут же слышались облегченные вздохи — мол, слава богу, не меня! Это была словно бы рисковая игра на везение. Но слишком уж много живых мертвяков в нее играло.

Я дождался того часа и той минуты, когда с правой стороны Дома Советов раздались глухие хлопки, повалили вверх огромные клубы черного, непроницаемого дыма. По толпе понесся шепоток: «Альфа! Альфа пошла!». Пробиться ближе, к самим подъездам, понять, что там происходит, не было никакой возможности, войска режима, спецназ, снайперы с крыш простреливали все подходы — любой подошедший слишком близко расстреливался без предупреждения, иногда выстрелами сразу с нескольких сторон: справа, слева, сзади. Не стреляли только из самого Черного Дома, даже трусливо-наглая толпа поняла, что пулю можно схлопотать только от «своих», от штурмовиков режима. Правда, и это не всех пугало: время от времени пьяненькие смельчаки, похваляющиеся перед своими дружками и подружками, выскакивали в зону обстрела, дурачились, куражились, плева-

ли в сторону осажденных, швыряли бутылки... и под восторженные демократические визги толпы или воссоединялись с нею, или падали, корчась и хрипя. Мне не было жалко этих геройчиков. Плевать на них. За их жизни пусть перед их матерями отвечает власть, которая отменила уроки и занятия в школах да институтах и волей-неволей пригнала любопытных «младодемократов» сюда. Мне было до ножевой сердечной боли жаль тех, что сидели в Черном Доме. И не столько депутатов и прочее начальство, которое сбилось за семью стенами в непрошибаемом зале заседаний, а тех, кто умирал сейчас во внешних кольцах обороны, тех, кто стоял насмерть, сдерживая звериные наскоки бейтаровцев, железный натиск 19-ой десантной дивизии (эх! втравили ребятишек несчастных в палаческое дело, да еще гвардейцев! как отмываться будут? как отчищаться перед отцами и дедами, которые в боях с врагом стали гвардией, а не в расстрелах своих братьев? беда!)

И уже тогда стало ясным, что осажденные прекратили сопротивление, что лишь малая часть, взяв оружие и боеприпасы, повязав головы черными лентами смертников, ушла на верхние этажи «стакана», ушла умирать. А те, что остались внизу, просто распахнули все двери — входите! И не было никакого особенного геройства этой самой «Альфы», ее штурмовики шли в открытые ворота, незачем им было прикрываться черными дымовыми завесами, никто в них не стрелял, потому как поверили им. А не поверили бы, так и не подпустили бы на двадцать метров к еще белым стенам Дома Советов, всех бы положили, не помогла бы ни шумная реклама, ни стальная броня. А уже на плечах «Альфы» ворвались в Черный Дом боевики-бейтаровцы, омоновцы и прочие душегубы. Вот когда началась лютая бойня. Но лишь опали чуть зловещие клубы, повернулся я спиной к страшному дому, не мог больше глядеть в ту сторону, побрел прочь от проклятого места. Какой-то мордоворот в броне и камуфляже выскочил от разбитых дверей «мэрии», замахнулся на меня прикладом автомата, прорычал:

— А ну вали отсюда! Нельзя!

Туда и впрямь нельзя было, на верхних этажах шел бой, каратели боялись, что к осажденным в «мэрии» придет подмога, выручка. Они вообще всего боялись. Глядя на укомплектованных молодцов, трусливо жмущихся к стенкам, можно было подумать, что это они в осаде, что это их безжалостно высекают шквальным огнем.

— Да пошел ты на хер! — сорвался я. И отвернулся, и быстро побрел вдоль битых стеклянных стен. Только поровнявшись с углом, бросил короткий взгляд назад — мордоворот держал меня на мушке, не доверял.

За углом обругали похлеще. Прямо из пролома в стеклянной стене, из пролома в смятом и сплющенном жалюзи, откуда вчера бежал выбитый из «мэрии» ОМОН, выскочили еще двое карателей, один пихнул меня в плечо. Другой, тот, что матерился и вопил, ткнул стволом сначала в толпу, потом в обратную сторону — мол, или туда вали или вообще убирайся отсюда.

В толпу мне не хотелось. И я быстрыми шагами пошел прочь, удивляясь гуманности стражей режима, могли бы и кости переломать, в тот день ни с кого никакого спроса не было, убивай — не хочу!

Почти бегом перебежал я от «мэрии» к домам на противоположной стороне улицы, миновал страшное, открытое, простреливаемое пространство. Прижался к стене, вздохнул с облегчением... но облегчение не пришло — перед глазами, горящим погибающим кораблем стоял Дом Советов. Но нет, хватит, я больше не мог смотреть туда, это было невыносимо — невыносимо от полнейшего бессилия чем-либо помочь убиваемым сейчас там, расстреливаемым, терзаемым, пытаемым, страждущим и захлебывающимся в собственной крови. Прочь! Как можно дальше отсюда! И я быстро пошел в сторону Арбата, мимо десятков военных машин, мимо сотен, тысяч вооруженных до зубов доблестных бойцов, мимо взводов, рот, батальонов, мимо закованных ратей. Солдатушки-бравы ребятушки стояли, выжидали со своими отцами-командирами. А спецназ вовсю орудовал вокруг близлежащих домов. Я в начале не понял, что происходит: эти мордовороты деловито сновали туда-сюда, ныряли в подъезды, шмыгали в подворотни... а потом принялись из пулеметов и автоматов палить по верхним этажам. Над их головами, меж очередей плыл гомонливо-суетливый говорок: «снайперы! снайперы! боевики! фашисты! снайперы! надо выбивать! надо выкуривать!» Все становилось ясным и вместе с тем еще более запутанным. Да, черт побери, снайперы были, но это были ребятки из спецслужб — наших, американских, израильских, профессиональные убийцы, выбиравшие жертвы и с одной и с другой стороны и методично отправлявшие их на тот свет, чтобы разжечь огонь злобы, ненависти, чтобы

подлить масла. Но этих проффи нашим тупым ОМОНом не возьмешь, их и след давно простыл, они уже давненько под крышей американского посольства, не иначе. А это другие! Не снайперы! У меня сердце будто льдом сковало от ужаса. Я представил самого себя там, на верхних этажах, на чердаках, затравленного, расстреливаемого, без всякой надежды, обреченного на смерть от пуль и прикладов карателей. Да, еще вчера после освобождения «мэрии» кое-кого из оборонявших Дом Советов послали в соседствующие, в основном высотные здания, до самого Калининского с его дурацким синим глобусом, под которым толкал речи Аксючиц. И никакие они не снайперы! По двое, по трое их поставили по верхам — «контролировать обстановку» на дальних подступах к осажденной «белодомовской крепости». Поставили — да и бросили! И вот теперь на них шла охота. Трудно даже вообразить себе: под чердачной крышей двое — затравленных, преданных, измученных долгой обороной, а внизу — орды возбужденных, свирепых охотников с горящими глазами, с дрожащими руками и сотнями автоматов, пулеметов, десятками гранат. Меня снова отпихнули от дома, пообещали пристрелить как собаку, если сунусь. И вот тогда я впервые услышал выстрелы сверху — осажденные в этих брошенных домах отбивались, они не хотели умирать безропотными жертвами. Но что такое один-два выстрела сверху. И ураганный, бешенный огонь снизу! Было предельно ясно, что ни один из загнанных, затравленных не уйдет живым — все было перекрыто, все пути отрезаны. Позже я удивлялся, почему никто не пишет об этом, почему не показывают по «вражьему ящику»! Ведь бойня шла не только в Доме Советов, но и по всем близлежащим домам. Я почти бегом бежал от одного к другому — везде творилось то же самое. Калининский, этот Новый Арбат, был перекрыт, никого туда не пускали, загоняли во дворы, на старый Арбат. Но я пробрался, перебежками, бросками. Спецназовцам было не до меня, и только жирный пожилой милиционер в короткополой серой шинели чуть не огрел дубиной, еле отскочил.

На Новом Арбате стояла пальба, хоть уши закладывай. Ни троллейбусов, ни гражданских машин, ни пешеходов... но зато десятки спецавтобусов, грузовичков спецназовских, береты — черные, синие, красные, зеленые, фуражки, каски. И пальба — бесконечная и гулкая. В сторону Арбатской

станции метро все затихало, успокаивалось. Но в сторону Дома Советов, в районе того самого пресловутого, мерзкого глобуса и по другую сторону проспекта — стоял сущий ад. Красавцы-небоскребы из арбатской «вставной челюсти» по верхам были разбиты и обожжены, верхние этажи казались сплошным черным решетом.

— Прячься, убьют! — закричал на меня другой милиционер, помоложе. Он сам скрывался за бетонным столбом у входа.

— Не убьют, — процедил я. Там наверху не законченные идиоты. Это у карателей боезарядов — пали не хочу, а у них каждая пуля на счету, они в штатского палить не станут, они будут отбиваться только от тех, кто на них прет с пулеметами. И я стоял в полный рост. Спецназ и милиционеры, видно, не могли понять, что я для осажденных не враг. А враг для них — они! И снова: сверху — один, два, три выстрела. И снова — снизу в ответ сумасшедшая пальба. Так могло продолжаться до бесконечности. Но выхода у загнанных и брошенных все равно не было. Даже если они надежно укрыты за бетоном, последняя пуля в обойме — их смерть. Лучше ее пустить себе в голову, не ждать убийц-карателей. Но я не имел права решать за героев-смельчаков. Они сами решат. Это их последний выбор.

Я все же ушел за столбы. Присел на парапет. Ноги не слушались. И сердце билось с перебоями. Надо ехать к больной матери, надо ехать домой, здесь все ясно. Боль, ужас, трагедия, черная жуткая тоска... но здесь все уже решено. И ничего уже не будет. Ни свободной, независимой России. Ни Русского Народа. Ни возрождения. Все раздавлено. Все растоптано, выжжено, расстреляно — на долгие годы вперед. Иго! Проклятое чужеземное иго! Пустынный, безлюдный Калининский, пальба, смерть, пыль и осколки. Так все и кончается — пустыней и смертью. А ведь еще вчера, позавчера, неделю назад именно здесь сновали туда-сюда толпы с застывшими глазами. Сейчас — только одиночки, прорвавшиеся сквозь оцепления. На них и дубинами уже не машут, заняты делом, охотой.

Я знал, что те, кто послал смертников на чердаки небоскребов арбатских, сидят за многометровыми стенами, окруженные охраной, сидят и упрашивают иноземные посольства забрать их, дать убежище. Знал, что «Альфа» их возьмет под защиту, прикроет. Да, они очень хорошо и мудро заботи-

лись о своей безопасности, о своих жизнях — позже это подтвердилось, я не ошибся: ни один из них не пострадал, все живы-здоровы, отделались, как говорится, легким испугом. А те, кто поверил им? А те, кто отдал им свои жизни?! Я видел как их выбивают смертным градом, беспощадно, не давая высунуться с белым флагом, с белой тряпкой, их просто истребляют. И снова, сидел я на парапете измученный, больной, подавленный... а будто стоял на том черном мосту, под черными адскими тучами. И предадут они вас, поверивших им! Что же это за проклятье, когда сбывается то, отчего отбиваешься двумя руками, открещиваешься, во что и верить не хочется? Что за проклятье! Да, я знал, что предадут! Но верить не хотел, не мог. Я и теперь не верил еще до конца, что столь черное, страшное предательство свершилось. Тысячи людей пришли, бросили все — семьи, работу, перечеркнули будущее, поверили и пришли защищать Руцкого, Хасбулатова, депутатов, Россию, «молодую демократию»... И убивали теперь именно их. И злая, недобрая мысль пронзила мозг: нельзя давать предателям выход, нельзя! Это они клялись перед всеми, что не выйдут живыми из Дома Советов, это им поверили. И я знал, что не все в Черном Доме сдадутся, что останутся там непокоренные, выбравшие смерть, что уйдут на верхние этажи. Но чтобы свершилась справедливость, чтобы не иссякла в выживших вера в правду и добро, им надо было забрать с собой всю верхушку «белодомовскую»: Руцкого, Хасбулатова, Ачалова, Макашова, тех депутатов, что звали их в бой, на баррикады, под пули... все ядро «белодомовских сидельцев», обрекших на погибель тысячи людей, но вышедших сухими из воды. Нет, нельзя было выдавать их «Альфе». Они, те, в кого поверили, те, из-за кого гибли сейчас сотни и тысячи, должны были умереть с ними вместе. А если... если у них и на это не хватило бы духа, их надо было расстрелять там же, до сдачи, до прихода «Альфы» и бейтаровцев. Предателям не должно быть пощады! Слаб духом — не зови за собой людей! Не толкай их на смерть! А толкаешь — отвечай! Вот такие злые, недобрые мысли бередили меня, и не мог я от них отвязаться, не мог их прогнать. Успокаивал себя, что не прав, что нельзя обезглавливать оппозицию, нельзя уничтожать ядро сопротивления иноземному владычеству, хоть и гнилое, паршивое, переметное, но хоть такое, ведь иного нет! Что же за проклятье, знать все заранее! Да, я еще тогда, на мосту, и позже, знал, что

баркашовцы, приднестровцы, русские ополченцы с честью выйдут из боев и осады, не посрамят званья Русских, умножат ряды Русских Национальных Героев. Знал я и тех, кто предаст. И свершилось! Проклятье! Но рано, рано горевать... пройдет время, выйдут они, и отсидят свое, и вновь поднимут люд подневольный, порабощенный... надо смотреть в будущее, это еще не поражение всеобщее, это только малый проигрыш. Малый?! От пальбы уши закладывало. Шла лютая, бесчеловечная охота. А я вспоминал, как щадили, жалели во время Прорыва и освобождения Дома Советов и «мэрии» милицию и омоновцев, как их отряхивали от пыли и грязи, как вытирали платочками кровь с их лиц вместе со слезами, как успокаивали, утешали... как же добр и всепрощающ Народ! И как свиреп и жесток каратель, как беспощадно колониальное иго! Лютая охота! Смертная охота, где все предрешено заранее! Нет, это не малый проигрыш, это орда пришла на Русь. И орда не уйдет сама, ей нравится убивать русских, владеть ими и их землей. И как смотреть в будущее... как смотреть тем, кого предали, кого предавали многократно?! Ну, выйдут они из тюрем, ну поднимут народ... и снова предадут. И нет им замены! Нет на Руси ни Минина, ни Пожарского, чтобы отстоять святую землю от ворога поганого!

Проклятая Третья Мировая война! Ты завершилась в августе девяносто первого. Ты разрушила, уничтожила мою Родину, расчленила ее, погубила! Ты убиваешь моих соплеменников... И никто почти не знает, что ты была! Все еще в мареве, в одури, в нелепом туманном сне, в брехливой болтовне о «новом мышлении», о «демократии», об «европейском доме», о том, что «нам некого бояться и нет у нас врагов, а одни кругом только друзья и спонсоры-благодетели». Ложь! Ложь и еще раз ложь — гнусная, подлая, страшная тем, что в нее верят. Простота хуже воровства — какая мудрая русская пословица. Нас безжалостно разгромили, поставили нас на колени, разграбили нас, унизили, оплевали и нам же внушили, что мы одарены и облагодетельствованы демократией и мировым сообществом. И поверили мы, и гнем спины, и каемся, и кланяемся новым господам. Незримые войны! В последней четверти XX-го века родился новый тип глобальных мировых войн — войн без прямой агрессии, без пушек и бомб, без танков (их теперь используют не для решения международных споров, а лишь для подавления недовольст-

ва внутри побежденных стран). Новый тип войн — когда главное орудие это сплав иноземных спецслужб и внутренних пятых колон, выходящих в институты управления, во власть. И вот она свершилась! Не «холодная» никакая, это все бред, это все басни для дебилов. Свершилась Третья Мировая война! И закончилась полным нашим разгромом. Только в этом чистая правда, голый факт. Все остальное — от лукавого, от задуривания простолюдья. Испокон века мировые войны шли за передел мира, за господство на мировых рынках и за владение сырьевыми залежами. Отсчет от 1989 года и до августа 1991-го. Подготовка велась задолго до этого, но сама Третья Мировая свершилась именно в эти годы чудовищного, непостижимого предательства национальных интересов России. И итоги ее соответствовали итогам любой из мировых войн: мир был переделен, Россию вышибли ото всюду — из Европы, из Азии, из Африки, с Кубы и из Латинской Америки, из Мирового океана, ее вышибли даже со своих окраинных земель, лишили выходов в Черное, Балтийское моря. Ее поделили и расчленили на ряд «суверенных» колоний, полностью зависимых от воли победителей в Третьей Мировой (осуществили планы Гитлера). Как побежденную страну ее заставили уничтожить свой оборонный комплекс, военную и космическую промышленность, разрушить производство и сельское хозяйство — такое всегда вытворяли с проигравшими мировые войны. Ее сырье, как и большинство ее сырьевых территорий уже практически не принадлежат ей. Страны-победители выкачивают ее нефть, газ, золото, алмазы, пушнину, рыбу, лес... и все прочее. Вопрос о внешних долгах России и выплате процентов — это замаскированный вопрос о выплате победителям репараций и контрибуций... После окончания Третьей Мировой России как независимого государства не существует. Ее ценности, художественные и ювелирные, уплывают в мировое сообщество — идет возврат, якобы, вывезенного самой Россией после Второй Мировой — но фактически идет грабеж, наглый, бесцеремонный, подлый грабеж побежденной страны... Да, Третья Мировая свершилась. Установлена колониальная власть. Как когда-то нами была установлена после нашей победы власть в Восточной Германии, в Венгрии, Польше и прочих странах — вроде бы выборная, «от народа», но фактически власть, поставленная нами, а потому колониальная. Мы тешим себя, что сами голосовали, сами выбирали... Но немцы и венгры много лет назад тоже «сами голосовали»... голосовали за тех, кого им подсунули. Колониальное иго! Те, кто поверил «белодомовским сидельцам», кто пришел по их зову, в отличие от миллионов охмуренных и оболваненных, все знали об иноземном иге. И они пришли — пришли защищать свою землю, свою Родину. И Народ, прорвавший все заслоны, восставший 2 октября, поднявшийся с колен 3 октября — совершивший Героический Прорыв к Дому Советов, освободивший его, тоже знал это. И что теперь? Восстание против поработителей подавлено. Подавлено полностью, на годы вперед уничтожены все ростки сопротивления. Добивают последних. Лютая, дикая охота! Трагедия всенародная!

Нет, нельзя было выпускать предавших из Черного Дома. Нельзя! Они из одной команды с колониальной администрацией, они потрутся, потрутся друг о дружку... и притрутся в конце концов, без должностей и мест, без кормушек не останутся. А тысячи поверивших уже погибли. И еще погибнут.

Я дважды прошел Калининским почти до Арбатской и обратно. Я рвался домой из этого кромешного ада. Но он не выпускал меня — вновь и вновь ноги на подходе к метро столбенели, не могли идти дальше, и меня несло назад — под пули, в грохот и пыль. Это был какой-то заколдованный круг.

А между тем Новый Арбат все заполнялся и заполнялся: уже маячили тут и там какие-то новые спецназовцы, в новых формах, невиданных прежде — стояли, пыжились, кичились — без брони, но все в сверкающих нашивках. Подгоняли автобус за автобусом, и лезли из них засидевшиеся бойцы режима, понавезенные со всей России, ибо местных, московских и областных уже давно не хватало. И трагедия на глазах моих превращалась в жуткий фарс, в исполинский театр абсурда. И пропали куда-то милицейские оцепления, Новый Арбат начал заполняться толпами, огромными толпами москвичей. И снова толпы сновали взад-вперед: одни шли от Черного пылающего Дома, другие, новенькие свеженькие, торопились им на смену. И не было видно застывших тупых глаз, напротив, глаза горели неземным огнем и похотью. Это была вакханалия демократии, апофеоз свободы нового мирового порядка. Столько воплей, визгов, пьянодураковатых выкриков, свиста, хохота я никогда не слыхал — будто с какого-то вселенского рок-шабаша собрали

тысячи одурманенных, экзальтированных дикарей, визжащих и трясущихся, вопящих в такт шаманским барабанам.

И вот именно тогда, когда начало смеркаться, когда шабаш нечистой силы на пыльном и гремящем проспекте достиг невыносимости, издали раздался мерный грохот траков, гул натужных, надорванных двигателей — и на Калининский начали вползать боевые машины пехоты Таманской гвардейской дивизии. Гвардейцы сотрясали Москву мощью миллионов своих скрытых под броней лошадиных сил, аж воздух дрожал и тряслись пугливо длинные, тонкие фонарные столбы. Сотни огромных стволов торчали из башен. Сотни голов в пыльных черных шлемофонах торчали из люков. Герои-таманцы, вооруженные до зубов и выше своим российским народом, ехали добивать русских мальчишек и девчонок, стариков-ветеранов, братков-солдатиков, защищавших Россию еще в фашистской Прибалтике, еще в Приднестровье, ехали косить из пулеметов матерей-старух с красными флажками и иконками в руках. Колониальная армия, предавшая отцов и дедов. Каратели! Уже позже, через много недель и месяцев я читал в газетах письма старых, настоящих гвардейцев-таманцев, гвардейцев-кантемировцев, тех самых, что били фашистскую гадину, защищая и освобождая свой народ. Они с болью и отчаянием писали одно: выродки! полицаи! каратели! после всего содеянного, после того, как эти дивизии превратились в палачей собственного народа, они не имеют никакого права носить звания гвардейских, таманских, кантемировских — они должны быть расформированы, разогнаны с позором, а их командиры должны быть отданы под трибунал. Так писали те, кто имел на это право! И я согласен с ними: больше нет таманцев-гвардейцев! больше нет кантемировцев-гвардейцев! Такие преступления, такой позор невозможно ничем смыть! Вся армия покрыла себя чудовищным, несмываемым позором: и та часть ее, что подавляла Народное восстание в Москве, и та, что трусливо отсиживалась за своими гарнизонными заборами. Позор! И проклятье! Я сбился со счету, подсчитывая боевые машины — они все шли и шли нескончаемой грязно-зеленой колонной.

И ликовали детишки перестройки, новоявленные дети Арбата — забрасывали карателей цветами, орали, вопили.

— Спасители! Ур-р-раaa!!! — орал рядом со мной длинный парень в светлом плаще до пят. Потом отцепился от

своей столь же длинной и тощей девицы, вытянул из кармана бутыль и бросился к ближайшему броневику, сунул бутыль в люк.

— Урра-а-а!!!

Визги восторга перекрывали адский лязг траков. И лезли новые, и совали бутылки и цветы, пьяно шатались, чудом выскальзывая из-под накатывающих гусениц. Вакханалия демократии. Лицемерие и подлость. Никогда не было в Москве столько брони, снарядов, стволов, гранат, пуль! Никогда не было в ней такой концентрации неумолимой, спрессованной смерти! Тысячи броневиков, танков, танкеток, десятки тысяч пулеметов, автоматов, гранатометов, пистолетов. Миллионы снарядов, патронов, пуль — тонны взрывчатки! тонны свинца! И против кого? Против избранных народом — пусть и наипаршивейших, одобривших в 91-ом демократию и развал России — но все же безоружных, перепуганных депутатов, против женщин, которых в Черном полыхающем факелом в ночи Доме было большинство, против нескольких десятков охранников?! Демократия всегда безумна в своей злобе и ненависти! Столь же безумна она была и когда десятки тысяч закованных в броню американских мордоворотов-головорезов, под прикрытием сверхмощных авианосцев, эскадрилий, танковых дивизий врывались на беззащитный островок Гренаду, вторгались в Панаму, убивали и травили газами, ядовитыми веществами несчастных измученных вьетнамцев на их же земле, засыпали тысячами смертоносных ракет и бомб мирные иракские городки и села... Звериная, чудовищная, беспощадная в своей безнаказанности морда демократии!

Сердце мое было сжато свинцовыми тисками. Я брел как в тумане, отрешенно наблюдая это сверхциничное, похабнейшее видение. И все же я вернулся к концу Нового Арбата, не опоздал — и я видел, я слышал, как уже в вечернем мраке, прямо с ходу эти гвардейцы-герои открыли такой бешеный, такой ураганный огонь по верхним этажам новоарбатских небоскребов из своих орудий и пулеметов, что все прежнее показалось мне шелестом листвы. Это была сущая преисподняя. Видно, ребятушки-гвардейцы по дороге времени зря не теряли, бутылочки pooткрывали, взбодрились... да плюс приказы да обещанья отцов-командиров — короче, каратели взялись за дело круто. Кто не был рядом с десятком боевых машин, одновременно ведущих огонь по цели в самом цен-

тре города, тот никогда, ни по какому фильму, ни по какому рассказу не представит себе подобного зрелища, такого ада. Больше двадцати лет назад я сам раскатывал по Венгрии на таких броневиках, сам сидел под башенкой, сам высовывал голову из люка, а чаще и торчал во время марша на броне, поверху. И каких только стрельб не было, и каких лихих учений... и позже, на огромнейших маневрах уже в самой России понавидался-понаслыхался, понатерпелся на собственной шкуре. Но такого и я не видывал. И представить себе не мог — безумный бой, точнее, истребление, сатанинское извержение посреди моей Москвы. Даже ночь перестала быть ночью, вечер вечером — и превратилось все вокруг в кроваво-багровую преисподнюю. Палачи!

Но больше этого безумного действа повергало в ужас иное. Стоило дьявольской канонаде стихать на минуту, секунду, миг — и воздух сотрясали нечеловеческие вопли:

— Урр-рраа!!!

— Бей, гадов!

— Пали!

— Давай!

— Убейте их всех! Все-ех!!!

— Не жалей! Бей! Давай!!!

Я уже не понимал, где я нахожусь — в центре Москвы, в России, среди своего, русского народа или во вражьем логове, в волчьей стае, чужой, злобной, подлой. Сколько мерзостей наговорили про робких и малодушных гэкачепистов-неудачников, каких из них монстров вылепили — но я хорошо помню тот август, ведь и тогда я был на улицах, я был на Калининском, на Тверской, где стояли бронетранспортеры, был у «белого дома», с омерзением сторонясь пьяных как и ныне, визгливо-суетных защитничков демократии. Гадко было тогда на душе, в те августовские дни завершения Третьей Мировой, когда так же как и ныне центры управления «русскими революциями» (или как выразился в своих мемуарах нынешний президент «российско-американская революция», уж он-то знал, что говорит!) были под крышами американского и прочих посольств. Но тогда не было ни одного выстрела, тогда броня БТРов была размалевана губной помадой и пьяненькие девицы, кутающиеся в длиннополые солдатские шинели, сосали пивко прямо на броне, под стволами, свесив ножки в люки... Теперь демократия вырезала свинцом инакомыслящих, не жалела снарядов и пуль!

Нет, я не мог там оставаться больше. Я резко развернулся, сдерживая накатывающие горькие слезы. Там убивали затравленных, обложенных со всех сторон героев России, подлинно Русских людей, вставших на защиту Отечества... а я ничем не мог им помочь. Это было невыносимо.

И я быстро пошел назад, уже в который раз, расталкивая вопящую восторженную толпу, что стремилась к месту бойни, распихивая алчущих крови и зрелищ.

Не помню, как я добрался до дому — в самом мрачном, подавленном состоянии. Мать сидела в кресле — отекшая, белее мела. Надо было брать трубку и набирать «03». И я уже стал это делать. Но она закричала:

— Нет! Я завтра к врачу сама пойду, кардиограмму снимать! Она же сказала...

— Она сказала... — начал я зло, но осекся. Больные цепляются за врачей-палачей, им больше уцепиться не за что, это их надежда — и нельзя ее отнимать.

Я долго возился с матерью, выспрашивал, щупал пульс — он не превышал тридцати ударов в минуту — искал какие-то таблетки. Меня ругали за бездушие и черствость. И до того было погано и муторно на душе, что хоть в петлю лезь. Но нет, рано еще! Я провалился в черную пропасть кошмарных, тяжких снов. И пребывал в ней до самого утра.

И это утро явилось солнечным и чистым, хотя Бог и отвернулся от России и русских. Теперь Он озарял небесным светом других. Голова гудела, ноги болели, ныли позавчерашние ушибы и ссадины. Но меня тянуло туда, к братской могиле Черного Дома. И я не мог бросить мать. А она собиралась в поликлинику, «на кардиограмму», вставала, шла на кухню, пила воду... и вновь садилась на диван, замирала — бледная, дрожащая, немощная.

— Какая еще поликлиника! — отговаривал я ее. — Ни в коем случае, я вызову на дом, все сделают тут... и никуда не заберут, не бойся!

Но она не верила, она больше всего не хотела, чтобы ее увезли из дома, лучше умереть, но в родных стенах! Это меня добивало, я сам весь дрожал, задыхался, обливался холодным потом.

Но вот она собралась с духом и силами, встала... и вдруг опрокинулась назад, на спинку дивана, захрипела, закатила глаза. И я бросился к ней. Мне показалось, что это все — еще минута, и ее больше никогда не будет. В тот миг меня обдало

огнем, накатило, ударило — да какое я имел право болтаться где-то?! это же преступление против нее, против моей матери, давшей мне жизнь! плевать мне на все, плевать! надо срочно!! надо немедленно!!! Я заставил ее проглотить шарик нитроглицерина, дал воды, прислонил к спинке дивана... и бросился к телефону.

Скорая приехала на удивление быстро. Но не врачи, фельдшерицы — сделали укол. Они все поняли. Они сами вызвали врачей. И те не заставили себя ждать. Нет, зря я злился на «гангстеров в белых халатах», не все из них озверились на своей работе, не все превратились в зомби, оставались и добрые люди. Именно такие и приехали. Полноватый мужчина лет сорока пяти, с бородкой на русском добром лице сразу сказал:

— Собирайтесь! Быстрее! Нужна операция!

Какие там сборы. Я был готов. На мать накинул халат. Она ничего не видела, не слышала, будто в полусне пребывала — ни жива ни мертва. Уже по дороге врач разъяснил мне, что без стимулятора она может умереть в любую минуту, что надо немедленно вживлять аппарат.

— Как же так, — пробовал возразить я, — ведь она в своей поликлинике обследовалась, во второй, военной, хорошая поликлиника и специалисты там хорошие, да и участковый сказала: ничего, сама придет кардиограмму делать, все наладится...

— Вы этих хороших гоните на... — мягко и доброжелательно ответил мне доктор, не дослушав до конца, — и на порог не пускайте. И успокойтесь, теперь все нормально будет, там, в 4-ой Градской все сделают лучшим образом, не она первая.

— Может, в Бурденко? — посоветовал я. — Она там лежала, щитовидку резали.

— Нет, — отрезал он. — Нельзя рисковать, в 4-ой все отлажено, четко. Только туда!

Его диагноз подтвердили сразу. Есть все же хорошие люди и среди врачей, зря я костерил всех, зря. Из приемной — в отделение, на четвертый этаж, подготовка к операции. Я не мог уйти, не мог бросить... правда, на формальности ушло еще около часа, но все разрешилось, я не имел права медлить. Моложавый хирург заверил:

— Мы в день две-три таких операции делаем, не волнуйтесь, через пятьдесят минут все будет в норме. Вы можете подождать.

Конечно, я остался ждать. Я бродил под окнами, топтал желтую палую листву и сам сосал валидол. Сколько сразу свалилось на мою голову за эти короткие дни. Нервы не выдерживали. Но я не давал им воли. А как светило солнце, как золотило все вокруг! Мне надоело бродить, и я уселся на лавочке у входа совсем в другое отделение. Туда почему-то все время вели и тащили каких-то изуродованных людей в кровоточащих бинтах и повязках, я ничего не понимал. Потом вышла женщина с подростком — у него были обвязаны голова и нога.

— Садись! — рявкнула она на сына. И ткнула в плечо — тот прямо рухнул на лавочку рядом со мной. — Отдышись!

Парень и впрямь был загнанный, бледный, тяжело дышал.

Я ничего не спросил. Но женщина сама пояснила:

— Три осколка вытащили из башки. И ногу вправили! — Она дала парню по шее, не сильно, но хлестко. — Вот дурак, полез в эту мясорубку, поглядеть захотелось! Я те вот дам еще дома!

— Сегодня, что ли? — переспросил я бестолково.

— По ушам дам сегодня! — улыбнулась она. — А зацепило его еще вчера, боялся идти. Видали, сколько понатащили сюда?

Я кивнул головой, я только сейчас понял, что все покалеченные и забинтованные — ОТТУДА! Черный Дом преследовал меня и здесь.

— Мне пора, — извинился я. И встал.

Операция затягивалась. Она закончилась на час позже. И переволновался я изрядно.

Но вот наконец прикатили кровать. Мать лежала и улыбалась. Она уже не была бледной, она ожила. Это было чудом. Я чуть не закричал от радости. Подошел к доктору:

— Ну как?

— Все в порядке! Все нормально. Да вы не волнуйтесь, поезжайте домой.

Нет уж, я должен был убедиться, что ей и на самом деле лучше, что опасность миновала. Больше двадцати минут мне не дали просидеть у кровати. Но я видел — она именно ожила, она вернулась с того света.

— Ну вот, а ты не хотела, а ты боялась, все упрашивала, чтоб без операций! — шептал я.

А она говорила:

— Я почти ничего не помню: как привезли, как ехали, что было в приемном покое... только в операционной просветление пришло. Но почему так долго? Почему, ведь все говорят, что такие операции очень быстро делают, и доктор говорил?

Я еще не знал, что через три дня у нее случится инфаркт — со стимулятором, что она еле выживет, натерпится такого, что и не описать, не знал. Но я видел, что сейчас она не умерла, не погибла — и одно это уже было главным, самым важным.

— Иди! Тут нельзя долго!

Я поцеловал ее. Сказал, чтобы спала, отдыхала. И ушел. Теперь я знал, почему светило так ярко солнце, золотило листву и весь мир. Нет, Бог не отказался он нас, Он был с нами, как и всегда. И было много смертей за эти дни, тысячи. Но одна жизнь сохранилась, жизнь моей мамы. Нет, Он не наказал нас, а лишь послал за черствость, бездушие, за все мое нехорошее — испытание. И дал его вынести. И мне. И ей. С нами Бог — так всегда я верил. Так было высечено на гербе России — том, подлинном гербе. И Он никогда не оставлял нас. А значит, все наладится, надо только перетерпеть, надо быть мужественным и твердым. Надо делать свое дело.

И надо теперь, когда черная пустота отступила, ехать туда — к месту жесточайшей трагедии XX века, к огромной братской могиле, к Черному Дому. Только туда!

И опять незримая сила тянула меня идти через Новый Арбат, будто заколдованная дорога, будто иной нет! И я шел пешком, хотя троллейбусы ходили, легковушки шныряли... и опять шли и туда и сюда толпы — огромные, равнодушные, жующие толпы с пустыми нерусскими глазами — никакой тебе демократической истерии, никакой вакханалии. Абсолютное равнодушие. Никто даже вверх голов не задирал, не смотрел на обгоревшие, изрешеченные этажи небоскребов. Никому ничего не было нужно. Вот так и погибают великие империи, так уходят в ничто великие цивилизации — когда огромному большинству проживающих в них, составляющих их становится ничего не нужно кроме жратвы, питья, баб и развлечений. И превращаются великие нации в жующие толпы, которым все одно, кто правит ими — хоть немец, хоть штатник, хоть иудей. Достоевский предвидел это, он все описал еще сто с лишним лет назад, создав образ Смердякова. И вот она — массовая, тотальная смердяковщина! Зомбированные жующие трупы! Да, мне казалось в те часы, что Москва превратилась в город ходячих мертвецов, что все живое истреблено, выжжено, расстреляно.

Но я ошибался. Я ожидал увидеть у стен Черного Дома примерно тех же дебилов, что видел вчера. Нет! «Молодым демократам», видно, надоело все это «шоу», и их там не было — никого не убивают, не льются реки крови — скушно им, вот и ушли! А стояли совсем другие люди. Стояли оттесненные от Черного Дома загородками, кольцом усталых и грязных пулеметчиков, навоевавшихся вдоволь за вчерашний вечер и сегодняшнюю ночь. Стояли группками, кучками, говорили, обсуждали что-то.

А Дом и впрямь был Черный, страшный, обгоревший. Он казался нереальным посреди живущего обычной жизнью города. Широченная оплавленная почерневшая свеча. А рядом обгоревшая, зияющая пустыми провалами окон «мэрия», обломки, битое стекло. И оцепления. Еще вчера, хоть и под огнем, но можно было прорваться, пробежать к Дому Советов. А сегодня стояли несколько колец оцепления, бронетранспортеры, танки. Все было кончено. И людей не пускали ТУДА! Слишком много трупов, слишком много крови — многометровые штабеля, месиво кровавое... Ни одного корреспондента, ни одного «постороннего». Никто не знает теперь, сколько дней или недель «похоронные команды» вывозили тайком останки тысяч расстрелянных, сожженных заживо. Ведь убивали не только во время штурма, но и потом — массовые расстрелы на стадионе, в подвалах, в переулках и тупиках, на лестничных клетках. Озверевшие каратели мстили за свою трусость, отводили душу. Но не о них речь, с ними время разберется.

А сейчас стояли кучки — человек по тридцать, по пятьдесят. Я ходил от одной к другой, прислушивался. И удивлялся — нет, не выбили еще всех Русских, не передушили, не пережгли. Везде со страшной силой, не боясь ни охранников, ни шпиков, ругали колониальный режим, поливали отборным матом убийц-карателей, «гвардейцев», омоновцев, спецназовцев, американских инструкторов, руководивших подавлением восстания, бейтаровцев, министров, президента — всех причастных к кровавому злодеянию. Несли так, что волосы дыбом вставали — без оглядки, без сомнений, без страха. Нет, режиму не удалось запугать Народ. И навряд ли удастся. Правда, режиму было не до уличных

ругателей — режим праздновал, отмечал пышными застольями свою «победу». Ликовали все, сидящие на народной шее, ликовало антирусское телевидение, исходило злобно-победным шипом и восторженными визгами, ликовало радио, ликовала пресса демократическая, нерусская, составляющая ядро пятой колонны... ликовала вся антирусская, колониальная накипь. И притаился в глухом молчании Русский Народ, замер по городкам, селам, районам, выжидая — чего же будет. Но не молчали собравшиеся здесь, у Черного Дома.

— Эй, глядите, — выкрикнул вдруг один, — хасиды!

— Празднуют! — недовольно прохрипел другой.

Я обернулся — вдоль оцепления ехали три зеленых армейских грузовика с открытыми кузовами. В первом и впрямь сидели бородатые личности в черных костюмах и черных шляпах, махали какими-то ветками, хохотали торжествующе, глядели свысока, презрительно — их власть в России.

— Да не хасиды это, а бейтаровцы! — выкрикнул третий. — Вон они, победители!

В двух других грузовиках сидели молодчики в камуфляже. Но тоже с какими-то ритуальными ветками. Молодчики были пьяны и веселы — они плевали с грузовика вниз, ржали, приплясывали, хлопали в ладоши, пытались исполнять какие-то ритуальные танцы, но валились и снова ржали, махали ветвями. Будто по палестинскому гетто ехали израильские каратели-победители.

— Ну и наглая сволочь, — прошипел кто-то за моей спиной.

— Опять все повторяется, — добавил другой, — как в семнадцатом!

— Какой там семнадцатый! — оборвал его еще один, — в девяносто первом, в августе они уже праздновали в Кремле свою победу, веселились! Вот и теперь...

Да, победа была на их стороне. Чтобы не говорили эти русские люди, как бы ни восставала их душа против поработителей, но проклятое иго нависло над Россией. И надо было набираться терпения. Надо было покрепче сжать зубы. И ждать. Ведь Бог был с нами. Пусть они веселятся и торжествуют — первый день их торжества это еще и первый день начала их поражения. Бог всегда будет с нами. И недаром светило ярое осеннее солнце, золотя все вокруг, не давая впасть в уныние, наитягчайший для православного грех, не

давая отчаяться. С нами Бог! И рано или поздно справедливость восторжествует. Россия разорвет оковы и встанет с колен. А у этих веселящихся «победителей» впереди лишь одно — преисподняя. Ибо хозяин их дьявол, а сами они слуги дьявола.

Итоги Кровавого Октября

Итак, Народно-освободительное Октябрьское восстание в Москве было подавлено — причем, самым жесточайшим образом, погибли тысячи людей, парламент разогнан, советы разогнаны, «белодомовская» верхушка посажена в Лефортово, часть защитников расстреляна на месте, часть разбежалась, часть так и пропала безвести в застенках и лагерях, никто не ведает о судьбе несчастных.

Полное поражение? Провал! Трагедия?!

Но так ли это на самом деле. Вспомните, что было до Кровавого октября, все годы тирании демократии: национальные интересы — ничто! интересы «мирового сообщества» — все! патриотизм — «последнее прибежище негодяев»! Держава шла на распыл, подстегиваемая спецслужбами и ретивой «пятой колонной», безумная конверсия выдавала планы режима оставить страну без обороны, разгромить ее под понукания из Белого Дома полностью. Все разрушалось, изничтожалось, опошлялось, все национальное, русское подвергалось осмеянию, презрению, вытравлению из сознания людей — то есть проводилась чистой воды оккупационно-колониальная политика захватчиков-врагов, поработивших чужую (мало того, ненавистную им!) страну.

Что мы видим сейчас. Функционеры режима состязаются друг с другом в патриотизме и блюдении национальных интересов, восстанавливают храмы и исторические достопримечательности, по-тихому сворачивают преступную конверсию, поговаривают о национальной безопасности и интересах Державы. Еще не всегда на деле, но уже очень часто на словах они выражают интересы тех, кого беспощадно убивали как «фашистов» и «шовинистов», они даже разговаривать стали языком «фашистов», использовать их лозунги! Дошло до того, что Ельцин посещает выставку Глазунова и позирует под картиной, на которой воспевается подвиг героев баркашевцев. Конечно, мало кто из здравомыслящих

русских людей верит, что демократы все осознали и стали вдруг патриотами, нет, это их звериное чутье подсказало им — или вы будете любить хотя бы для виду Россию или вам в ней не править и не жить!

Маятник Истории, слишком долго зависавший в чудовищной левацкой позиции разрушителей-перестройщиков, медленно и необратимо пошел вправо. Он раздробит головы тех, кто пытается не только притормозить его движение, но просто встать на пути. И это уже победа! Еще не полная, до полной Победы далеко! Но так устроен непостижимый нам Мир. Физическая, видимая победа тирании иноземщины — это победа сатанинская, победа мнимая, ибо свершена дьявольским образом в страхе, безверии, подлости. А подлинная победа — это Победа Духа тех, что погибли, что шли под Знаменами Небесного Воинства. И Само Провидение Божие доказало всеми послеоктябрьскими событиями, что победителями стали сильные духом — Русские! Против них было все на этом свете: все спецслужбы, армии, полиции и милиции, власти, все «мировое сообщество», казалось бы, их должны были просто стереть с лица земли и из памяти. Но победили они, ибо с ними был Бог. И потому воплощаются их заветы — не до конца, не в полном объеме, но уже началось.

Победили павшие за Россию!

Вечная слава Русским Героям!

Послесловие.

13 ноября с. г. я вновь побывал у стен Дома Советов — на этот раз на панихиде по убиенным героям Октября. По православному русскому обычаю отмечались сороковины — сорок дней со дня кровавой бойни, со дня смерти несчастных. На панихиде присутствовало до пятидесяти тысяч россиян. Было очень много цветов, венков, тысяч горящих свечей. Но еще больше было слез, скорби. Тысячи людей стояли у испещренных пулями стен стадиона — там расстреливали защитников Белого Дома. Иконы, свечи, слезы, тихие голоса. Никаких провокаций и выпадов, так желаемых и ожидаемых кем-то. Тысячи людей вели себя сдержанно и чинно, не давая повода вооруженному оцеплению наброситься, растерзать, расстрелять, повторить трагедию.

Только слезы, только свечи и цветы. И еще надписи на бетонном заборе, огораживающем стадион смерти: «Армия, кровавая сука, погляди на дело рук своих», «Вечная память павшим героям», «Смерть за смерть, кровь за кровь», «Павшим за Родину слава!!!», «Кровавую банду... под суд!», «Их кровь зовет и просит мщенья», на памятнике — «Мы отомстим!». Речей о мщении никто не вел, поминали убиенных. Ни слова про убийц!

Сразу наплывают страшные мысли — ведь и на самом деле цепочка смертей может быть длинной и долгой. Возьмем один пример — те самые офицеры-добровольцы, что расстреливали из танков парламент, если разобраться по существу, получили из рук командования и властей не только по три тысячи долларов, московскую прописку и подполковничьи должности. Они получили кое-что более серьезное — они получили страх на всю жизнь, и они, и их семьи. В одной из газет я видел собственными глазами списки этих добровольцев — с полным указанием имен, фамилий, званий и т. д. Есть поименные списки. Есть те, кто убивал. И есть те, кто выскользнул из ада, кто собственными глазами видел, как рядом умирают в жутких мучениях друзья-товарищи, братки... Вот и представьте теперь этого добровольца, которому всю жизнь суждено ожидать возмездия, пули, ножа... да чего угодно. Ведь не приставят же власти к каждому добровольцу полк охраны с танками! Не хочу дальше развивать своей мысли, вы и без меня знаете народную мудрость: «Кто сеет ветер, пожнет бурю!» Никогда нельзя давать злу, насилию хода — они породят еще большее зло и насилие. И все же десятки россиян пришли на панихиду. Пришли, не убоявшись ни репрессий, ни преследований, ни возможного повтора кровавого октября. Вечером того же дня по ТВ нагнетали страсти, дескать, опять русские фашисты-шовинисты устроили сборище, куда власти глядят, пора хватать и сажать. Одним словом, демократы они всегда демократы, у них демократия — только для своих, для круга избранных. Но речь не о них. Кровавый октябрь принес и иные плоды — власти вдруг, ни с того, казалось бы, ни с сего, взяли на вооружение многие заветы и лозунги тех, кого расстреляли, и стали не на шутку поговаривать о патриотизме, о России, о возвращении былой славы и могущества, даже вернули нам наш единственный законный герб — Двуглавого орла с коронами, скипетром и державой. В Конституции нет зало-

женной бомбы «самоопределения». Поговаривают о сворачивании предательской, разрушающей страну конверсии, о прекращении закупок зерна, о восстановлении кремлевских святынь, о сбросе с башен дьявольских иудеосатанинских пятиконечных звезд и установлении там орлов, о выносе из «мавзолея» чучелотрупа величайшего преступника... Власти начинают делать то, о чем мечтали русские мальчуганы-«баркашевцы». Так за что же их всех расстреляли на лестнице и на стадионе, расстреляли уже взятых в плен, то есть не представляющих опасности?! Расстрелять, чтобы отобрать приоритет? Расстрелять, чтобы не было соперника «патриотичнее»?! Тысячи загадок породил Кровавый Октябрь 1993 года. Но есть и одна отгадка. Много лет назад, в страшном октябре семнадцатого, когда по разработанной схеме западных спецслужб в России произошел подлейший и гнуснейший октябрьский переворот, какая-то часть русских (очень маленькая, незначительная) совершила святотатство, чудовищнейший грех — поддержала палачей-интернационалистов, большевистскую антирусскую сволочь. Патриарх Тихон предал анафеме всю эту гадину большевизма. Но еще до его проклятий самим Господом за чудовищнейшее кощунство Россия была покрыта черным саваном. Предавшие Святую Русь повлекли гнев Божий на тех, кто не смог их остановить, удержать. Черное пятно легло на весь неповинный люд русский. И насколько бы пародоксально это не выглядело, именно кровь русских героев — защитников Дома Советов (не Руцкого, Хасбулатова, Ачалова и прочих демократов образца «август-91», а простых русских парней, веривших только в Россию и ее будущее), кровь этих великомучеников нашего времени, убиенных такими же как и они русскими парнями, смыла черное проклятье с России. Сейчас уже не висит над нами то страшное и гнетущее, что давило свыше семидесяти лет. Преступники несут личную ответственность. Но Россия, искупившая свой грех кровью своих сыновей, чиста перед Господом. И именно с этого времени она начнет подниматься. Как это будет, я не берусь предсказывать — может быть, очень тяжело, страшно, во многих испытаниях. Но главное, что уже не в пропасть, а вверх будет держать путь Она. И никакому «мировому сообществу», притворяющемуся лучшим другом России, но на деле являющемуся Ее злейшим врагом, уже не одолеть Святой Руси!

После тех кровавых событий и «победы» функционеры колониального режима впали в эйфорию — дескать, теперь их власть навека, они с усердием выполнили волю «мирового сообщества» и тайного всемирного синклита, подавили национальное сопротивление в России, добили недовольных в колонии, значит, теперь и им можно до скончания века почивать на лаврах.

Ан нет, получилось иначе. «Мировое сообщество» ожидало от нынешней администрации активного продолжения уничтожения как Русских, так и остатков неуничтоженной России. А те изленились, разнежились, начали о патриотизме и российском величии поговаривать, впав в гордыню и посчитав себя почти суверенными правителями.

И вот теперь мы видим, что пятая колонна начала ярый, активный натиск и на президента, и на премьер-министра, и на силовых министров. Миронова уже скинули — запросто, движением одной левой. Теперь подбираются к Грачеву, Черномырдину. Зачем? Может, и впрямь справедливости возжаждали наши борзописцы и телепропагандеры? Еще недавно они, поощряемые спецслужбами «мирового сообщества», вынесли наверх всех нынешних... и вдруг их же и понесли, понесли повсюду, не щадя и не жалеючи. В чем дело?!

Русофобская пятая колонна ненавидит Россию и русских патологически, до скрежета зубовного, ей невыносимо жить среди «этого народа». И в ее руках практически вся власть. Еще недавно, когда президент и его силовики полностью подчинялись спецслужбам «сообщества» и пятой колонне, они были хороши и угодны. Но именно за последний год, особенно последние полгода президент и его ближайшее окружение поняли, что продолжая разрушение всего созданного русскими и истребляя самих русских, они рубят сук, на котором сидят, что продолжая политику тотального геноцида и полной колонизации расчлененных русских земель, они из президентов и министров превратятся в скором времени в племенных вождишек и шаманов на крохотных пятачках разоренных, нищих резерваций. Иного пути для них «мировым сообществом» не предначертано. И взыграло ретивое. Решили вспомнить о национальных интересах, о России, о достоинстве российской Армии. Почему? А потому что упрочились малость, почуяли не одну лишь поддержку ЦРУ, НАТО, Пентагона и Моссада, а уже и свою собственную силу,

получили какую-никакую опору в войсках, в управленческих звеньях, в милицейско-полицейских структурах... и решили, попросту выражаясь, тянуть одеяло на себя, гнуть свою политику.

Какому хозяину понравится, когда подневольный сателлит начинает зубки показывать и из подчинения выходить. Вот и очередной визит президента нынешнего в Орду, в Вашингтон, за подтверждением «ханского ярлыка» сыграл против него: вроде бы опять по всем позициям сдал Россию и русских, наподписывал кабальных «договоров», а все ж и не утерпел, не сдержал гордыни — про «великую державу» обмолвился. Пентагону и Бнай-Бриту непокорные неугодны, там субординация жесткая. И потому по возврату президента и команды восвояси, вся пятая колонна, поощряемая спецслужбами, подняла хай — уж слишком дружно, слишком уверенно, в один голос. Это говорит об одном — там, «за мировой кулисой» решили сменить главу российской администрации, решили окончательно и бесповоротно, не оставляя шанса Ельцину и его команде. И будут менять. Пятая колонна (вся «прогрессивная пресса», ТВ и РВ) обрушилась на нынешних властителей. Но обрушилась хитро, исподтишка, сметая неугодных по одиночке, сея меж ними рознь, и вражду, нагнетая истерию в народе. Теперь не супостаты-оппозиционеры навязывают народу образ «вечно пьяного» главы, а самые что ни на есть демократы (для них нынешний президент уже помеха, которую надо убрать). Это они за два дня вычеркнули из политики министра печати Миронова — запросто, шутя. Нет сомнений, что роковой обвал рубля был инспирирован спецслужбами и пятой колонной — даже прозревший Ельцин не смог умолчать: «Это диверсия!» — сказал он. Да, это именно диверсия. И именно против него. Надо окончательно озлобить против него народ, такая цель у демократов — не будет зарываться, не будет вспоминать о «национальных интересах». Воспользовавшись замешательством, подсунули «козлов отпущения» —Геращенко и Добрынина. Что это? Их не жаль. Но этими смещениями посеяли страх и неуверенность среди прочих функционеров. Поперли в открытую против Черномырдина, сея заведомо лживые слухи, проча ему замену (то бишь, стравливая функционеров). И уж совсем нагло, ошеломляюще нагло поперли на Министерство Обороны и на Павла Грачева. Любому более или менее нормальному человеку абсолютно ясно, что история с убийством журналиста «Московского комсомольца» Холодова это изуверская провокация, рассчитанная на взрыв в обществе. Никогда и ни при каких обстоятельствах Министерство Обороны не стало бы связываться с этим мальчонкой, тем более подкладывать под него мины, вызывая тем самым огонь на себя. Так могут поступить только законченные идиоты, желающие своей погибели, так могут сделать только дебильные самоубийцы. Я абсолютно уверен, что сама пятая колонна пожертвовала Холодовым (русских им не жалко, даже если эти русские на них же и работают). Нужен был шумный, взрывной скандал. Нужен он был для очередной атаки на Армию, ибо Армия, деморализованная за последние пять лет, безвольная, запуганная, не представляющая для «мирового сообщества» никакой угрозы, напротив, покорно выполняющая инструкции оттуда, вдруг начала поднимать голову, вспоминать о том, что она — Русская армия, что сильна и могуча, что она может вершить многое (как ни странно, это все происходило именно при Паше «Мерседесе», как его теперь кличут демократы). И вот эту армию надо было снова сломать, разрушить, подавить, загнать в стойло — так решило «мировое сообщество». Раньше для деморализации армии использовался таран пресловутой «дедовщины», тбилисские события, бакинские... Теперь этого мало, нужен был скандал. Коррупция! Журналист собирал документы, материалы, готовился выступать в Думе, разоблачать. Злой Паша Грачев со своими нехорошими армейцами прознал про то и взорвал несчастного правдоискателя. Бред! Сказочка для наивного и всему верящего люда нашего. Эта жуткая смерть нужна была пятой колонне, чтобы сокрушить Пашу, чтобы на его место поставить своего человечка, как пытались в свое время протолкнуть на пост министра обороны демократку-расчленительницу Старовойтову, проживающую в иноземном, враждебном нам государстве. Уж слишком в открытую, беззастенчиво попер на Грачева редактор «Комсомольца» Гусев. Не дожидаясь расследования, с ходу. Что это он — полный идиот?! Нет, у него установка — валить именно Пашу, установка «мирового сообщества». И хотя я могу сказать, что мне лично Грачев, как «усмиритель» восставшего народа глубоко отвратителен, судить его будет, если не трибунал будущего, то время, но при всем этом надо быть объективным, надо видеть, чем не пришелся Паша «Мерседес» «мировой закулисе», кому

он стал неугоден. Старый принцип любого криминалиста: ищи, кому выгодно! Ельцин со своими силовиками вышел из-под полного контроля. Его пытаются свалить те, кто его поставил. При всей неприязни к нынешней колониальной администрации, надо заметить: сейчас ельцинская команда вольно или невольно играет на Россию. Пятая колонна как и во все времена, играет против России и русских. У Ельцина и его команды вся административная власть. У пятой колонны вся власть пропагандистская — радио, телевидение, пресса, театры, кинематограф плюс полная финансовая и спецподдержка «мирового сообщества». Положение критическое. Раскол в оппозиции неслучаен. Спецслужбы запада и пятая колонна вносят раздор в национально-освободительное движение, и часть его пытаются использовать как рычаг для свержения администрации нынешнего президента. Оппозиция пока поддается на любые провокации. Руцкой поливает грязью всех подряд, чувствуя, что его поддерживает в борьбе против Ельцина «мировое сообщество». Возникает чертовски неприятная ситуация, когда прорусская оппозиция может сыграть по сценарию западных спецслужб против России. Будущее нашей державы и нашего народа непредсказуемы. Спасение может быть в одном — в железной твердой централизованной власти и полной опоре исключительно на внутренние силы. На сегодняшнем этапе иной путь, разрушение сложившегося аппарата управления, приведет или к этой спасительной власти или к абсолютной диктатуре пятой колонны. Последнее — это уже окончательная смерть России.

Октябрь 1994 г.

Послесловие из 2004 г. Россияния пошла по «иному пути». И теперь русские города и села сидят без света и тепла, а абрамовичи вывозят сотни миллиардов из «нищей» Россиянии. Черные абреки высасывают десятки миллиардов... А на лекарства денег нет, народ вымирает – молча и безропотно, голосуя за тех, кто его грабит и убивает. Что же делать, народонаселение само выбрало свою судьбу.

Послесловие

Да, тот день свободы, дерзновенного порыва к независимости был! Его не вычеркнуть из Истории. Кем бы были все мы, весь народ русский, народ российский без того искупительного дня? Стадом, безропотным и бессмысленным рабским стадом, которое можно то раскулачивать, расказачивать, коммунизировать, то «демократизировать», продавая и отдавая его задаром в рабство всем, у кого руки дотянутся.

В этих словах нет напрасной хулы и пустого ругательства, ведь население огромной державы, население, которое безропотно позволяет ограбить себя до нитки, лишить себя здравоохранения и возможности получать нормальное образование, население, у которого отобрали и отдали за взятки иноземцам все: заводы, фабрики, пионерские лагеря, шахты, рудники, нефтяные, алмазные, газовые и прочие залежи, население, которое раздробили по произволу и отдали во власть баям, ханам, панам, прибалтийским расистам, любому и каждому заезжему и незаезжему чужеземцу, население, которое не имеет своей собственности на практически не своей уже земле — такое население иначе как безропотным, безмолвным стадом и назвать бы было нельзя, если бы... Если бы не тот светлый, ослепительный и искупительный день, если бы не те тысячи павших героев, что смыли чудовищный позор со всего Народа, с сотен миллионов притихших у телевизоров и ожидавших, чья возьмет. Сейчас эти ожидавшие голодают в шахтах, перегораживают магистрали, просят зарплаты за прошлый год — уже движение вперед, пять лет назад они молчали, выжидали. Несколько миллионов — семь-десять — из них за эти пять лет уже вымерли тихо, безропотно, уступая свою землю пришлым новым нерусским «русским». Сколько еще миллионов или десят-

ков миллионов должно вымереть, чтобы оставшиеся сообразили, куда нас ведут? Сейчас надо понять одно: мы, русские, россияне, так же, как и сербы, славяне в целом, не нужны «мировому сообществу». Мы им не нужны ни «красными», ни «белыми», ни «зелеными». Как бы мы ни каялись, как бы мы ни заискивали перед ним, сколько бы ни валялись в ногах у этого «сообщества» — мы ему н е н у ж н ы! оно будет истреблять нас до последнего, беспощадно и безжалостно. Ему нужны только наши ископаемые, наши богатства, наша земля. Погибшие в Восстании 1993 года понимали это, они бились за нашу и вашу независимость, за право жить по своим законам на своей земле. Они шли на смерть за всех нас, за наших детей, внуков, правнуков... которых, скорее всего, уже не будет, ибо Россия стремительно вымирает, русские просторы заселяются пришлым, чужим народом. В лучшем случае нас ждет судьба Православной, заселенной некогда на 90% славянами Византии, на месте которой ныне 100-процентно мусульманская Турция (уже сейчас в Москве только одних азербайджанцев свыше миллиона!). В худшем случае — судьба резервации, населенной выродками-мутантами (этот прогноз я развивать не буду, так как подробно описал ситуацию в своем романе-трагедии «Бойня»). Мы обречены, потому что народ потерял инстинкт самосохранения, он перестал быть народом, превратившись в население — в население, предавшее Родину, предавшее отцов, дедов, прадедов, в население иуд-христопродавцев. Этому населению нечем будет оправдаться перед Богом на Страшном Суде, если он состоится когда-нибудь, совсем нечем, потому что отрекшимся от могил предков и продавшим землю своих правнуков прощения нет и не будет. И не они отнюдь будут зваться Народом Русским, а лишь те, и только те, кто дрался за Русь в Приднестровье и на Балканах, кто проливал свою кровь в Афганистане и Чечне, кто отстаивал независимость Родины в кровавом Октябре 93-го...

Юрий Петухов

USA – сверхдержава?
Нет, это помойная яма человечества!
Памперсная империя

Сокрушительный разгром России в Третьей Мировой войне и превращение её в колонию настолько взбаламутили мозги и без того полоумных заокеанцев, что они возомнили себя единственной Сверхдержавой на земном шаре. И в тупости и гордыне своей поперли на весь мир со своими «першингами», «томагавками», авианосцами, «мирными инициативами» и тотальной войной с «международным терроризмом». Мир, одуревший от взрывов, крови и нелепой расправы над, казалось бы, непобедимой Россией, разинул рты и не менее тупо поверил в американскую басню о «сверхдержаве» - лег на лопатки, задрал лапки вверх и стал покорно ждать, пока его великодержавно изнасилуют демократией по-американски. В благоговейном ужасе оцепенели все, и особенно российские политологи, социологи, футурологи, генералы, президенты, министры и совершенно очумевшая от всемогущества «жидомасонов» патриотическая общественность (это правда, большинство «патриотов» настолько запугало себя и других коварством и всесилием жидомасонов, что сдалось заранее). Результат – жирные и неповоротливые янки совместно с негроидными афроамериканцами кованной поступью прошагали по всей планете, опутав её колючей проволокой и вывесив повсюду плакаты «USA – сверхдержава!»

Но так ли это на самом деле? Впрямь ли США это сверхдержава, имеющая силы держать в повиновении

всю планету и нас в том числе? Я бы без колебаний поверил в эту версию, если бы Америка разгромила нас в открытом и честном бою, как мы, Россия, Советский Союз разгромили Германию, а вместе с ней и всю Европу, которая работала на Германию и поставляла ей пушечное мясо. В 1945-ом мы доказали однозначно и неоспоримо, что мы Сверхдержава.

Да, США со своими натовскими наемниками (наемники, потому что НАТО содержится в основном на американские деньги) выиграли Третью Мировую войну. Но не в честном открытом бою. Они выиграли её, купив с потрохами наших «вождей» и нашу «пятую колонну». Выиграли не на поле брани, а по-иезуитски, по-жидовски – оклеветав, оболгав, купив и перекупив всё и вся, выиграли не оружием, силой и доблестью, а деньгами, долларами – они купили свою «победу». Если быть совсем точным, они купили её у наших продажных генсеков, министров, политбюрошников, кэгэбэшников, республиканских национал-баев и, главное, купили её у нашей «европейски образованной» псевдоинтеллигенции-образованщины (её купили за три цента), которая все годы «перестройки» маршировала туда-сюда с плакатами «всю власть демократам!» (то бишь, «руки вверх!», «пусть Америка нас завоюет!»)

В своё время, когда Великому Русскому князю Святославу «неразумные хазары» предложили продать свою дружину и мечи за любое количество золота, Святослав ответил, что со своей дружиной он и сам возьмет золота и всего прочего столько, сколько надо – и стер хазар с их ростовщическим каганатом с лица земли, никто после этого про хазар больше не слышал. Наши генсеки и прочие продажные шкуры, получив предложение продать Родину, продали её – и за золото, и за американскую фальшивую «зелень», и, главное, за право тусоваться в международном истеблишменте. За такие дела их следовало бы закопать живыми в землю (только не в русскую, чтобы не опоганить её), но пока Святославы ещё не на-

шлись (найдутся!)... Хватит про них! Суть и так ясна: липовая «сверхдержава» со всеми своими холуями не победила нас в бою, не одолела нас – то есть не доказала своей силы, своего права быть Сверхдержавой.

Она купила «победу». Как «на зоне» некоторые шустрые нувориши-«апельсины» пытаются купить себе звание «законников» - за что им, когда является подлинный Закон, эти апельсины забивают в задницу. Америка ещё получит свой «апельсин» – и в зад, и в прочие дыры. Но не будем забегать вперед. Просто, как говорится, «разуем глаза» и попытаемся увидеть то, что есть.

Есть ли у Штатов реальная сила держать мир в своей власти? Нет! У Штатов нет такой силы. Штаты берут мир «на понт». Сверхбешенная пропаганда с использованием купленных средств массовой пропаганды всего мира (и прежде всего Россиянии! таких американских холуев, как «наши» смишники, нигде не отыскать!), голливудское тотальное зомбирование... и бешенные деньги (станки работают круглосуточно). И всё! Больше ничего за «американской мощью» нет. И не будет никогда.

Американцы никогда не умели и не могли воевать. Это нация «сдирателей скальпов» и «отрезателей ушей» (за скальпы и уши беззащитных индейцев платили по три доллара), нация лавочников и памперсников. Если кто-то судит об Америке и американцах по голливудским поделкам, он полный идиот – ничего общего между киносуперменами и жирными дебильными увальнями made in USA нет. Американец-солдат – это самый короткий анекдот. Советским войскам стоило бы на два месяца приостановить наступление на Восточном фронте, чтобы немцы разбили весь «экспедиционный корпус» США, а за следующие три месяца они бы стерли эту липовую «сверхдержаву» с лица Земли. Именно так. Весь парадокс в том, что Штаты никогда ни с кем не воевали. В войне во Вьетнаме они опозорились с головы до пят – истратили триллионы, и захлебнулись в собственном дерьме. Им не помогло ни химическое оружие, ни напалм, ни бактери-

альное оружие, ни их «фантомы» - ничто! Они облажались по полной программе. Почему? Не надо делать никаких выкладок и искать «умных» причин. Они облажались, потому что они не воины, не солдаты (как русские, японцы, немцы), а дерьмо... Никакого «голливудского героизма» не было, забудьте про это, было каждодневное утопание в страхе, ужасе и собственном дерьме (почитайте американских писателей, которые писали правду о той войне).

Югославия и Ирак сдались американцам без боя. Почти два месяца США и семнадцать стран НАТО бомбили и громили Югославию. Сверхсовременные разработки, урановые стержни, крылатые ракеты, сверхмощные бомбы, миллиарды тонн взрывчатых веществ... И что? Они разгромили армию сербов? они победили?! Да ни хрена, выражаясь ясно, подобного! Они уже издыхали и готовили пути к отступлению, когда Россияния руками Черномырдина всадила сербам нож в спину, склонив Милошевича к подписанию лживого (нарушенного потом подлыми американоидами) договора. Вся колоссальная мощь Штатов и НАТО была обрушена на небольшую страну настоящих воинов. И не сокрушила её. Армия Югославии осталась целой и была готова уничтожить любого врага. США и натовцы панически боялись перейти границу, знали, получат такой удар по зубам, что мало не покажется. Победили ложью, подлостью и предательством с помощью подлой и предательской Россиянии (не России!) и её режима. И даже после капитуляции Милошевича, поверившего Черномырдину, американоиды и натовцы не рискнули первыми войти на земли сербов, бросили вперед наших «отважных» десантников с их «героическим броском» (позор на весь мир! такого предательства Россия ещё не совершала никогда!) А уже когда «наши» взяли под контроль аэродромы и обеспечили безопасность трусливых и подлых «миротворцев», те оккупировали Югославию. И это победа сильного?! Это «победа» подлого и гнусного! Это «победа» деньгами и подлостью.

Америка не победила Югославию. А если говорить прямо, война ещё не закончена. Сербы вышибут со своей земли памперсников так, что из их памперсов полетят голубой пух и розовые перья.

Почему я называю американских солдат «памперсниками»? Потому что я бывал в Америке, знаю её очень хорошо. Там до шестнадцати лет носят памперсы, гугнят и мычат, из школ выходят практически неграмотными (36 процентов неграмотных в стране). Американцы полудебильны, треть из них чудовищно (чудовищно!) толста и жирна – нам почему-то не показывают этой правды по ТВ, но это так! это люди-бегемоты! Вкалывают там приезжие – русские, евреи, немцы, индусы, китайцы. Местная популяция – зажравшиеся полуидиоты и выродженцы, ходящие враскорячку с открытыми ртами. Жирные и безмозглые «телепузики»! И американские «солдаты» в их снаряжении напоминают мне этих жирных увальней в памперсах. Если такого «солдата» толкнуть – он упадет под тяжестью своего жирного тела и амуниции, упадет и обмочится. И никакого суперменства. Натуральные памперсники! Есть, конечно, спецподразделения. Но их не хватит в случае настоящей заварухи для охраны собственного президента. Да и тех наши парни в тельняшках забьют саплопатами. Всё прочее – это жирные негроамериканцы и наемные бабы, которые служат, пока им платят и пока в сортирах есть ароматические подкладки. С такими «кадрами», ежели начнется настоящая война, Америка разгромит сама себя. Наемные бабы, не получив вовремя вибраторов, прокладок и противопотных химикалиев, впадут в истерику и сами потопят свои авианосцы.

Америка сама истеричная и стервозная баба.

Не победила она и Ирака. Она прошла мирным маршем по Ираку, как Гитлер по Франции. Мы ещё не знаем, какие деньги были вложены в подкуп иракской верхушки. Но то, что «победа» над Ираком была куплена, понятно всем. Без проплаты не было бы и «штурма». Но иракцы не сдались. Недолог час, когда иракские партизаны вы-

шибут памперсников из своей страны. Испанцы уже убегают. Побегут и другие – подрапают, только держись!

В Афганистане победила не Америка. Наша несчастная Россияния, отдав всё вооружение и технику антиталибам, направив тысячи инструкторов, подарила «американским партнерам», нашим злейшим врагам не только Афганистан, за который были пролиты реки русской крови, но и все российские среднеазиатские республики – то есть нашу южную русскую землю. Отдали. За так. Из холуйского желания услужить богатому хозяину. И то штатники увязли в Афганистане – рано или поздно талибы задерут им памперсы и высекут хорошенько.

Наши генералы-реформаторы пугают друг дружку «стратегической инициативой», американскими авианосцами и ракетами с «прицельно-точным лазерным наведением». Запугали настолько, что готовы сами совместно с НАТО бомбить Россию – они же у нас «партнеры во имя мира»! Этих генералов надо гнать из штабов поганой метлой, натовские прихвостни заинтересованы не в укреплении обороноспособности, а в личных командировках к европейским «партнерам». И в подачках от них. Но речь не о них. Этих прихвостней можно смести одним взмахом, как Сталин перед войной смел из рядов Армии всё прогнившее, опасное и лишнее. Речь об Америке.

А Америка – это миф. И колоссальная помойка. Это горы, эвересты мусора на улицах Нью-Йорка. Это вечно жующие челюсти и гигантская паразитическая утроба. Это чудовище, жрущее и испражняющееся – точнее, обжирающее весь мир и испражняющееся на всё человечество. Кто думает, что Америка есть оплот демократии, забудьте об этом навсегда – никакой демократии в Штатах нет и никогда не было. Горы памперсов, бигмаков и мусора это ещё не демократия. Попробуйте в Штатах скажите что-нибудь не так «как положено» – и вас быстрехонько вышибут из общества, как вышибли в «вермонтское отшельничество» Солженицына, который попытался было очень мягко высказаться вслух об «отдельных недостатках», имеющихся в отдельных местах отдельной прекрасной во всех отношениях Америки. А после 11 сентября – это вообще общество «старшего брата» – абсолютное полицейское тоталитарное государство.

Государство-полицейский. Да. Государство-жандарм. Да. Но не государство-воин. Воевать американцы не научатся никогда – сколько вернеров фон браунов и прочих немцев с японцами они бы не вывезли к себе. Да, грабить и мародерствовать они умеют. После Второй Мировой пол-Европы и все награбленное немцами у нас оказалось в Штатах. Мы воевали и побеждали. А они мародерничали и грабили. Они разгромили и разграбили Ирак – а, по сути, Древний Шумер, Месопотамию – сокровища, которым нет числа и цены. Воры. Грабители. Шакалы. Памперсники. Жандармы. Полицаи... Но не воины.

Их «стратегическая инициатива» блеф! Сначала, дорогие прокладочники, научитесь строить космические станции и запускать к ним корабли! Россия выстроила им МКС. И то не смогли пользоваться ею, шаттлы посыпались... Какая там, на хрен, «инициатива». Американские авианосцы – это исполинские железные бочки для расправы над безоружными дикарями. В настоящей войне с воинами – эти «бочки», набитые жирными бабами, неграми и памперсными губошлепами пошли бы ко дну в первый же день. И Саддам и Милошевич имели полную возможность утопить эти корыта с их наемниками-контрактниками. Но они проявили «высокий гуманизм». И получили за это сполна. Добрые дела всегда наказуемы. А теперь подумайте, что было бы, окажись на месте этих горе-полководцев Жуков или, не приведи Господь, Суворов?! Как бы сейчас называлась Америка? Подумали?

Америка – это дутый пузырь. Огромный, чудовищно большой надутый презерватив, набитый памперсами, шникерсами, мусором и голливудским фуфлом. Просто ещё не нашлось «смельчака», который ткнул бы шилом в этот пузырь-презерватив и выпустил бы из него вонючий блефово-понтовый пар... Но, уверяю вас, найдется – рано

или поздно миф о единственной «сверхдержаве» лопнет вместе с самой Америкой. Памперсников погонят пинками отовсюду. И их прихлебателей. Правда, оговоримся сразу, последних погонят под трибунал – за измену Родине, за хищения в особо крупных размерах, за геноцид собственно населения и за то, что были полицаями при оккупационном режиме.

март 2004 г.

P.S. Мартовские события в Косово, когда толпы озверелых албанов громили дома и храмы сербов, убивали женщин и детей десятками, жгли, мародерничали, насиловали, а натовские псы-«миротворцы» прятались на своих базах, огораживаясь колючей проволокой от зверей-албанов, доказывают тот непреложный факт, что американские и натовские памперсники - не воины, не солдаты, а трусливое и поганое быдло, сброд всякой наемной сволочи, которая лихо и отважно расправлялась с сербскими стариками и женщинами, ломая им спины и ребра, но перепугалась вооруженных палками дикарей. И такое дерьмо правит миром и Европой?! Я думаю, что если бы наш режим дозволил набрать бы с Дона полтысячи русских казаков, они бы нагайками погнали бы натовскую памперсную сволочь до Атлантического океана – ну, а далее – по морям, по волнам – в памперсную Заокеанию! Но режим специально наводнил Россию (и особенно её Юг) своими «зверями». Происходит примерно то, что творили Ленин, Троцкий и Свердлов, расказачивая Россию при помощи кавказских джигитов. Нынче почти все казачьи станицы перешли в руки чеченов и прочих «свободолюбивых» за чужой счет горцев. Но История нас учит – ни одна Орда не приходит навечно. Когда русский, славянский мир проснется, кое-кому мало не покажется!

Русь терпелива. До поры до времени.

Антон Печерский

ПРАВДА О ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ
и о тех, кто защищал Россию.
(Юрий Петухов – публицист и пророк)

Третья Мировая подкралась к нам незаметно. Никто не ждал, что эта чудовищная война, сокрушившая Россию без ядерных бомбардировок и введения оккупационных войск, разразится столь неожиданно. Она уже шла, уже во всю крушила имперскую мощь России, выбивала тысячи и миллионы из наших рядов, а народ с открытым ртом ждал чудес от «перестройки», ждал манны небесной и «гуманитарной» помощи из «мирового сообщества». Юрий Петухов ударил в набат ещё в 1990 году – Третья Мировая! Отечество в опасности! враг незримо, но всесокрушающе вторгся в наши пределы! мы на краю гибели! Демократоры-«перестройщики» обрушились на него сотнями разъяренных и злобных статей-доносов в прессе, апеллируя к органам. Патриоты пугливо промолчали, отстранились, не поддержали, выжидая, может, и им найдется место в постперестроечном, послевоенном обществе... Одним нашлось, и они стали придворными оппозиционерами. Другим не нашлось, и они смирились, притихли. Не в них дело. А в самой Войне нового поколения, страшной, коварной, иезуитской Мировой войне! Так или иначе, но принципиально новый тип войн был определен, распознан и классифицирован... чудовищный заговор международных спецслужб и россиянской «пятой колонны» был раскрыт. Сговор правящей верхушки СССР и натовских ястребов был разоблачен. Это уже потом, спустя годы, сотни наших державников подхватили концепции Юрия Петухова, о Третьей Мировой заговорили открыто и повсюду, сидя у разбитых корыт, застучали запоздало в шаманские бубны... Как говорится, нет пророков в своем отечестве! Вылезшие на руины Третьей Мировой, когда всё стихло, шли давно проторенными тропами... и «открывали глаза» – самим себе. Колониальная Россияния безмолствовала (кстати, и «россияния», и «кочевники», и «люди смерти» – также терминология Юрия Петухова, которую

нынче без ссылок на автора вовсю используют все подряд от патриотов «максимов калашниковых» до самых оголтелых и махровых, пещерных русофобов-западников.

Дорогой читатель! Ты сейчас держишь в руках необычную книгу замечательного человека. Почему необычную, спросишь ты? Потому что писатель и историк Юрий Дмитриевич Петухов первым в России увидел начавшуюся трагедию России, её будущее крушение. Статьи и очерки, собранные под этой обложкой, на протяжении нескольких лет печатались в различных периодических изданиях, иногда под псевдонимами. Собранные здесь вместе, они производят неизгладимое впечатление на любого читателя. В совершенно разных ипостасях, от литературно-критической полемики до спора о подлинности Велесовой книги, от отповеди разрушителям армии до протеста против спаивания народа, перед читателем вырисовывается одна общая, единая картина шагающей к гибели России. Ничего ещё не предвещало для её жителей катастрофичности перемен, грядущих вскоре. Люди с надеждой произносили красивое слово «перестройка», ожидая долгожданного обновления косной и обветшавшей коммунистической власти. Они не осознавали, что эта «перестройка» - всего лишь шифрованное название коварной и хитроумной операции по развалу Великой России, носившей тогда гордое имя Советский Союз. Лишь немногие видели в то время надвигавшуюся на страну угрозу, и лишь единицы понимали масштабы этой многомерной и всеохватывающей опасности.

Первым, кто возвысил свой пророческий голос и указал на признаки и лики грядущей катастрофы, был не искушённый в государственных интригах опытный политикан-патриот, не аналитик из КГБ, не «литературный бонза» брежневского закваса, а русский писатель Юрий Петухов. Если задуматься, то ничего удивительного в этом нет. Человек выдающегося ума, познавший сокровенные тайны Бытия и человеческой истории, тонкий наблюдатель и прекрасный знаток жизни, он зорко увидел мельчайшие, неуловимые для неискушённого глаза предметы, предшествующие сокрушительному потрясению. Человек, глубоко изучивший подлинную историю, потративший на это много лет, он предвидел грядущее несчастье, вычислял его аналитически, сравнивая события разных эпох, следя за современными ему событиями и всё больше убеждаясь в своей правоте. Дар психолога помог писателю в его правильном понимании повседневной, обыденной жизни, безошибочно показывал разброд и неустойчивость в душах людских и одновременно растущее их равнодушие ко всему, выходящему за рамки собственной личной жизни. Юрий Петухов часто и много писал публицистические статьи, надеясь пробудить от спячки русский народ, ибо видел, какую судьбу уготовили ему властители мира. Это была непосильная задача для любого, потому что слишком сильно было усыпляющее воздействие перестроечной риторики, слишком сильно сковывала психику короста коммунистической идеологии, законсервировавшей в своём мертворождённом нутре ростки и патриотизма, и русофобии. Трудно было людям отделить зёрна от плевел, агнцев от козлищ, если лояльность официальной идеологии сохраняли одновременно и писатель Распутин, ратовавший за отмену проекта по переброске сибирских рек, и другой известный хитрец-литератор, открыто призывавший к алкогольному геноциду народа. В подобных условиях было трудно донести до людей истину, не подвергая её ни малейшему искажению в пользу господствующей идеологии. Юрию Дмитриевичу в полной мере удалось решить эту задачу, и это событие явилось невиданным в русской культурной жизни прорывом. Прорывом, почти полностью замолченным и тогда, и сейчас представителями всех интеллектуально-политических группировок. Ничего странного в этом нет, ибо Юрий Петухов - это выдающаяся и самобытная личность, самодостаточная до такой степени, что ей не нужно никаких чужих концепций мироустройства и политических движений. Человек, милостью Всевышнего сам постигший законы Мироздания, не нуждается в чём-либо со стороны, ибо каждая в своё время теория, будь то либерализм или коммунизм в политике, неоплатонизм или фрейдизм в философии, может находить отклик в душе писателя, может вызывать у него сочувствие или несогласие, но она всё равно страдает изначально мировоззренческими и вытекающими из них практическими изъянами. Ведь создавались они в своё время людьми, не всегда цельно представлявшими подлинную картину Бытия, направлявшими усилия на решение сиюминутных задач. Последователи же созданных когда-то бессмертных учений или принимали во многом спорные и абсурдные базовые положения их в качестве непогрешимых и не требующих доказательства постулатов, либо просто жили по общим канонам своей идеологии, не задумываясь об истоках. Подобная жизненная

философия поверхностного знания не является, понятно, угрозой существования человеку. Можно жить, не особо задумываясь о правоте разделяемой идеологии. Но в критический, кризисный период ситуация драматично изменяется. Эта убежденческая малограмотность, зашоренность и негибкость оборачиваются плохой ориентацией в любой быстро изменяющейся обстановке, делают их носителей беззащитными перед умной и динамичной деятельностью врага, приспосабливающегося к новым условиям и совершенствующего свою технику борьбы за души.

Юрий Петухов всегда обличал любую власть и псевдооппозицию, не желая играть по правилам этих двух сил, являющих собой альтер эго друг друга. Он сочувствовал в разное время разным движениям и персоналиям, но, разумеется, не за политическую платформу (имеющий глаза и уши знает, что это спектакль для любопытных профанов), а за реальные намерения и дела по благоустройству и возвеличиванию России. Это обусловило присущие ему как подлинному писателю честность и непредвзятость, в которых состоит одно из наиболее ценных отличий от других произведений данного жанра. Эти же качества делают книгу ценнейшим материалом для будущих исследователей эпохи и для всех, интересующихся новейшей историей России.

Впоследствии Юрий Петухов становится главным редактором нескольких журналов и газеты, напрямую не связанных освещением текущих политических событий. Но человек, в полной мере осознающий своё призвание, знающий, что на него возложен непомерный груз ответственности за всё, что происходит в мире, продолжает беспримерную личную борьбу с колониальным режимом, который развалил к тому времени Великую Россию и приступил к уничтожению собственного народа по методикам мирового сообщества. Юрий Дмитриевич снова не присоединяется ни к каким партиям или движениям, его глас - это глас последнего писателя русского, космичного всечеловека, пребывающего в благостном единении с Творцом, попущением Его вознесённого до горних высей Мироздания и узревшего пути и судьбы рода людского от зарождения его и до последних времён.

Трагедия России ширится и разрастается. Народ вымирает, выродженцы у кормила страны ведут её к окончательной и безвозвратной погибели. Вместе с обстановкой в России меняется

тон и пафос публицистики Юрия Дмитриевича. Она становится ещё яростней и бескомпромиссней, вся соткана из громов и молний, побивающих врагов, плачей о погубляемой Отчизне, молитв о прозрении своего несчастного народа. И прошедшее видится не симпатичной разноцветной картинкой с телеэкрана, не погребально-инвентарным перечислением реформ видных политиков и экономистов и оптимистичными поучениями просвещённых умеренных патриотов, а непрерывной, оглушающей сознание каждого в отдельности и всех вместе неиссякаемым ужасом бойней, дьявольской душегубкой, запущенной нелюдями во имя полного изведения русских. Здесь каждая статья, каждая заметка и очерк - это отчаянный крик души, это отчаянная попытка пробудить русских от спячки и поднять их на отпор надвигающейся погибели. Здесь каждое произведение переполнено страданием и болью, отчаянием и надеждой, создано на той последней черте человеческой души, что отделяет Свет от Тьмы, жизнь от смерти. Их отличает сверхчеловеческий накал подлинных чувств, высочайшее духовное и эмоциональное напряжение. Автор не побоялся всех сил зла, не смалодушничал, не отступил от своего высокого предначертания. Подобно своему герою Ивану из знаменитого романа «Звёздная Месть», Юрий Петухов один стоит в поле, в одиночку ведёт лютый и бесконечный бой со всеми силами мрака. Зная автора, понимаешь, что в этом нет ничего сверхъестественного, ведь Иван во многом списан со своего создателя. А Юрий Петухов остро чувствует на себе груз ответственности за всё - за Землю, за Мироздание, за обезумевшее человечество, неудержимо катящееся в пропасть.. Он всегда был и остаётся верен священному принципу: если не я, то кто?

Того, что сделал Юрий Петухов, с лихвой хватит на десять долгих жизней талантливых творческих людей. Но Мастер Русского Слова не опускает руки, не ропщет на жизнь, а продолжает свою активную созидательную деятельность. Поклонимся ему низко, читатель!

Некоторые статьи этого сборника посвящены какой-либо одной проблеме или событию, содержат острую интеллектуальную полемику. Другие описывают ситуацию в целом, имеют характер обобщающий, обзорный. Все они тесно взаимосвязаны между собой, органично дополняют одна другую и дают уникальную возможность увидеть жизнь со всех сторон. Характерное их отличие заключается в абсолютном следовании

лучшим традициям великой русской литературы. Читатель знакомится не просто с интересными статьями и очерками, но одновременно и наслаждается прекрасным литературным языком автора. Это редкий случай в современной публицистике, когда содержание и форма соответствуют друг другу в полной мере, сливаются в единое неразрывное целое. Автор одинаково великолепно владеет пером и разбирается в жизни народов и государств. Не возникает никаких противоречий по поводу того, что является основным призванием автора - быть поэтом или публицистом: эти две сущности неразделимо переплетены в личности Юрия Петухова, помимо того, что он ещё историк и философ. Отметим очень важную особенность Юрия Петухова как публициста. Он стал для русского общества первооткрывателем многих тем, которые ранее были плотно запечатаны и строго табуированы. Не то, чтобы о них никто не знал - нет, и знали, и догадывались, и говорили вскользь,- но именно он первым чётко и однозначно обозначил их в своих работах, завёл разговор о проклятых проблемах русско-советского сознания, который никто до него не решался начать. Вскоре у него появились последователи (а зачастую, к сожалению, просто графоманы-псевдопублицисты), развившие каждую оригинальную разработку Юрия Петухова в отдельное направление общественно-значимых дискуссий. Причём вторая категория продолжателей упорно забывала сослаться на основоположника, выставляя самих себя в качестве первопроходцев.

Само обилие этих табу впечатляет, особенно сегодня, когда многие из них превратились в законные и излюбленные темы публицистов-патриотов. Но для того, чтобы привлечь к ним внимание, узаконить их в духовной и интеллектуальной жизни, нужно было подвижничество, направленное волевое усилие. Его и совершил Юрий Петухов. Чтобы не быть голословными, приведём всего три примера. Во-первых, это, конечно, свастика, древний сакральный (священный) символ землепашцев-ариев, символизирующий солнцевращение, круговорот жизни, движение Креста, постоянный ход Солнца по небу. На Руси свастику называли также коловрат. Свастика во все времена присутствовала в самых разнообразных вариациях в повседневной жизни многих народов, включая денежные банкноты российского Временного правительства и американские почтовые открытки начала двадцатого столетия. В Советском Союзе неблаговидными усилиями потомков выходцев из-за черты осёдлости и твердолобых иванов, не помнящих родства (но спинным мозгом усвоивших, что они родом из Октября и их национальность - интернациональный советский человек) древний символ был предан забвению, и, хуже того, поруганию, когда вышеупомянутые существа стали связывать свастику исключительно со временем Второй Мировой войны, когда свастику использовала в своей государственной символике гитлеровская Германия. Однако, неприятие чужаками нашего индоевропейского наследия - далеко не повод, чтобы согласиться с ними, и, тем более, не пример для подражания. В наши дни коловрат используют патриотические общественные движения, этим словом называется молодёжная рок-группа. А с чего всё это началось? Перечитайте старенькую статью Юрия Петухова «Вечная Россия» , посвящённую одноимённой картине Ильи Глазунова, вспомните его слова о фрагменте полотна, где изображена опутанная верёвками статуя Перуна в Киеве, на щите которого изображён священный знак русов. Второй пример - это тема еврейской эмиграции из России в Израиль, подробно освещённая в статье «Подпишет ли Израиль союзный договор?» Автор смело и необычно подходит к теме, задаваясь вопросом, не станет ли эта эмиграция нашим своеобразным культурным десантом в Израиле, внося в жизнь еврейского государства особенный менталитет российского еврейства, впитанную в России культуру и русский язык? И не ассимилируют ли эмигранты из России местных евреев до такой степени, что Израиль сам потянется к России? Ведь люди, в России объявлявшие, что следующий новый год они встретят в Тель-Авиве, грозившие возвращением на многократно воспетую и идеализированную историческую родину, на деле столкнулись вовсе не с тем дружелюбным приёмом, которого ожидали - они стали обособленным слоем тамошних обитателей, которых иначе как русскими в Израиле не называют. Парадокс! Чтобы стать «русским», надо уехать из России. Третий пример, это работа, посвящённая одной из самых трагичных страниц нашей недавней истории - Великой Отечественной войне. В советский период эта широко и подробно освещённая тема была во многом вульгаризирована с идеологической стороны. Победе русских в крупнейшей войне придавался излишне большевистский, несвойственный ей оттенок. То есть, вместо того, чтобы прямо и откровенно сказать, что русский народ победил европейских захватчиков, освободил свою землю и окрестные государства,

трактовка прошедших событий была выхолощенной и весьма далёкой от реальности: в ней много говорилось про превосходство коммунизма над фашизмом как общественного и политического строя, о превосходстве социализма над капитализмом, про решающий вклад ВКП(б) в победу над врагом. Наследникам коммунистов, демократам, особям ещё более лживым, было угодно лишь поменять идеологические причины событий полувековой давности. Юрий Петухов в своей работе «Великая Победа. 50 лет спустя» и других статьях первым честно и открыто ответил на волновавшие многих вопросы: чем же на самом деле была Великая Отечественная война для России, каковы её причины, чем была обусловлена наша Победа. Ответ писателя ясен и доступен любому читателю, начисто лишён идеологического тумана. Он полностью совпадает с мучившими людей догадками, честен и необычен, но необычен именно в силу своей правдивости, а не из-за желания высказать нечто оригинальное. Да, Великая Отечественная война стала величайшим подвигом русского народа, освободительной войной в полном смысле. Россия колоссально пострадала от европейского нашествия, понесла чудовищные потери. Святая справедливость этой войны не подвергается ни малейшему сомнению. Другое дело, была ли эта война неизбежной? Насколько она отвечала жизненным интересам Германии, какой резон представляло для немцев начало агрессии? Юрий Петухов утверждает: ни русские, ни немцы не были врагами, не желали убивать друг друга. Вся история могла пойти по иному пути, протяни мы тогда друг другу руку братской дружбы. Но истинному виновнику трагедии, «золотому интернационалу» и «мировой закулисе» была страшна сама мысль о союзе двух великих соседей-братьев, и эта нечисть бросила все усилия на ложь, подкуп, раздувание вражды и недоверия. Результат был страшен: Советский Союз и Третий рейх, две страны, сумевшие высвободиться из пут «мирового ростовщика», сошлись в лютой братоубийственной схватке.

Неподдельное восхищение вызывают отвага и бесстрашие Юрия Петухова. Его полемика времён перестройки направлена против самых маститых и именитых её «прорабов», при жизни незаслуженно превознесённых и вылизанных холуйскими языками. Это и братья Стругацкие, и А.Рыбаков, и Борщаговский.... Все эти «священные коровы» того мрачного периода занимались коварной разлагающей деятельностью, истачивая,

подобно червям, сознание русских людей. Они громко галдели о новых временах, ветре перемен, их поделки оперативно издавались огромными тиражами. Всех этих бесноватых перестройщиков отличали родовые меты, безошибочно указывающие направление их деятельности. Это, во-первых, патологическая, ненормальная, навязчивая идея всё переустраивать, преобразовывать, улучшать жизнь людей, двигать прогресс (типичный набор их характерных паролей) - главный и основной признак выродков. Во-вторых, родословную свою они, как правило, вели от «пламенных революционеров», бескомпромиссных большевиков, верных заветам Ильича. Сие означает, что и предки их уже были одержимы бесами. Ну, и в-третьих, свободолюбивые писатели-демократы являлись упёртыми и правоверными коммуняками, причём в наихудшем смысле этого слова. Они всегда славили светлое будущее человечества, своих дедушек-палачей, кидались с выпущенными когтями на любое проявление русского национального самосознания. Их шеф Яковлев прославился доносом на патриотов, призвав бороться с ними. Пресловутый Юлиан Семёнов, толстый небритый русоненавистник, возглавлял «совершенно секретную» газетёнку, служившую свалкой низкопробных сплетен и хулы в адрес нашего народа, и клепал один за другим романчики, в которых воинственно развенчивал сталинизм и вымышленный картавым дьяволом «великорусский шовинизм» (Тут всё просто до предела. Его отец был троцкистом соответствующей национальности и с соответствующей троцкисту судьбой, по кличке Семён. Его сынуля попросту приписал к ней характерное русское окончание, и всю жизнь бездарно воспевал спецслужбы, дожидаясь демократических перемен). Была ещё и такая личность, как Василий Гроссман, долгие годы заполнявший сотни страниц книг и периодики скучными совпатриотичными произведениями, а под конец жизни ставший почитаемым демократическими «Апрелем» и «Посевом» . Почему бы? Да потому что кому надо, тот знал, что на людях-то хитроумный Гроссман говорил одно, а думал и писал в стол другое. Тогда вышла его не печатавшаяся ранее повесть «Всё течёт». Последняя подверглась заслуженной и развёрнутой критике со стороны Юрия Петухова в очерке «О гонимых и гонителях». Русский писатель мгновенно понял суть этой книжицы, её зашифрованный посыл, и показательно и доходчиво вскрыл его. Юрий Петухов острее других чувствовал, что стоит за мутным валом этих со-

мнительных публикаций, скажем больше, он знал, что стоит за этим, и умело и обстоятельно, как и подобает отечественному писателю, раскрывал людям глаза на скрытых иуд.

Говоря о политической публицистике Юрия Петухова, я не имею намерения как-то замолчать или принизить роль других писателей-патриотов в событиях последнего времени. Он не один ведёт борьбу за правое дело неизбежной Русской Победы. Мы всегда помним и Александра Проханова с его блестящим образным языком, и яркого полемиста Станислава Куняева, и Василия Белова, и Валентина Распутина. Все они бережно вносят свой драгоценный вклад в сокровищницу нашей культуры. Каждый из них пишет по-своему, отлично от остальных, и из этого разнообразия, пестроты складывается наше уникальное духовное наследие, сотворяемое у нас на глазах. Другое дело, что материалов, посвящённых Юрию Петухову на сегодняшний день, удручающе немного. Маститые оппозиционеры каждый раз пропускают его имя при перечислении основных писателей-патриотов, избегают обсуждать его произведения и делают вид, что вовсе не знают, кто это такой. Околовластные и либеральные критики либо ругают его книги почём зря, либо также прибегают к замалчиванию. Причины тому различны.

Борцы с режимом давно застолбили себе уютное и хлебное местечко в российском культурном пространстве, приобрели известность у широкой публики, и не желают ни с кем делиться лаврами народных заступников и величайших литераторов Земли Русской. Их литературные дискуссии давно превратились в своего рода междусобойчики, где основным и единственным занятием является нахваливание друг друга и убеждение самих себя в том, что они и только они остаются хранителями священного огня русской литературы, только они разбираются в чаяниях народа. Безусловно, это объясняется ограниченностью и гипертрофированным самолюбием. Либералы смотрятся здесь ещё непригляднее. Они с самого начала были противниками России, её исторического пути, её неповторимой культуры. Да и что другое могли предложить люди вроде заезжего потомка «пламенной коммунарки» Василия Аксёнова или юродствующего Войновича, в былые времена кропавшего романчики про революционеров известного происхождения («Степень доверия», 1972 год), после - издевательские пасквили про солдата Чонкина, а ныне похрюкивающего о русской кондовости и зловещем антисемитизме? Демократы никогда

не желали добра русским, глядели в рот западу, переустраивали всё, что попадалось под руку, в течение нескольких поколений. Когда же любое начинание, испытавшее на себе их гнилостное влияние, разваливалось, изливались новые потоки клеветы на наш якобы косный и бездарный народ. С патриотами дело обстоит печальнее. От противников не ожидаешь поддержки, слов похвалы, - на то они и противники. Когда же свои поступают непорядочно, это обескураживает. Но есть у беспрецедентного замалчивания писателя и схожие поводы. Автор сполна познал жизнь, видит творящиеся в мире дела в их истинном свете, и не желает упрощать своего мировоззрения ни в чью пользу. Юрий Петухов предельно откровенно пишет про судьбы человечества, и именно это притягивает читателя, являет собой секрет многолетнего интереса и внимания к его творчеству. Тщеславный человек мог бы и поступиться полнотой раскрываемой мысли, сгладить острые углы, делая реверанс в сторону какой-либо партии или идеологии. Принципиальность Юрия Петухова не позволяет ему пойти на такой шаг, и благодаря ей он остаётся, несмотря на жесточайшую информационную блокаду, одним из самых видных и значительных писателей России.

Читая книгу, обратите внимание на потрясающую осведомлённость Юрия Дмитриевича в самых разных сферах жизни. Мир Юрия Петухова красочен и многогранен. Писатель профессионально занимается историей, прекрасно разбирается в современном искусстве: литературе, музыке, живописи, кинематографе. Не менее полно осведомлён Юрий Дмитриевич в делах государственных, связанных со страной и миром в целом. Но политика интересует его не как сиюминутный процесс, для него не представляют особенного интереса околовластные сплетни, придворные анекдоты, сальные истории из личной жизни титулованных особ. Это не его удел, он милостиво оставляет подобную чепуху падким на скандалы и сплетни журналистам и политологам, коих развелось сегодня несметное множество. Внимание Юрия Петухова притягивают основные процессы, скрытые за этим мельтешением от невнимательного глаза тайные пружины, вызывающие крушение мощных государств и кровопролитные войны, перемещения народов, медленно, постепенно, но надолго изменяющие облик стран и континентов, перемены в человеческих душах и умах - вот что

волнует писателя. Ибо только это и есть подлинное, настоящее, это и есть история, остающаяся в веках.

Мы уже упоминали об идеологическом гнёте, которым, к сожалению, страдала жизнь в Советском Союзе. Идеология коммунизма, изначально чуждая русскому человеку, впоследствии была поставлена патриотами на службу России. Мечта о равенстве людей, царстве справедливости, земном Рае нашла отклик в душах нашего народа, и множество честных и деятельных людей встали под красные знамёна. Но выжившая в правление Иосифа Сталина прослойка р-р-революционеров, бесноватых комиссаров жила в ожидании реванша, частично достигнутого ими в шестидесятых. Началом реванша стала послебрежневская пора, когда коммуно-демократы открыто заявили свои претензии на ведущую роль в культуре страны и духовное пастырство народа. Их психологический штурм был окрашен для маскировки в стандартные совковые тона и прикрывался всё тем же ничего не значащим славословием строю, но он имел специфические черты, присущие только ему: неумеренные рассуждения о гуманизме в самом абстрактном смысле, служащие тому, чтобы люди, и так изрядно замученные чистой ложью и полуправдой официальной пропаганды, окончательно потеряли любые ориентиры в окружающем мире и не воспринимали его адекватно. Апеллирование к незамутнённой чистоте ленинских принципов, которые-де исказили нехорошие национал-коммунисты русского происхождения; лакейский взгляд на Запад, этот светоч цивилизации и мотор прогресса. После прихода к власти демократоров (сиречь тех, кто нас демократизирует) ещё ярче высветили для людей истинную суть либералов-гуманистов. Теперь посыпалась брань и на советский период русской истории без малейшей маскировки и шифра, весь путь России обобщался под определение рабского и тоталитарного. Они остались единственной «интеллигенцией», присутствовавшей в государственном официозе, и без стеснения, с удовольствием испражнялись на святыни, лгали про всё, о чём заходила речь. Перечень их фамилий нередко встречается в работах Юрия Петухова. Русский почвенник-традиционалист, просвещенный русский империалист (мы помним, что русскими империалистами были А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский и многие другие титаны Русской словесности) давно разрешил один из самых главных законов общества, законов неписаных и строго табуированных.

Суть открытия состоит в том, что одновременно на Земле живут люди нормальные и выродки, люди с душевными и физическими отклонениями, согласно богословскому определению - бесноватые (к схожим выводам пришёл известный философ Григорий Климов). Свои патологические особенности они преподносят остальным как свидетельство гениальности, отличности от большинства. Народ, преимущественно не знакомый с методом вычисления этих паршивых овец, соглашается с этим, позволяет выродкам садиться себе на шею и губить себя. Совместив своё фундаментальное открытие с анализом современной общественной жизни, Юрий Петухов точно установил проводников воли диавола в России и в мире, а понимание этнического и политического аспектов вопроса прояснило всё до конца. Писатель выстроил в систему знания, которыми обладали выдающиеся личности прошлых времён, развил их идеи, включив их в открытую им закономерную и фундаментальную теорию Подлинной Истории, а затем образно и доходчиво донёс до своего народа.

Причём сам он ни на мгновение не оставался в стороне от схватки, а с поднятым забралом рубился в бою и жестоко уязвлял сатанинских прислужников; здесь что ни очерк - то сверкающий взмах меча, что ни статья - то калёная стрела, летящая во врагов.

В этой книге мы встречаемся с незамедлительной реакцией выдающегося русского писателя на недавние события, и для всестороннего понимания жизни её прочтение просто необходимо, равно как и для более полного знакомства с творчеством Юрия Дмитриевича Петухова. Здесь мы слышим голос великого человека, написавшего около двух десятков романов и исторических исследований, стихов и философских работ, мыслителя и горячего Русского патриота, который всегда жил и страдал вместе со своей матерью-Россией, отважно и непреклонно бился за неё. И битва эта не окончена, она кипит и сейчас, и вновь Юрий Петухов несёт нам своё суровое, не приукрашенное, но животворящее слово Правды.

Содержание

В серии «Imperia Russia» выйдут книги:

«Общество Истребления. Тирания «демократии»

«Сокрушение Америки. Русский удар.
Россия от Калифорнии до Атлантики»

«Империя Русов. Величие и Трагедия
Российской Империи. Сверхцивилизация
Россия и крах «мирового сообщества»

«Сверхэволюция.
Суперэтнос, дьяволочеловечество
и восхождение к богам.
Русы – властелины Вселенной»

ИСТОРИЯ выпуск 1-2. 2004
Индекс 71505
Историко-публицистическое издание

Серия
«**Imperia Russia**»

Юрий Дмитриевич Петухов
Третья Мировая война.
Колонизация России

Редактор Д.А. Андреев
Технический редактор В.Н. Савельева
РН 014748
ЛР № 060423

Подписано в печать 25.03.2004. Формат 84x108/32.
Объем – 15,5 п.л. Заказ № 9853

«История»
Индекс 71505
Издательство «Метагалактика»
111123, Москва, а/я 40.

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6